ГРАМОТЫ

ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХЪ

съ 1390 по 1569 годъ,

СОБРАННЫЯ И ИЗДАННЫЯ

подъ редакціею

Владиміра Антоновича и Константина Козловскаго.

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи.
1868.

ГРАМОТЫ

ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ЛИТОВСКИХЪ

съ 1390 по 1569 годъ,

СОБРАННЫЯ И ИЗДАННЫЯ

подъ редакціею

Владиміра Антоновича и Константина Козловскаго.

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи.
1868.

Изъ Университетскихъ Извѣстій 1868 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ »Грамоты великихъ князей Литовскихъ«, обнимающія собою время отъ конца XIV в. до 1569 года, т. е. до Люблинской Уніи.

Въ этомъ томѣ помѣщены:

1. Жалованныя грамоты великихъ князей литовскихъ частнымъ лицамъ на владѣніе землями, имѣніями, и вообще акты, относящіеся до поземельнаго владѣнія въ Южной Руси (№№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 39, 41, 45, 51, 54).
2. Грамоты, относящіяся къ церкви и духовенству (№№ 2, 12, 19, 37, 51, 52).
3. Къ военной службѣ (№ 53).
4. Къ городамъ (№№ 25, 33, 38, 43, 48).
5. Къ крестьянамъ и отношенію ихъ къ землевладѣнію (№№ 10, 16, 17, 37, 39, 52, 59).
5. Къ евреямъ (№№ 44, 46, 50).
7. Къ администраціи (№№ 26, 34, 35, 42).
8. Къ судопроизводству (№№ 36, 42, 49, 54, 56, 57, 59).

и 9. Къ финансовому устройству (№№ 40, 46, 47, 48, 49, 50, 55, 57, 58).

Въ числѣ этихъ грамотъ слѣдующія относятся къ древнимъ южнорусскимъ княжескимъ родамъ:

а) къ роду князей Олельковичей (№№ 6, 9).
б) » » » Острожскихъ (№№ 1, 54).
в) » » » Любецкихъ (№ 7).

г) къ роду князей Вишневецкихъ (№№ 8, 24, 42).
д) » » » Ковельскихъ (№ 32).
е) » » » Сангушковъ-Коширскихъ (№ 32).
ж) » » » Капустъ (№ 45).
з) » » » Корецкихъ (№№ 54, 59).
и) » » » Четвертинскихъ (№ 36).
і) » » » Острожецкихъ (№ 36).
и к) » » » Курбскихъ (№№ 56, 57).

Всѣ помѣщенныя въ настоящемъ томѣ грамоты, за исключеніемъ тѣхъ, которыя, въ подлинникѣ или въ копіи, находятся въ частномъ собраніи г. Антоновича, взяты изъ актовыхъ книгъ Кіевскаго центральнаго архива. Кромѣ того, въ интересахъ русской исторической науки, мы признали нужнымъ включить еще въ этотъ томъ пять грамотъ, взятыхъ изъ Athenaeum, (1842 г. т. II), изданія довольно рѣдкаго въ настоящее время.

К. Козловскій.

1.

Грамота великаго князя Витовта князю Өедору Даниловичу Острожскому на имѣнія: Бродовъ, Радосіолки, Радогоще, Межеричи, Дяково, Свищово и др. (около 1390).

Actum in castro inferiori Leopoliensi, feria quarta post dominicam invocavit quadragesimalem proxima, anno domini millesimo sexcentesimo, nonagesimo quarto.

Ad officium actaque praesencia, castrensia, capitanealia, Leopoliensia personaliter veniens generosus Gaspar de Magna Kunice Kunicki, pocillator Czerniechoviensis, praesentavit officio praesenti copias privilegiorum, tam serenissimorum olim poloniae regum, quam et ducum russiae, partim polono, partim latino idiomate in se sonantium, vigore quorum ducatus Ostrogiensis possidebatur, ex originalibus in unum libri compagem charactere jam obsoleto conscriptas, ex archivo illustris et magnifici Stanislai Joannis in Jablonov Jablonovski, castellani Cracoviensis, exercituum regni supremi ducis, quoniam originalia ipsa ad praesens inveniri nequeunt, sibi concreditas et communicatas, petiitque ab officio praesenti unius copiam privilegii exüsdem copiis, numero quintam, describi et in acta officii sui ingrossari ac sibi authentice extradi; quas privilegiorum copias officium praesens vidit et triginta septem esse numeravit, affectationique ejusdem generosi Kunicki, pocilatoris Czerniechoviensis, annuendo, eamdem, copiam sub numero quinto existentem, de verbo ad verbum descripsit, actisque suis ingrossavit de tenore verborum sequenti. Numero quinto: »Przywiley oryginału Witułdowego Xiążęciu Teodoru na Ostrog, na Brodow, na Radosiołki, na Radohoszcz, na Międzyżecz, na Diakowo, na Swiszczow, na Ozierany, na Horodniczu, na Dwa Stawki, anno sexcentesimo quarto. My Wielki Kniaz Witułd czyniemy znaiomo wszystkim, kto na tę hramotę weyrzy, abo usłyszy y będzie czytał,

iż zapisuiemy y zapisaliśmy Kniaziu Fedoru Daniłowiczu Ostrog, jako y ociec jego dzierżał yz sieły y ze wszystkim, co k temu przynależy, jako y przy oycu jego było, także cośmy przydali kniaziu Feodoru sioło Brodow, także i Radosiołki, Radohoszcze, Meżerycze, Dziakow, także Swiszczow y z przysiołkami, ozerami, Horodnicz, Dwa Stawki, a to wszystko wzwyż opisane dzierzeć kniaziu Fedoru wiecznie, nieporusznie nikomu y do jego żywota, y po jego żywocie—żenie y dzieciom jego na wieki; a na to wszystko daliśmy kniaziu Fedoru tę hramotę, i pieczęć swą kazaliśmy przywiesić. A pisan w Łucku, w poniedziałek po świętym Pietrze, w lato szesćsetne czwarte (sic.). Pod zawinieniem niżey u tego przywileju był napis ruskim pismem w te słowa: Kniahyni wielikaia sprawa. Post ingrossationem vero ejusdem, copias idem generosus Kunicki ad se recepit et de recepto officium praesens quietavit. Ex actis castrensibus capitaneatus Leopoliensis extraditum.

Сообщено В. Антоновичемъ.

Примѣчаніе.—Упоминаемый въ настоящемъ актѣ князь Ѳедоръ Даниловичъ Острожскій въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтій игралъ въ исторіи южной Руси весьма замѣчательную роль. Въ 1386 году польскій король Ягелло и великій князь Литовскій подтвердилъ за нимъ Острожское владѣніе и увеличили его удѣлъ округами Корецкимъ и Заславскимъ. Въ 1390 г. Ягелло подтвердилъ за нимъ еще разъ княжества Острожское и Заславское; затѣмъ лѣтописи на цѣлые 32 года умалчиваютъ о князѣ Ѳедорѣ Острожскомъ. Въ 1422 году онъ появляется въ числѣ сподвижниковъ князя Сигизмунда Корыбутовича, отправившагося въ Чехію, по просьбѣ жителей города Праги, на помощь противъ нѣмцевъ, ожесточенно старавшихся утопить въ крови гусситизмъ.—До паденія Сигизмунда въ 1427 г. между храбрѣйшими его товарищами виднѣется постоянно князь Ѳедоръ Острожскій (у Палацкаго: »князь Русскій изъ рода князей Острожскихъ«); но и послѣ удаленія Сигизмунда изъ Чехіи онъ продолжаетъ сражаться съ нѣмцами, въ качествѣ охотника, еще въ 1430 году онъ отличился въ силезскомъ походѣ гусситовъ. Но въ этомъ году произошло событіе, отозвавшее князя Ѳедора на родину,—скончался В. К. Литовскій Витольдъ и Литву охватила сильная междуусобная борьба, затихшая было только вслѣдствіе талантовъ и внѣшней предпріимчивости этого князя: два разноплеменные элемента, вошедшіе въ составъ великаго княжества: литовскій и русскій, поднялись въ послѣдній разъ на борьбу за преобладаніе; борьба эта, вспыхивавшая и до того времени среди междуусобій Кейстута, Ягелла, Явнута, Скиргайла и т. п. нашла на этотъ разъ болѣе способныхъ представителей и обозначилась рельефно въ двухъ соис-

кателяхъ великокняжескаго престола. Литовская партія, опиравшаяся на общинную, демократическую, преданную роду Кейстута, Жмудь, сгруппировалась около Жикгмунта Кейстутовича »мыслившаго въ сердцу своемъ, по дьяволю наущенью, какобы весь рожай шляхетскій погубити и кровь ихъ розлити и поднести рожай хлопскій, псю кровь«. Русская партія, въ лицѣ многочисленныхъ княжескихъ родовъ—Рюриковичей и Гедиминовичей, опираясь на княжеское, аристократическое, феодальное начало —имѣла представителемъ своего любимца—Свидригайла Ольгердовича. Въ сторонѣ отъ обѣихъ партій зараждалась 3-я, которой суждено было восторжествовать вскорѣ надъ обѣими: —это партія польская, она имѣла опору въ мелкой русской боярщинѣ, мечтавшей о равноправности польской шляхты, и въ нѣкоторыхъ литовскихъ сановникахъ, возведенныхъ польскимъ вліяніемъ въ крупные должности. Партія эта равно враждебная и общинной Жмуди и княжеской Руси, пока значительно уступавшая въ силѣ обѣимъ, вела свои дѣла осторожно, опираясь на польскую помощь, она дружила попеременно, смотря по обстоятельствамъ, съ обѣими враждующими сторонами, а между тѣмъ, въ виду будушей »Уніи«, помогала полякамъ оттягивать у Литвы одну землю за другою.—Среди этой борьбы князь Өедоръ Острожскій является самымъ дѣятельнымъ, храбрымъ и распорядительнымъ сподвижникомъ Свидригайла. Въ 1432 году онъ отстаиваетъ Подолію отъ посягательствъ поляковъ, старавшихся завладѣть этою землею подъ видомъ помощи Жикгмунту Кейстутовичу; тѣснимый превосходными силами, онъ успѣлъ удержаться въ Браславлѣ, организовалъ войско изъ русскихъ, наемныхъ татаръ и волоховъ, нанесъ полякамъ чувствительное пораженіе на берегахъ рѣки Морахвы, поймалъ въ плѣнъ Каменецкаго старосту Өедора Бучацкаго и, вслѣдъ за тѣмъ, овладѣлъ этимъ важнымъ городомъ; завистливый Свидрагайло старался удалить его изъ завоеванной имъ области и даже (по сказанію Кромера) заточилъ его въ тюрьму, но вскорѣ пришла рѣшительная минута, когда услуги Өедора Острожскаго стали необходимы для Свидригайла.—Въ 1435 г. послѣдній рѣшился покончить однимъ ударомъ продолжительную борьбу съ литовскою партіею; онъ собрался со всѣми силами: въ лагерь Свидригайла явилось болѣе 40 литовско-русскихъ князей со своими ополченіями, князья Тверскіе доставили многочисленное войско; въ станѣ Свидригайла явился и магистръ ливонскій со своими рыцарями и наемными нѣмцами. Князья Сигизмундъ Корыбутовичъ и Өедоръ Даниловичъ Острожскій по порученію Свидригайла набрали многочисленный отрядъ гусситовъ: чеховъ и силезцевъ, считавшихся въ то время лучшими военными людьми въ Европѣ. Огромная сила, собранная Свидригайломъ, двинулась изъ Витебска къ Вильну, по на дорогѣ, невдалекѣ отъ Вилькомира, она была встрѣчена немногочисленнымъ Жмудскимъ ополченіемъ подъ начальствомъ Михайла Жикгмунтовича,—завязалась упорная битва, въ которой Свидригайло былъ разбитъ на-голову

—магистръ Ливонскій, князь Сигизмундъ Корыбутовичъ, нѣкогда нареченный король чешскій, и съ ними болѣе 10 другихъ князей пали въ битвѣ. Свидригайло бѣжалъ въ Волощину и тамъ по выраженію лѣтописца« болѣе 7 годъ овцы паствилъ безвѣстно скрываясь. »Русская партія пала духомъ, оставшіеся въ живыхъ предводители ея или несли повинную Жикгмунту Кейстутовичу, или были заточены имъ въ темницу (Олелько Владимировичъ съ двумя сыновьями, Юрій Лингвеновичъ и др.). Въ эту тяжелую для русскихъ князей минуту сокрушилась энергія и Ѳедора Даниловича Острожскаго; онъ »оставилъ прелесть міра сего и княжескую славу, взявъ на себе святое иночество и такъ подвизался крѣпко о спасеніи своемъ, угождаючи Богу ажъ до смерти«. Князь Ѳедоръ Даниловичъ оставилъ послѣ себя память потомству какъ инокъ и какъ воинъ—какъ инокъ онъ »сподобился стать превыше—въ сонмѣ святыхъ отцевъ печерскихъ.«—Какъ воину ему принадлежитъ заслуга усовершенствованія на Руси военнаго искусства—онъ ввелъ гусситскій строй войска: »таборъ«, усвоенный впослѣдствіи козаками, и доставившій имъ въ теченіе трехъ столѣтій не одну побѣду надъ турками, татарами и поляками.

(М. Максимовичъ; письма о князьяхъ Острожскихъ, письмо 2-е. Бѣлорусская лѣтопись, изданная Нарбутомъ по рукописи Быховца, стр. 46 — 56. Стадницкій—Synowie Gedymina—Т. 1, стр. 95—98 и Т. II, стр. 163. Cromeri—Inventarium Archiv regni An 1434. Палацкій—Dejiny Národu českého, Т. III, ч. 1 и 2 и Т. IV, ч. I).

2.

Обязательство данное епископомъ луцкимъ Иваномъ королю Ягеллу въ томъ, что онъ дастъ послѣднему 200 гривенъ и 30 коней, если поможетъ онъ епископу получить Галицкую митрополію. 1398 г.

А се азъ, владыка Иванъ изъ Луцка, знаемо чиню всѣмъ, аже далъ ми господарь мой, великій король, митрополію Галицкую, хочетъ ми помочи на поставленье митрополитомъ, а коли Богъ дастъ стану митрополитомъ, я то слюбую и хочю дати, оже Богъ дастъ, моему милому государю королю двесте гривенъ русскихъ, а тридцать коній безъ хитрости, я того не хочю иступити, и на тое есмь далъ свой листъ и печать привесилъ. Въ Опатовѣ, предъ Громницами, у лета нароженія сына Божія тисеча триста девяностого осмого лета (1398).

(Athenaeum, 1842 г. т. II, стр. 25).

3.

Жалованная грамота великаго князя Свидригайла кухмистру Петру Мышицу на имѣнія въ Кременецкомъ повѣтѣ: село Борщанку, селище Кандитовъ и Дедовскій лѣсъ. 1408 года, февраля 4 дня

Милостю Божою мы, великий князь Швидригайлъ Литовскій, Рускій и иныхъ, чинимъ знаменито и даемъ вѣдати симъ нашимъ листомъ каждому доброму, нинешнимъ и потомъ будучимъ, хто нань возрить, или его чтучи услышить, комужъ коли его будетъ потребно, ижъ видѣвъ и знаменовъ (sic) службу намъ верную, а нигды неопущеную, нашего верного слуги, пана Петра Мыщица, нашего кухмистра, и мы, порадывшися зъ нашими князи и зъ паны, и зъ нашою верною радою, дали есмо ему и записали за его верную службу село въ Кременецкомъ повете, Борщанку, а борокъ и селище Кандитовъ, а лесъ Дедовъ, со всемъ, што къ тымъ селомъ изъ века и зъ давна слушало и тягло, вечно и непорушно ему со всѣми уходы и приходы, зъ приселки и зъ селищи, и зъ нивами, и зъ пашнями, и зъ лесы, и дубровами, и зъ бортными землями, и зъ гаи и зъ пасѣками, и зъ ловы, и зъ ловищи, и зъ бобровыми гоны и зъ зеремяны, и зъ реками, и зъ озеры, и зъ крыницами, и зъ потоки, и зъ ставы, и ставищами, и зъ млины, и зъ мыты, и зъ болоты, и зъ рудами, и такъ што въ тыхъ именѣхъ собѣ примыслитъ и на новомъ корени посадитъ, и со всеми платы, што къ тымъ именемъ слушаетъ и слушало и также слуги, и зъ дубровами, и зъ сеножатами, и со всеми пожитки, можетъ собе полепшивати и разширивати, осадити, и примножати, а даемъ тому предречоному пану Петру, инакъ Мыщце, кухмистру вѣчно и непорушно ему, а по немъ и детемъ его, внучатамъ и ближнимъ его и его щадкомъ; вольни по всѣхъ тыхъ именѣхъ кому отдати и продати и променити, панъ Петръ и его ближни, и потомъ будучіи, пакъли бы хто хотѣлъ тыи имена подъ паномъ Петромъ взяти, или подъ его детми и подъ его ближними, тогды первѣе имаетъ пану Петру, инакъ Мышце, дати четыриста копъ широкихъ грошей, а любо детемъ его, а любо ближнимъ его, тогды и маетъ подъ ними тыи имена взяти, а панъ Петръ зъ того имена и маетъ служити намъ двема коньми,—а при томъ были сведъки, наша рада: панъ Монвидъ, староста Подольскій и Кременецкій, а панъ Юрша, воевода Кіевскій, а панъ Янъ Войницкій, староста Луц-

кій и Олескій, а панъ Юрій, маршалокъ нашъ, а панъ Хохлевскій, а панъ Иванъ Гулевичъ, панъ Кожарпнъ, маршалокъ Луцкое земли, а панъ Маско Гулевичъ, а панъ Иванъ Волотовичъ, а панъ Иванъ Чорный, а панъ Иванко Мукосѣевичъ; а на потвѣржение того нашего жалованья, про лепшую память и твердость, и печать нашу велели есмо привесити къ сему нашему листу. А пѣсанъ у Луцку, подъ леты рожества Іисуса Христа, 1408 лета, февраля 4 день, индикта 1.

Приказъ князя Борисова подканцлѣрого, а пана Семашковъ.

Многогрешный, иснаксаръ, писалъ привилій.

(Athenaeum, 1842 г. т. II, стр. 26).

4.

Грамота великаго князя Свидригайла, утверждающая границы имѣнія земянина Браилавскаго, Карпа Ивановича Микулинскаго. 1431 года, мая 21 дня.

Feria quarta ante festum nativitatis gloriosissimae virginis Mariae proxima Anno Domini millesimo septingentesimo decimo quarto.

Ad officium et acta presentia, castrensia, capitanealia, latyczoviensia personaliter veniens generosus Thomas Zalivski, obtulit officio presenti et ad acticandum porrexit literas graniciales seu confirmationem commissorialem, ruthenico idiomate scriptas, ratione limitum inter bona Poczapinske et Miculinske, per serenissimum regem poloniae Vladislaum datas, manuque ejusdem propria et secretarii subscriptas et sigillo in caera rubra in appenso serico rubro insignitas, in personam generosi Karp Ivanovicz Miculinski servientia, de tenore verborum tali. Significamus presentibus literis nostris quorum interest universis et singulis, productas fuisse coram nobis literas infra scriptas ex actis castrensibus, Latyczoviensibus de actu sabbatho post festum Sancti Martini Pontificis proximo, anno Domini millesimo sexcentesimo trigesimo primo authentice emanatas, continentes in se literas privilegii illustrissimi principis Swidrigayło, idiomate Ruthenico scriptas, generoso Karp Iwanowicz Miculinski datas et per nobilem Jacobum Czervielski ad acticandum oblatas; supplicatumque est nobis ut easdem literas auctorita-

te nostra regia aprobare et confirmare dignaremur. Quarum quidem litterarum ea est, quae sequitur series: »Мы, Свыдрыгайло, Великій Князь, чинымо знаменито нынешнымъ и потомъ будучимъ веку людемъ, ижъ, прышовшы передъ насъ земянинъ нашъ повету Браславского, Карпъ Ивановичъ Микулинскій, билъ чоломъ, покладалъ передъ нами лыстъ отъ князя Василія Сангушковича, державцы нашого Браславского и дворанъ нашихъ: Тыхона Слупыци, Васила Омелковича, и Семена Юзыповича, што есмо имъ первей сего велилы именя его Мыкулинскіе объихаты, грани положыты и крывду его, што менуетъ одъ земянъ Браславскихъ и бояръ Хмельныцкихъ, розсудыты; ведже оны тое все учинылы, грамоту свою видомя (sic) дали ему; и просилъ насъ, абы есмо ему тое потвердылы; ино мы тую грамоту въ книгу Дьякови нашому упысаты велилы и такъ е напысано: за повелиниемъ великого князя Свыдрыгайла, васылый Сангушковичъ, державця Браславскій и мы дворане господарскіе: Тыхонъ Слупыця, Василій Омелковичъ, и Семенъ Юзыповычъ, былысмо у земянына повету Браславского, пана Карпа Ивановыча Мыкулынского, в именю его Почапынцяхъ и покладалъ передъ намы лыстъ господара его мылости, Велыкого Князя Швыдрыгайла, которымъ пышетъ, абысмо крывду его зъ земяны Браславскими и бояры Хмелныцкимы разсудылы, и грани около маетностей его учинылы: ино мы послалы вижа замку Браславского, пана Хацка до земянъ Браславскихъ: пана Максыма Тымковыча, пана Ярмолу, пана Евсея и пана Кмыту; также до бояръ Хмелныцкихъ: пана Васка, пана Кондрата и пана Евсея, абы до насъ прыиехалы и зъ паномъ Карпомъ потокмылыся (sic); ведже оны не хотилы, мовячи: »не поѣдемътамъ, бо мы о томъ ведаемъ, але своеп петки земли пылнуемо,« — а ведже мы, по долгу лысту господарского, зъ паномъ Карпомъ чыныты грани поехали, и колы есмо проихалы черезъ ліс Почапинский до долыни Кобелыка, вгору рички Згару, где насъ панъ Карпъ приводылъ, указуючи одъколя грунтъ его починаетъ, ажъ тамъ есмо, при той долыни Кобелыку, засталы бояръ Хмельницкихъ, пана Васка и пана Кондрата, зъ людми ихъ, которые намъ поведалы: же одъ той долыни по правой сторони грунтъ Хмельныцкій, а по левой до Почапынци; тамъ же есмо подле рики Згару конецъ усыпаты велилы и на граби грань вытесаты; а одъ тоеи долыны Кобелыкой на полудень грунтъ Хмелницкій вправо, а до Почапинце влево, пускаючи до головы и верховыны Ровця, где также конецъ усыпалы и грань на лыпи

учиниты велилы. А перешедши верховину Ровця, на другую сторону той верховины, засталисмо пана Максыма Тымковича, который повиділъ, же одъ той верховины на полудень у право грунтъ мой, а влево лисъ Мыховъ—пана Карпова до Почапынець, и тамъ есмо копцовъ два усыпаты велилы, а одъ тыхъ копцовъ лисъ Мыховъ пущаючи влево, а пана Максыма вправо, на пулъ мили долыною и стежкою до долыны Бубновыци, а одъ долыны Бубновыци черезъ лисъ стежкою до долыны Лоточное, где также есмо грань на явори вытесалы и копецъ учыныты велилы. А отъ долины Лоточной до Крыныци, гдѣ ся починаетъ ричка Ольшанка, тамже копцовъ усыпаты есмо велилы у тоей річки Ольшанки, пры долыни Щербановой; а одъ долыны Щербановой до Сиквы долыны; а одъ Сиквы долыны, до Мыскова горба, и з Мыскова горба до потоку и долыны Бучачной—усе у лево грунтъ до Почапынець, при которой долыни засталысьмы пана Ярмолу зъ людми его, которыи потвердылы, же отъ Бучачной вправо—грунтъ той до Пултовець, а влево—до Почапынець, тамже копцы значныи усыпатысмо велилы; а черезъ тую Бучачную, вниз Ровця, припровадылъ насъ панъ Ярмола до долыны, где указалъ по той сторони тылько грунтъ Почапынскій, гдѣ также копецъ усыпано, а потомъ черезъ ричку Ровець повелъ до урочища Песочное, одътоль до Цецулыны долыны, где есмо засталы людей Салискихъ, который поведылы, же в право грунтъ Салцскій, а влево до Микулинецъ, а тамъ при той долыни копецъ усыпано одъ Цыцулыны долыны до урочища Тулныковъ; одъ Тулныковъ до могылы, протывко селу Якушинскому, гдѣ засталисмо Пана Евсея зъ людмы его, который намъ поведалъ: же по тую могилу и по ричку Вышню—мой грунтъ Якушински управо, а влево грунтъ Мыкулински; тамъ же одъ той могылы у гору рички Вышни, где пришлисмо и пришедши тамъ где впадаетъ ричка Дидовка и тамъ засталысмо пана Данила, который поведылъ: же грунтъ мой по правой сторони, а по левой до Мыкулынець тамъ же есмо копецъ усыпалы, грани на лыпи вытесаты велилы; одътоль уверхъ ричкы Дидовки до гостынця Винницкаго, а гостынцемъ, мымо лозу Мохнатую, у лево, пускаючи черезъ поле до рики Згару, нижей урочища Брычнаго, где впадаетъ ричка Кулыка, где есмо засталы пана Кмыту, который признал: же по левой рички Кулыгы грунтъ Мыкулынскій, а по правой мой до Лытына, тамъ же въверхъ Кулыги просто до (ро)гу леса; а одъ леса ажъ до урочища Вирной долыны, где засталысмо

бояръ Хмельныцкихъ: пана Евсея и иныхъ, которыи призналы по тую долыну Вирную грунтъ Мыкулынскій, а за долыною Багрыновскій; тамъ же противъ той долыны, в рици Згару, в озеры Антоповы, для вечистого знаку паль забыты казалы есмо и тую границю скончылы, и, штобы ее никто не нарушилъ, заруку на Господара его мылосты чотыриста грывенъ Подольскихъ (sic) заложилы. Пысанъ в Новоселыци, Декабра семынадцятъ день, Индыктъ семый. Которыи то граници и за рику, также концы и грунтъ Карпа Мыкулинского потверждаемъ; а на твердость того печать нашу к сему лысту привеситы есмо велилы. Пысанъ у Вылни, мая двадцать первого дня, индыкта девятого. Вежгайло Діякъ, рука«. Cui suplicationi nos benigne annuentes proinsertas literas in omnibus earum punctis, clausulis, articulis approbari et confirmari duximus; prout approbamus et confirmamus presentibus literis nostris, decernentes, eas vim et robur debitae firmitatis, in quantum iuris est et usus earum habetur, obtinere debere. In quorum fidem presentes, manu nostra subscriptas, sigillo regni muniri jussimus. Datum Varsaviae, die XXX mensis Septembris, anno Domini MDCXII, regnorum meorum: Poloniae IX, Sueciae X. Confirmatio comissionis ratione limitum, inter bona Poczapinskie et Mikulinskie. Matthias Cielecki S. R. M. Locus sigilli in appenso cera rubra insigniti. Vladislaus Rex. Post ingrossationem idem generosus offerens originale ad se recepit et de recepto officium presens quietavit.

Книга гродская летичевская, 1714 г. № 5253, стр. 177 на обор.

5.

Грамота великаго князя Свидригайла шляхетнымъ Чоботамъ на имъніе Рычековъ. 1445 года, марта 3 дня.

Милостію Божіею, мы, князь великій Свидригайло Олькгирдовичъ вызнаваемъ то тымъ нашимъ лыстомъ каждому доброму, комужъ буде его потребизна, нынѣшнимъ и потомъ будущимъ, или его услышитъ кто чтучи (sic): ижъ приказаньемъ кроля Владислава полского и вгорского, сыновца нашего милого, дали есьмо вѣчную очизну въ Огороженой въ Великой, къ королевскому двору, шляхетнымъ Чоботомъ, а также и зъ кролевскимъ приказаньемъ дали есьмо имъ Рычекговъ, за ихъ вѣч-

ную очизну, отмѣну шляхетному Феодору Жукови половину Рычекгова, и также шляхетному Ходорови и зъ братомъ его Игнаткомъ другую половину Рычекгова, и то есьмо дали на вѣки вѣчныи и дѣтемъ ихъ, ихъ ближнимъ, по ихъ животѣ, зо всѣмъ правомъ и зо всѣми пожитки: зъ поли, и зъ ролями, и зъ луками, и зъ лесы, и зъ лозами, и зъ реками, и зъ потоки, и зъ криницами, и зъ ставы, и зъ млыны, и зъ тыхъ млыновъ вымолотки, зъ ловищи звѣринними, и зъ пташми, и зъ вѣчными границами, штожъ и зъ вѣка къ тому Рычекгову прислухаетъ, то и нынѣ имаетъ слухати. Вольни продати, или за даръ дати, на свое лепшое обернути, а зъ того намъ имаетъ служити, и нашимъ намѣстникомъ двома стрельцами на заволаную войну, якъ останнии земяне служатъ, а на лепшее свѣдоцтво казали есмо печать нашу привесити къ сему нашему листу на потвержденіе; а при томъ были наша вѣрная рада: панъ Немиричъ, староста Луцкій, князь Михайло Чорторійскій, маршалко нашъ, панъ Семашко, панъ Бернатъ маршалко, а иныхъ много добрыхъ при томъ было. Данъ въ Луцку, месеца марта 3 день, подъ леты Христова Рожества 1445 лето.

Приказъ пана Федька канцлерее.

(Athenaeum, 1842 года, т. II, стр. 27).

6.

Духовное завѣщаніе князя Андрея Владиміровича, написанное имъ въ Кіево-печерской лаврѣ, по которому имѣнія его: Словенскъ, Могильное, Коменце, Логожескъ, Лемницы и Полонное, въ случаѣ смерти, переходятъ женѣ и дѣтямъ его. 1446 года, іюня 16.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, се азъ рабъ Божій, князь Андрей Владиміровичъ, пріездилъ есмъ въ Кіевъ, зъ своею женою и зъ своими дѣтками и были есмо въ дому пречистыя и поклонилися есмы пресвятому образу ея и преподобнымъ отцемъ Антонію и Феодосію и прочимъ преподобнымъ и богоноснымъ отцамъ печерскимъ, и благословилися есмы у отца нашего, архимандрита Николы, и у всѣхъ святыхъ старцевъ, и поклонихомся отца своего гробу, князя Владиміра Олгердовича, и дѣдъ своихъ гробомъ въ печере; и размыслихъ на своемъ

серци коло тыхъ гробовъ; а вси тыи жили на семъ свѣтѣ, а пошли вси къ Богу, и помыслилъ есмь помале—и намъ тамо пойти, где отци и братя наша, и подумалъ есмъ зъ своею княгинею и зъ отцемъ своимъ Николою, архимандритомъ печерскимъ, и зъ святыми старцы, и зъ своими бояры, и отписалъ есмь своей женѣ, княгини Маріи, и своимъ дѣтемъ, и ее дѣтемъ свою отчину, и свою выслугу, иже есмъ выслужилъ на своихъ господарехъ своею верною службою, на великомъ князи Витовтѣ, и на великомъ князи Жикгимунтѣ, и на своемъ господарѣ, великомъ князи Казимірѣ, имѣніе первое; а имярекъ: Словенскъ, Могильное, Каменпе, Логожескъ, и Лемницы (sic), Полоное а также што есмь подавалъ имена бояромъ своимъ. А кто всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и они служатъ зъ тыхъ именій женѣ моей и дѣтемъ моимъ; а хто не всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и азъ тые имена далъ женѣ своей и дѣтемъ своимъ, а вся тая имена поручилъ и далъ есмь женѣ своей, княгинѣ Маріи, и сыну своему, князю Глѣбови, и дочцѣ своей, княжнѣ Овдотьи; а при томъ былъ отецъ нашъ Никола, архимандритъ печерскій, уставникъ, Іона Филозофъ, Ключникъ Давидъ, келаръ Герасимъ, и иныхъ у господи нашее старцевъ много, и наши бояре, и наши маршалки, князь Глебъ Дмитріевичъ, бояринъ нашъ Александръ Самотечинъ, Иванко Давидовичъ, и иные бояре наши и слуги при томъ были; а кто се слово наше порушитъ, а иметъ въ тые имена вступатися, разсудится зъ мною предъ Богомъ, и буде ему клятва отъ Бога Отца и Сына, Святого Духа и одъ пречистыя Владычици нашея Богородицы и присно-дѣвы Маріи, одъ всѣхъ святыхъ ангелъ, и одъ пророкъ, и апостолъ, и одъ четырехъ евангелистъ, и одъ святыхъ отецъ, иже на седми зборехъ бывшихъ, и одъ всѣхъ мученикъ, и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ Антонія и Феодосія печерскихъ, иже есмь то вернѣ выслужилъ отъ своихъ господарей. А писана въ Кіевѣ, въ обители царстѣй, въ печерскомъ монастыри, по святыя Богородицы и преподобныхъ отецъ Антонія и Феодосія, въ лето 6954, іюня 16, на память священномученика Тихона, а писалъ старецъ Пахнутій, Лихачевъ братъ.

Athenaeum, 1842 г. т. II, стр. 32 наоб.

Примѣчаніе —Упоминаемый въ этомъ актѣ князь Владиміръ Ольгердовичъ, отецъ завѣщателя князя Андрея, по словамъ лѣтописи Быховца (стр. 22) по-

лучилъ отъ отца своего въ удѣлъ Кіевъ. Владиміръ не хотѣлъ подчиниться могучему великому князю Литовскому Витовту и потому послѣдній двинулся противъ него изъ Подоліи, взялъ Житоміръ и Овручъ. Успѣхи Витовта заставили Владиміра смириться и онъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу, но, за сопротивленіе, Кіевъ былъ отнятъ у него и отданъ Скиргайлу, самъ же онъ переведенъ на удѣлъ въ Копыль (Быховецъ, стр. 34). Сынъ Владиміра Ольгердовича Иванъ Белзскій сопровождалъ короля Ягеллу на коронацію въ Краковъ, и послѣ того женился на княжнѣ Василисѣ Белухѣ - Ольшанской, старшей сестрѣ жены Ягелла—Софіи (Быхов. стр. 29 и 37). Въ битвѣ подъ Вилькомиромъ, князь Иванъ Владиміровичь, сражаясь за Свидригайла противъ Сигизмунда Кейстутовича, взятъ былъ въ плѣнъ (Быx. стр. 47). Кромѣ Ивана, у князя Владиміра Ольгердовича были еще сыновья: Андрей Могилевскій *). Сигисмундъ Кейстутовичъ, во время своего княженія, враждуя съ литовскими панами, и разрушая на Литвѣ дворянское начало, заключилъ Олелька въ тюрьму въ Керновъ, а жену и сыновей его Семена и Михаила въ Утяну (Быx. 48). Они были освобождены изъ своего заключенія литовскими панами уже послѣ убіенія Сигизмунда и возвратились въ свою отчизну въ Копыль (Быx. 50). Послѣ отнятія Кіева у Михаила Сигизмунтовича, князь Олелько, съ сыновьями своими, Семеномъ и Михаиломъ, били челомъ великому князю Казиміру, чтобы онъ отдалъ имъ Кіевъ, какъ отчизну ихъ. Снисходя на просьбу пановъ радъ своихъ, Казиміръ отдалъ имъ Кіевъ, со всѣми пригородками Кіевскими (Быx. 56). Въ 1454 году Олелько умеръ и Казиміръ не позволилъ уже сыновьямъ его дѣлить Кіевъ между собою, на томъ основаніи, что Кіевъ не можетъ считаться ихъ отчизною, по причинѣ побѣга князя Владиміра, отца Олелька, въ Москву. Такимъ образомъ Кіевъ былъ отданъ Семену, а Михайлу предоставленъ Копыль. Въ 1460 году умерла жена Олелька Настасія Витовтовна, въ слѣдующемъ 1461 году Казиміръ назначилъ князя Михайла Олельковича намѣстникомъ въ Новгородъ. Въ томъ же году Семенъ Олельковичъ умеръ (4 декабря), а Михайло оставилъ Новгородъ (Быx. 61). У Михайла былъ сынъ Семенъ князь Слуцкій, имя котораго не осталось безслѣднымъ въ исторіи южной Руси. Этотъ Семенъ, въ 1502 году, поразилъ татаръ подъ Бобруйскомъ; но въ томъ же году неожиданно налетѣлъ съ ордою Битесъ–Гирей, захватилъ Семена въ расплохъ и принудилъ запереться въ Слуцкѣ, окрестности котораго совершенно разорилъ и опустошилъ (Быx. стр. 72, 73). Въ 1503 году князь Семенъ принималъ участіе въ пораженіи татаръ литвинами у Поневежа, около р. Припяти, и въ томъ же году онъ скончался, по выраженію лѣтописи, »христолюбивый и благовѣрный« (Быx. 73).

---

*) И Александръ (Олелько), радоначальникъ князей Олельковичей.

7.

Грамоты короля Казиміра, 1457 года 11 ноября, и великихъ князей литовскихъ: Александра, 1500 года августа 6 дня, и Сигизмунда II, 1545 года декабря 5 дня, служащія князьямъ Любецкимъ на имѣніе Любчо и на другія имѣнія, находящіяся въ Волынской землѣ.

Року 1569, мѣсеца февраля 7 дня, в понеделокъ.

Пришодчы и постановившися очевисто в замку Луцкомъ, передо-мною, Петромъ Хомекомъ, подстаростимъ Луцкимъ, ее милость княгиня Павловая Соколинская, княгиня Гапна Романовна, княжна Друцкая и Любецкая, зъ зятемъ своимъ, его милостью княземъ Львомъ Сангушковичомъ Кошерскимъ, а ее милость княгина Ивановая Любецкая, княгина Олена Солтановна Сокольского и пани . . . . . . Миколаевая Харлинская оповедали очевисте, привилей господарскій покладали на именя свои Любецкое и на иншие именя; и не будучи безпечни от неприятеля головного паганства татаръ, и к тому не маючи местца певного в домехъ и . . . . перестерегаючи часу пригодливого запаленемъ огня и иншихъ пригодъ, што за нещастемъ на люди приходитъ, а хотечи тотъ привилей господарьскій собе для вшелякихъ пригодъ на местцу певному и безпечному мети, просечи, абы на вряде господарьскомъ обявней вычитанъ и до книгъ кгродскихъ былъ записанъ, который привилей господарьскій такъ ся в собѣ маетъ: »Жикгимонтъ Августъ, Божю милостю королъ полскій, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жемоитский, Мазовецкий и иныхъ. Чинимъ явно симъ нашимъ листомъ, хто на его посмотритъ, або чтучи его услышитъ, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати: били намъ человъ дворене наши: князь Богданъ, князь Дмитрей, князь Иванъ, князь Янушъ Романовичи Любецкие, и поведили передъ нами, ижъ которое имене свое, Любче, въ земли Волынской они маютъ, иподей отъ людей неприятелскихъ поганства татаръ оному имению ихъ частокротъ великая небезпечьность деетъ и которой привиляхъ листы твердость на тое имене свое Любче прислухаючие они въ себе маютъ и кгды ся имъ справы коло того имени ихъ Любча и границъ ихъ зъ суседы ихъ обаполными трафяютъ и предъ насъ господаря, або пановъ радъ нашихъ, и въ поветехъ Волынскихъ, въ томъ се позываютъ

и розъезды чинятъ, тогды они у воженью тыхъ привилевъ своихъ головныхъ черезъ далекость дороги и для небезпечности отъ людей неприятелскихъ и отъ огня великую трудность приймують; и били намъ чоломъ, абыхмо для лепшой безпечности и для вшелякихъ пригодъ листы твердости ихъ, которые они на имене свое, Любче, в земли волынской маютъ и зачимъ его держатъ, казали слово отъ слова на листе нашомъ выписати, и на то листъ нашъ имъ дали, который бы они, вместо онихъ головныхъ привилевъ листовъ своихъ, завжды ку обороне в потребахъ своихъ на праве покладали; яко жъ напервей положили передъ нами на тое имения свое, Любче, привилей дѣда нашого Казимера, короля его милости, и листъ бабки своее, паней Феди Олизаровой Шиловича, и другий листъ короля его милости Казимера, и тежъ особно листы дѣда нашого Александра, короля его милости, въ которыхъ широце есть описано, за которые-дей листы и тепере они тое имене, Любче, на себе держатъ, гдежъ мы оныхъ листовъ, черезъ князей Любецкихъ покладанныхъ, оглядавши и выслухавши, и бачичи речь и прозбу ихъ въ томъ быти слушную и казали ихъ слово отъ слова все въ сей нашъ листъ уписати, который жъ такъ се въ собе маетъ: »Самъ Казимеръ, Божю милостю Король полский, великій князь Литовский, Руский, княжа Пруское, Жомоитский и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ каждому доброму, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ, комужъ потреба того будетъ ведати: поведила передъ нами старостиная Луцкая, пани Олизаровая Шиловича, пани Федка, штожъ панъ ее, небожчикъ панъ Олизаръ Шиловичъ, староста Луцкій, маршалокъ волынской земли, будучи доброй памети, отходя зъ сего свѣта, даровалъ и далъ и записалъ ей имени свои, на имя Здолбицу зъ приселкомъ з Глинскомъ, а з Кунином и з иншими приселки, а Гороховъ с приселки, а Любче тежъ с приселки, прадедину, и дедину, и отчизну свою властную, а такъ то справилъ, ижъ она волна по своемъ животе тыи имения отдати тому, кому хочетъ, и обернути ихъ подлугъ своей воли; и вразумивши то пани Олизаровайа, штожъ мы слугу нашого, пана ее, пана Олизара, мели во чти и в ласце нашой и тежъ на наше пожадане, з воли своее доброе а не жадного принуженя, волне даровала насъ, и дала, и записала тыи два имени у Волыню по своемъ животе, на имя Здовбицу и с присельки, а другое имене Гороховъ и с приселки и с платы и зо всими пожитки, яко жъ то намъ оправила листомъ своимъ вѣчно и непоручно

на веки, и далей била намъ чоломъ и жедала насъ, абыхмо ей дали и призволили имене Любчо—пана ее прадедину, и дедину, и отчизну,—по ее животе отдати и записати прирожонымъ своимъ, комубы она хотела; ино мы тое позволили, тое имене Любчо по своимъ животе волна она отдати и записати прирожонымъ своимъ, кому бы хотела, вечно на веки, и тежъ волна обернуты то подлугъ своей воли; такожъ з нашей ласки пожаловали есмы и отпустили с того именя—зъ Любча воловщизну нашу на веки вечные; а на твердость тыхъ речей казали есмо печать нашу привесити к сему нашому листу; а при томъ были: маршалокъ нашъ, наместникъ Слонимскій, панъ Солтанъ Александровичъ, а подскарбей нашъ Ивашко Литаворъ Богдановъ сынъ Хребтовича, а писаръ нашъ Ивашко Гацковичъ, владыка. Писанъ въ Луцку, въ лето шестьтисячное девятсотъ девяносто пятое, мѣсяца ноября первогонадцать дня, индиктъ 6. Во имя Святыя Тройцы станся Божя воля. Спривилемъ господаря короля Казимера Полскаго, князя великаго Литовского и иныхъ, се я, пани Федка пани Оршина, дочка пана Олизара Шиловича, маршалка волынской земли, старосты Луцкого, жона, чиню знакомито симъ моимъ листомъ каждому доброму, ныне и потомъ будучимъ, будучи есмо въ добромъ здоровіи, чоломъ есми била господарю, великому королю его милости Казимиру, ажебы его милость допустилъ мене ко именямъ моимъ, што мой господарь, панъ Олизаръ, записалъ мне отчизны свои именя у моемъ веку, на имя—Ходенъ, а Любчо, въ Луцкомъ повѣтѣ,—а такъ ми записалъ у вотчизну вечно и непорушно, волна есмы тые именя продати, и заменяти, и ближнимъ своимъ дати, и по души своей къ церкви Божее придати, какъ хотечи, такъ ихъ ку потреби мне своей привернути, ино господарь, король его милость, подле запису пана моего у тыхъ именяхъ мене не порушилъ; и я, еще будучи въ добромъ здоровю, погадавши собе и видечи сестренца своего, князя Богдана Василевича, службу и пилность до себе, дала есмы ему по своемъ животѣ имене у вотчизну, на имя Любчо, вечно и непорушно со всимъ съ тымъ, што к тому имени зъ века прислухаетъ, ничого не выймуючи, такъ какъ и господаръ мой, панъ Олизаръ, зо мною посполите держалъ с приселки: з Доросынемъ, а з Суткою и Залесцами, а з сказанымъ островомъ и з ынишими приселки, зъ реками, ставы и ставищи, со млыны и озерами, з ловы, ловищи, з бобровыми гоны и соколими гнездами, з лесы, зъ дубравами, съ полми и сеножатми, и з грани, (которыи идутъ) посередъ Мухотолокъ, рекою Лютицею до мосту

к великому гостинцу, великимъ гостинцемъ до Печатного броду по Трестянку, по Чортовъ Ставокъ, Трыстянкою, ажъ до Ситного болота къ Иваницкой границы, а по Короватую, а по Топорище, по Стохотъ, Стохотомъ, по Чонпи, отъ Сокора половицею реки, менуючося Свидинки, ажъ до Велицкого ставу, по гребли до Соколское дороги, Соколскою дорогою ажъ у Мухотолоки такъ широко и долго, якъ панъ со мною посполите держалъ; а сестренецъ мой, князь Богданъ, маетъ отъ господара моего (sic) пана Олизарову душу и мою душу поминати, и родителей нашихъ; а воленъ онъ в томъ именю продати, и заменяти, и ближнему своему дати, и по души своей к церкви Божее придати, какъ хотечи, такъ его ку потребизне своей повернути; а не надобе въ тое именее никому уступатися, ни брату моему родному, ни дотце моей, ни внучатамъ моимъ, ани ближнимъ моимъ; а при томъ была дочка моя, княгиня Маря Семеновая Ровенская, а панъ Богъданъ Гостскій Сенковичъ, ключникъ Луцкій, потчаший короля его милости; панъ Федко Аврамовичъ, дворенинъ короля его милости, панъ Сенко Плесчинъ, панъ Петро Олехновичъ, маршалокъ пана Петра Яновича, маршалка волынское земли, старосты луцкого, панъ Петрушко Мушетичъ, панъ Еско Еловичъ, панъ Шимко Ганусовичъ, панъ Бартошъ Юшковичъ. А надъ тое свидецство про лишшую справедливость и твердость и печать есми свою привисила к сему моему листу. Писанъ у Ровномъ, въ лето шестьтисечное девятьсотъ девеносто шестое, месяца июля семыйнадцать день, индиктъ шостый. Самъ король Казимеръ, Божю милостю, король полский, великий князь литовъский, руский, княжа пруское, жомоицкий и иныхъ. Билъ намъ чоломъ князь Богданъ Василевичъ, а поведилъ намъ, што тетка его, пани Олизаровая Шиловича, пани Федка, записала ему имене свое, на име Любчо, которожъ ей небожчикъ панъ ее далъ и записалъ, а потомъ и мы ей тое имене ей дозволили отдати и продати и листъ нашъ есмо ей (дали) съ привисистою печатю, и просилъ насъ, абыхмо ему (дозволили) то мети; ино, коли она ему тое имене дала и записала ему тое имене, дозволяемъ мети, зъ совсимъ, (подлугъ) запису и данины ее, што ктому именю........ она сама мела, а намъ нехай с того (именя служить); а на твердость того и печать нашу господарскую казали привесити къ сему нашому листу. Писанъ у Новомъ месте, сентебря третего дня, индикта семого. Самъ Александръ, Божю милостю, великий князь литовский, руский, жомоитский и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ,

або чтучи его услышитъ, кому жъ того потреба будетъ ведати: билъ намъ чоломъ князь Романъ Василевичъ и поведилъ передъ нами, штожъ староста луцкий, маршалокъ волынское земли, небожчикъ панъ Олизаръ Шиловичъ, записалъ паней своей, а его тетце, паней Феди, имене свое отчизное, на имя Любчо, и отецъ нашъ, король его милость, то и привилемъ своимъ ей подтвердилъ, ижъ она волна тое имене Любчо отдати, и продати и ближнему своему записати; и она тое имене Любчо дала, записала сестренцу своему, князю Богдану Василевичу, брату его; и отецъ нашъ, король его милость, на то князю Богдану и листъ свой далъ, и тыи онъ листы вси, привиля отца нашого, короля его милости, што паней Олизаровой дозволилъ записати и записъ ее, што она записала брату его князю Богдану и другимъ, листъ отца нашого, короля его милости, на то передъ нами вказывалъ и поведилъ передъ нами: штожъ того его брата, князя Богдана, у животе вжо нестало, и билъ намъ чоломъ, абыхмо, по близкости брата его ктому имению Любчу, его допустили; ино мы то, на его чоломъбите, учинили зъ ласки нашой—тое имене Любчо, по близкости брата его, дали есмо ему зо всимъ стымъ, што здавна к тому именю прислухаетъ и потвержаемъ то симъ нашимъ листомъ вечно и непорушно ему самому, и его жоне, и ихъ детемъ, и на потомъ будучимъ ихъ счадкомъ; воленъ онъ то отдати, и продати, и заменити, и ближнему своему записати, и ко всему лепшому и вжиточному обернути, какъ самъ налепей розумеючи; а на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писанъ у Боболцохъ, въ лето семътисечное осмое, месяца августа шостого дня, индикта третего. И што се тычетъ тыхъ привилевъ, передъ нами положоныхъ и на семъ листе нашомъ господарскомъ уписаныхъ, мы во всемъ ихъ, чого они за тыми листы (домовялися), при моцы на вечные часы зоставуемъ, на то княземъ Любецкимъ сей нашъ листъ даемъ и, где бы колвекъ тотъ теперешний листъ нашъ пришолъ и былъ отъ князей Любецкихъ и потомъковъ ихъ ку обороне ихъ вказанъ у праве передъ нами господаремъ, або паны радами нашими и старостами поветовыми волынскими, и во всякихъ справахъ и коло розъездовъ и границъ того именья ихъ Любча, и где колвекъ на иньшихъ местцахъ,—тогды маетъ тому листу нашому во всемъ местцо а вера быти дана, такъ якобы и тои листы головныи, которыи въ семъ нашомъ листе вписаны, положоны были; а на твердость того и печатъ нашу казали есмо привесити к сему нашому листу. Писанъ у Вилни,

подъ леты Божого нароженья тысеча петьсотъ чотырдесять пятого, месяца декабря пятого дня, индикта четвертого дня, подпись властное руки господарское. Валериянъ деяконъ Велинскій, писаръ. А такъ я тое оповедане ихъ милости и тотъ привилей его ихъ милости слово отъ слова, с початку ажъ до конца, в книги кгродские записаты казалъ, съ которыхъ и выписъ его милость, князь Левъ Александровичъ Санкгушковичъ Кошерскій, подъ моею печатю собе взялъ.

(Книга гродская Луцкая, поточная, 1569 года, № 2043, стр. 81).

8.

Грамота великаго князя Александра Свидригайла князю Михаилу Васильевичу (Вишневецкому?) на имънія въ Луцкомъ повътъ. 1458 года, декабря 29.

Z miłosierdzia Bożego, My, xiąże Alexander, inaczey Szwytrygayło Olgerdowicz, czyniemy znamienito i do wiadomości podaiemy tym naszym listem każdemu dobremu, teraznieyszym i na potym będącym, kiedykolwiek tego potrzeba będzie, kto na niego spóyrzy, czyli czytaiąc go usłyszy, iż to My, widząc znamienitą usługę nam nigdy niechybioną wiernego naszego xiążęcia Michała Wasylewicza, i My, naradziwszy się z naszemi xiążęty i pany, i z wiernym naszym zgromadzeniem, daiemy i daliśmy jemu maiętność w Łuckim powiecie, w Żukowie—wieś Aliszowa na rzece na Studle, a do tego Żerewiane na Rudce Alisowy na Studlezy, a Suchowisy dworzysko wierzch Radochonki, a manastyr swiętego Mikołaja na Klewaniu nad Studłem-że i z cerkiewnym zborzyszczem, y z Pieskaczowskich Aharakowiec na rzece na Połonny yz wszystkiemi pożytki i opłatami, iako z dawna y od wieku do tych wsiow należało i należy y do tego monastyra—y z polami, y z pastwiskami, y z gajami, y z dąbrawami, y zwierżami, y z barciami, ziemiami, y z daninami, y liesami, y z pasiekami, y z łowami, łowiszczami, y z wrembem, y z sianożęćmi, y z błotami, y z krynicami, y z rudami, y z potokami wodnemi, y z młynami, y z rzekami, y z jeziorami, y stawami, y stawiszczami, y z mytami, y z bobrowemi łowami, y zwierzennemi, iakoż to y z dawna okryślono i ograniczono. A daliśmy naprzod rzeczonemu Xiążęciu Michałowi Wasyliewiczowi wyżey wyrażone wsie wiecznie

y nienaruszniе, jemu samemu—Xiążęciu Michałowi, y jego dzieciom, i jego bliżnim, y jego potomkom; a wolno mu y oddać, y przedać, y zamieniać, kiędy zechce, y podług upodobania oddać; a może sobie w tych maiętnos'ciach polepszać, y rozszerzyć, y na nowym korzeniu sadzić. A przytym byli: władyka Łucki—Iefrimen, a Xiąże Iwan Wasylewicz, a Xąże Iwan Czetwertiński, a pan Kozaryn Rusanowicz, a pan Niemira Rożanowicz, starosta Łucki, a Xiąże Ołexandro Sonkuszkowicz, a pan Pietraszko Miłoski, marszałek ziemski, a pan Chwedko Chomiński, y inni. A dla lepszey wiadomości i stwierdzenia y pieczęć naszą kazaliśmy przywiesić ku temu naszemu listu. Pisan ten list w Łucku, decembra 29 dnia, indycta 10, roku od narodzenia Jesusa Chrystusa 1458-go. Pieczęć wisząca na rozkaz pana Chwedka Krayczego.

Translationem hanc oryginalem, in lingua ruthena exaritam, sigillo pendenti antiquo provisam, in toto conformem esse testor. Datum Leopoli, die 2 martii, 1798.

(L. S.) Andreas Angeltowicz, juris u. doctor. Advocatus Galic: Orient: in civi: lib: ac militaris juris canon, in lingua ruth: professor, diaecesanus examinator, ac C. R. Gubernalis in ling. russ. juratus translator.

Сообщено В Антоновичемъ.

9.

Жалованная грамота князя Семена Александровича слугѣ своему Іеремію Шашку на различныя имѣнія. 1459 года, іюня 12.

Мы, князь Семенъ Александровичъ великого князства своего Киевскаго, ознаймуемо симъ листомъ нашимъ, хто бы на него посмотрити, либо чтучи его слухати будетъ хотѣвъ, кому бы тое вѣдати потреба, ижъ мы дей, зміловавшися надъ слугою нашимъ, урожонымъ Еремиею Шашкомъ, которой намъ великіе услуги свое и коштомъ немалымъ отдаетъ, про то, нагорожаючи ему самому, жонѣ и потомству его, при всюи отчизнѣ и дидизнѣ его земляной и при всѣхъ городищахъ

и урочищахъ его зоставую и симъ листомъ моимъ надаю, которыхъ продкове его отъ продковъ моихъ спокойне держали и оныхъ заживали. Городища, селпща и урочища з рѣками и рѣчками и зъ ихъ прилеглостями, кождое до себе широкость маючие: городище Тимоловъ изъ лѣсомъ Гнилецкимъ, Томиловомъ, Печенѣжцомъ, Ключовомъ, Бугаевомъ и иншими лесами и лесками и землями своею широкостю, какъ се они маютъ. Городище изъ самъ (sic) Драгушовскими и зо всею землею надъ рекою Русавою, по обохъ сторонахъ тое реки земля лежачая, какъ его продкове въ широкости и долгости з дубровами, сеножатми и речками малими, в Русаву впадаючими. И какъ тая Русава сама в собе рѣкою идетъ и в Днѣстръ впадаетъ, съ тоею рѣкою Русавою и широкостю земляною; такъ же городища надъ рекою Кусницею изъ головою Кусницы и Кусничкою, зо всѣми ихъ полями, сеножатми, дубровами и ихъ приналежностю. До того, пнъшіе городища и урочища надъ рѣчкою Каменицею и отъ верховины ее, которая впадаетъ въ Днѣстръ, з обудвухъ сторонъ тое рѣчки Каменицы землю держати маетъ по самую Сухую Каменицю, съ подойминами такъ того мѣсця по рѣчку Рашковку, которая в Днѣстръ впадаетъ, и з оними городищами, и ихъ широкостю и долгостю земляною, и изъ стѣнъками и ярами, долинами, по надъ Нестромъ и въ поляхъ будучими,—зо всѣмъ тымъ, какъ продкове его держанья и уживаня свои мѣли, повинность и службу предкомъ нашимъ отдавали и намъ отдаютъ. При чомъ всѣмъ, его самого, жону, дети и на потомъ будучіе исчадки его при томъ всѣмъ зоста вую, имѣти хочу, какъ продкове его заживали, што бы и унъ тое отчизны и дидизъни свое заживалъ и по немъ счадки его. На што и листъ нашъ с притиснъненьемъ и завишеньемъ печати дали есмо. Писанъ на Прилуце, за Днепромъ, іюнь 12 день, в лѣто 6967.

Сообщено В. Антоновичемъ.

Объ упоминаемомъ въ настоящемъ актѣ князѣ Семенѣ Александровичѣ см. примѣчаніе къ акту № 6.

10.

Грамота великаго князя Александра Звягольскому намѣстнику, Яцку Мѣзю, на крестьянское семейство въ г. Овручѣ. 1496 года, апрѣля 11.

Самъ Александръ, Божою милостью великій князь Литовскій, Рускій, Жомоитскій и иныхъ.

Намѣстнику Вруцкому, князю Григорью Глинскому, и инымъ намѣстникомъ нашимъ, хто потомъ будетъ отъ насъ Вручей держати. Билъ намъ чоломъ намѣстникъ Звягольскій, Яцко Мезь, а просилъ в насъ во Вруцкомъ повѣте человика, на имя Лазорка, изъ его сынми, и зъ братаничи его, а повѣдалъ намъ, штожъ дей съ нихъ одна служба, а дани они даютъ двадцать ведеръ меду и четыри вѣдра, а померного два гроши и подымщина, а служба дей ихъ—тое три дни сена косятъ, а три дни жита жнуть и иныи службы служать; ино мы того человика, Лазорка Мошкевича, изъ его сынми и зъ его братаничи дали ему изъ данью и со всими ихъ землями спашными, и зъ бортными, со всимъ потому, что здавна тыи люди держали. Писанъ в Меречи, априль 11 день, индиктъ 14.

(М. П.)

Сообщено В. Антоновичемъ.

11.

Грамота великаго князя Александра землянину Федору Блищановичу на земли— Телошовщизну и Царевщину, находящіяся въ Овручскомъ повѣтѣ. 1498 года, октября 13. Подтвержденіе этой грамоты Сигизмундомъ III, 1601 года, февраля 27 дня.

Roku tysiąc sedmset trzydziestego szóstego, miesieca decembris trzynastego dnia.

Na urzędzie grodskim, w miescie iego krolewskoy mosci Żitommirzu, przede mną, Wawrzyńcem Walewskim—Lewkowskim, namiesnikiem protunc

podwoiewództwa y vices regentem gredzkim generału województwa Kijowskiego, y xięgami nineyszemi, grodskimi, Kijowskimi comparens personaliter wielmożny jegomość, xiądz Andrzey Bieniecki, archymandrita Owrucki, officiał metropolyi Kijovskiey, extrakt z xiąg metryki koronnej authentice wydany, z wpisaniem w nim potwierdzenia Werowszczycom ziemi Teleszowszyzny y Carowszczyzny służącego, ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg ninieyszych podał, de tenore tali. Augustus tertius, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Mazoviae, Samogitiae, Kijowiae, Wolyniae, Podoliae, Podlasiae, Livoniae, Smolensciae, Severiae, Czernichoviaeque, nec non hereditarius, dux Saxoniae princeps et elector. Significamus presentibus literis nostris, quorum interest universis et singulis, reperiri in actis metrices regni privilegium confirmationis, ruthenico charactere scriptum, tenoris sequentis. Жигмунд третій ознаймуемъ etc. Билъ намъ чоломъ земенынъ земли Кіевской, Иванъ Степановичъ Веровчичъ самъ отъ себе и именемъ отца своего, Степана Веровчица, отчицовъ и державецъ добръ Телешовчизны и Царовщизны, и покладалъ передъ нами лыстъ светоблывой памяты короля его мылости Александра, продка нашого, зъ печатыю его королевской милости, которымъ король, его милость, Федорови Блищановичови, зъ братіею его, земли—Телешовщизну и Царевщизну предкомъ ихъ потвердыты рачилъ, по которыхъ оны, будучи у спокойномъ держаню, уживаню, просылы насъ черезъ некоторыхъ пановъ радъ и урадныковъ нашихъ, абы есмо оны, до ведомости нашой господарской припустывши, лыстомъ нашимъ потвердылы, который такъ ся въ себе маетъ: »Самъ Александеръ, Божою мплостью, великий князь Литовскій, Русскій, Жмудскій и иныхъ. Былъ намъ чоломъ земенынъ Вруцкий, на имя Ѳедоръ Блыщановичъ, зъ братіею своею и покладалъ передъ нами лыстъ отца нашого, короля его милости, штожъ панъ Мартынъ Гаштолтовичъ пооднымалъ былъ у ныхъ земли отчизные, на имя—Телешовщизну и Царевщизну, и отецъ нашъ, король его милость, казалъ имъ тые земли ихъ зася пооддаваты и на то передъ намы лыстъ отца нашего, короля его мылости, показовалы и тежъ пана Мартына Гаштолтовича, и били намъ чоломъ, абыхмо имъ тые земли ихъ отчизные и дворища, которые маютъ въ Овруцкомъ месте, потвердылы сымъ нашимъ лыстомъ; ино мы имъ тые земли ихъ отчизные и дворища подтверждаемъ нинейшимъ лыстомъ, нехай оны тые земли свои держатъ со всимъ тымъ, як ся тыи земли и дворища во всемъ маютъ, а намъ службу земскую служатъ конно, збройно,

посполу зъ иншими земями врудкими. Пысанъ въ Мозыри, октоврія трынадцятого дня, индыкта первого; у того лысту печать притыспена. А так мы, государь, выдечи прозбу и чоломбитіе его слушное, ведлугъ права посполитого и привилею, обывателемъ князства Кіевского на унію данного, повинное и на чоломбитіе ихъ, людей украинныхъ, небезпеченствомъ отъ Москвы и татаръ притеклыхъ (sic) чинечи, пречонныхъ земянъ нашихъ, Веровчицовъ, и потомковъ ихъ при тыхъ добрахъ —Телешовщизни и Царовщизни, также при всехъ и вшелякихъ, здавна и теперъ въ собе маючихъ, належностяхъ и пожиткахъ, въ границахъ и межахъ старожитныхъ, на особлывыхъ листехъ передъ нами показованныхъ, заставивши и заховуючи вверху писаный лыстъ предка нашого во всихъ его членкахъ и артыкулехъ Веровчицомъ и ихъ потомкомъ тыле, иле намъ того право посполитое позволяетъ, з владзы нашой королевской—потвержаемъ и умоцняемъ симъ лыстомъ нашимъ, который, для большой виры и твердости, рукою нашою подписавши, печать коронную къ нему есмо приложиты росказалы. Пысанъ в Варшавѣ, на сеймѣ валномъ коронномъ, року отъ нароженія Сына Божого тысяча шессотъ первого, месяца февраля двадцять семого дня, а кролевствъ нашихъ: польского чотырнадцятого, а шведского осмого року, Sigismundus Rex; Zachariasz Jełowicki. Quod ejusmodi confirmatum privilegium, ruthenico charactere scriptum, prout in actis metrices regni continetur, nos fideliter describi et parti postulanti ruthentice extradi permisimus; in quorum fidem presentibus sigillum regni est appressum. Actum Varsaviae, feria secunda in vigilia festi sanctorum omnium, die scilicet trigesima prima mensis octobris, anno Domini millesimo septingentesimo trigesimo quinto, regni vero nostri anno tertio. U tego extractu, z xiąg metryki koronney authentice, wydanego przy pieczęci przyciśnioney podpis ręki jaśnie wielmożnego podcanclerzego taki: Ioannes in Lipe Lipski, episcopus Cracoviensis, dux Severiae, procancellarius regni. (Locus sigilli). Z drugiey zaś strony pieczęci przypisek w te słowa: relatia illustrissimi, excelentissimi et reverendissimi domini, domini Ioanis in Lipe Lipski, episcopi Cracoviensis, lucis Severiae, procancellarii regni. Potwierdzenie zaś tak się w sobie ma: ex actis anni millesimi sexagentesimi primi potwierdzenie Werowczycom ziemie Teleszowszczyzny y Carowszczyzny. Ktory że to extrakt, za podaniem y prosbą wyż mianowaney osoby podawaiącey, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo, iak się w sobie ma, do xiąg ninieyszych iest ingrossowany.

Книга Кіевская, гродская, 1736, № 47, листъ 308.

12.

Грамоты великихъ князей: Александра 1499 года, марта 24 дня, Сигизмунда I и Сигизмунда II, а равно и другихъ лицъ, Кіевскому Михайловскому Златоверхому монастырю, на имѣнія.

Roku tysiąc siedmset trzydziestego szostego, miesiąca decembris trzynastego dnia.

Na urzędzie grodskim, w mieście iego krolewskiej mosci Żytomiżu, przedemną, Wawrzyńcem Lewkowskim, namiestnikiem protunc grodskim y xięgami ninieyszemi, grodskimi, Kijowskimi comparens personaliter W. jego mosć xiądz Andrzey Bieniecki, archimandryta Owrucki, officiał metropoliy kiowskiey, extrakt z xiąg metriki koronnej, authentice wydany, z wpisaniem w im konfirmacyi prawa monasterowi swiętego Michała Kiowskiemu słuzącey, ratione introcontentorum, dla wpisan'a do xiąg ninieyszych per oblatam podał, de tenore tali: Augustus tertius, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae, Kioviae, Volhyniae, Podoliae, Livoniae, Smolensciae, Severiae, Czerniechoviaeque, nec non haereditarius dux Saxoniae et princeps elector. Significamus presentibus literis nostris, quorum interest, universis et singulis, reperiri in actis metrices regni previlegium confirmationis, ruthenico charactere scriptum, tenoris sequentis: Жикгимонтъ Августъ etc. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ всимъ посполите и каждому зъ особна, нинешнымъ и на потомъ будучимъ, кому колвекъ будетъ потреба то ведати. Присылалъ до насъ игуменъ Захаріа монастыра святого Мыхайла золотоверхого, зъ Кіева, зо всею братіею, чернцами тамошними, и покладали передъ нами лыстовъ розныхъ паперовыхъ трынадцатъ, а четвертыйнадцатья паргаменовый, даныны й потверженый продковъ нашихъ: листы никоторыхъ особъ записанные купчые земенные на селища, земли, кгрунты, поля, селы, пущы, дерево бортне, реки, озера, ловы всякые, сеножаты и иные пожытки, к тому монастеру належачие, чого они и теперъ въ спокойномъ держаню суть; которые ижъ ся отъ старосты подралы и обавьючися оныи, абы и до конца не попсовалыся, што хотечи моцно обвароваты и въ целосты по себѣ на потомные вечные часы церкви Божои захованы, звлаща ижъ часовъ недавнихъ земля Киевская черезъ насъ ку коруне полской привержена

естъ; для того били намъ чоломъ, абы-смо уси оные листы и права ихъ при моцы зоставилы и, у потверженье наше приведши, тымъ па вечность утвердилы и дали имъ на то за печатю коронною нашъ лыстъ; ино мы, тых лыстовъ оглядавши, а для широкости пысма ихъ слово отъ слова въ потверженье наше не вкладаючи, велели есмо порадне а вкротце усю речъ, што ся въ ныхъ замыкаетъ, въ семъ нашомъ лысте выписаты, которое то въ собе маютъ: *Першій лыстъ* короля его мылосты Александра, стрыя нашого, подъ датою мисяця марта двадцять четвертого дня, индыкта второго, пысаный до воеводы Кіевского, князя Дмитрія Путятыча, которымъ его мылость,—за чоломъ-быемъ игумена Іоана светого Мыхайла Золотоверхаго въ Кіеве, ведле суда того воеводы кіевского, маршалка своего, наместныка вытебского, пана Станислава Глебовича, который онъ зъ дворенпномъ его мылосты Мыхайломъ Галыномъ передъ намы мелъ,—островъ церковный на ныз Днепра и реку Ржавець къ тому манастырю падаты и потвердыты рачылъ, же въ то всьо ныхто уступоваты не маетъ. *Другый листъ* короля его милости Жигмунта, славнои памьяти отца нашого, справы Коптя писара изъ его милостю за чоломъ-бытыемъ того-жъ преречоного игумена,— к тому монастыру Золотоверхому, ведле лысту и потверженья короля Александра, оный же островъ на нызъ Днепра и рику Ржавець потверждаты рачилъ; писаный под датою місяца іюня четвертого-надцять дня. *Третій лыстъ* короля Жикгимонта, подъ датою четвертого-надцять дня марца, индыкта десятого: тымъ лыстомъ его мылость, за чоломъ-битіемъ игумена Макарія и всихъ чернцовъ монастыря святого Михайла Золотоверхого, ведле данины воеводы Кіевского, пана Андрея Немировича,—заломъ пустый у Черторыи на верхнемъ конце со сеножатю—по жерело Лысянкое и по Городовое озера, а по речку Радунку и по Чорторыю, а отъ жерела Лисянкого на левую сторону ку Днепру, —того всего на две стрелены, ку той церкви Божой игумену Макару и на потомъ-будучимъ игуменомъ зоставуючи, потвердылъ той лыстъ, зъ подписомъ руки его милосты королевской. Справа Коптія пысаря. *Четвертый лыстъ* воеводы Кіевского Андрея Немировича зъ датою novembra трыдцятого дня, индыкта четвертого; где пишетъ, ижъ,—за прозбою игумена святого Мыхайла Золотоверхого Макарія, выдячи быти безъ шкоды господарское и замковое, и для богомолія господарского Жикгимунда короля и для убожства тоей церквы, абы хвала Божая не уставала,—придалъ къ тому манастырю селищо пустое, на имя Селимонов-

щизна, въ Товстомъ Лиси, зо всимъ съ тымъ, што къ той пустовщизне прислухаетъ и якося зъ которымы даходы здавна въ собе маетъ, съ которое хоживало на Кіевъ по две кади меду. *Пьятый лыстъ* короля Жикгимунда: потверженіе на тую пустовщизну Селимоновщизну, водле даты вышей-мененое небощика Немировича за причиную егожъ, - ижъ въ тое селищо воеводамъ Кіевскимъ и никому уступоватыся не надобе. Дата февраля двадцять третяго, индыкта четвертого, при бытности подскарбього земского пана Аврама Езуфтовича, старосты жмудского, справы Коптя писара. *Шостый лыстъ* короля Жигмунта, пысаный до воеводы кіевского Немировича и на потомъ будучихъ воеводъ кіевскихъ: ижъ его мылость, зъ ласкы своеи,—за причиною тогожъ Немировича, а за прозбою игумена манастыра Злотоверхого Макарія,—рачилъ даты къ той церкви Божой поле городовое за валомъ пробытымъ, ижъ тотъ игуменъ и напотомъ будучіе маютъ тое поле держаты, а воеводы тамошніе не маютъ ся въ то уступаты. Дата, лита Божого нароженья, тысяча пятьсотъ двадцать второго, индыкта десятого; у того лысту поднись руки господарское, справа воеводы Выленского, канцлера, старосты Белицкого и Мозырского, пана Олбрахта Мартыновича Гаштолда. Копоть пысаръ. *Семый лыстъ* помененогожъ воеводы Кіевского Немировича, подъ датою ноября тридцятого дня, въ которомъ пишетъ: ижъ што которую ниву, вышей-мененое поле за пробитымъ валомъ,—по правой стороне дороги подле самого валу и до Кудрявца, у верхъ Кудрявцовъ до долины Глубокой, а отъ Глубокой долины просто до Софійской долины, што идетъ одъ Лыбеди Софейскою долыною у верхъ самого валу,—король, его милость, Жикгимонтъ, къ манастыру святого Михайла Злотоверхого даты рачилъ; ино онъ, за росказаніемъ господарскимъ, овой даты, игумена и всихъ церковъ въ то увезалъ и къ манастыру подалъ. *Осмый лыстъ* короля Жикгмунда на паргамыни зъ завесистою печатію великого князства Литовскаго, пысаный подъ датою, въ лѣто семое тысяча двадцать четвертого, місяца марца тридцать первого дня, индыкта четвертого, при бытности старосты Берестейского, Лыдзского и Мозырского, пана Юрія Илинича, а подскарбего земского, старосты Ковенского, пана Аврама Езуфовича; справа Гринка Громыкы, которымъ его милость, зъ ласки своей, за (прозбою?) пановъ радъ, за чоломъ-бытіемъ толмача своего татарского, Макара Івашковича, орменина кіевского, и за его верные службы, которые онъ часто-кратъ, въ потребахъ господарскихъ и земскихъ до орды ѣздячи, зъ себе по-

казывалъ, водле лысту и даты воеводы Кіевского Андрея Немпровича в волости Белосороцкой,—селища Лысковщизны и землицу нагорную,—зъ пашеными землями, зъ сеножатмы, зъ лесы, зъ бортною землею, зъ озеры, зъ реками, зъ ѣжи, зъ ловы звериннымп и пташими, и зовсимъ, што къ тому з стародавна прислухало, вызволивши одъ подводъ и одъ всихъ тяглыхъ повинностей, што зъ того селища и землици бывало,—на вечность оному толмачу самому, жоне и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучимъ щадкамъ, подтвердылъ и при томъ зоставылъ. *Девьятый лыстъ*, на Александрійскомъ папери пысаный, тогожъ короля Жикгмунта, подъ датою лита Божого нароженья тысяча пятсотъ сорокъ третього, мисяца декабря осмого дня, индыкта первого, при бытности старосты луцкого, маршалка господарского, князя Андрея Михайловича Коширского; справа Мыхайла писаря, где сведчитъ: ижъ две службы людей на Припети увъ Ореючахъ, на имя Лысковщизну и Погонную, то естъ выше-меноное селищо и землицю у волости Сороцкой, игуменъ светого Михайла Золотоверхого, небощикъ Макарія, купилъ за сто копъ грошей литовскои монеты у толмача помененного, Макара Ормснина, на штожъ оный Макаръ привилей верху-опысаный, за которымъ то самъ держалъ, и лысты свои продажные къ церкви Божой подалъ; то-пакъ за живота своего воевода Кіевскый Немиричъ тотъ привилей до себе взялъ, а по смерти его панъ Станыславъ Довойно черезъ рукы неякого Троица орменина Макаровой то отдалъ, за которымъ она, черезъ продажу мужа своего, о тые ся двѣ службе людей упоминала, ино, на он-часъ будучи игуменъ манастыря Злотоверхого Гарасимъ, лысты купчие Макара орменына, ижъ на вечность тые люды церкви Божой продалъ, передъ справою воеводы Кіевского, преречонымъ княземъ Андреемъ Коширскимъ, и передъ иншими людьми добрыми, земяны кіевскими, покладалъ; а потомъ, кгды оный, игуменъ Герасимъ змерлъ, токгды князь Коширскій оный манастыръ неякому Подопрысвету далъ, который черезъ полъ року мешкавши, зъ манастыра прочъ утеклъ, тые лысты купчіе на оные люды и на нывы церковные въ Кіеве за валомъ и у валу зъ собою побралъ, або нетъ-видома, где подевалъ, и великие шкоды починылъ,—што все князь Коширскій, зъ земянами своимы вызнаваючи, на то лыстъ свой церкви Божой далъ, подъ датою лита Божого нароженія, тысяча пятсотъ сорокъ второго мисяца іюля семого дня, индыкта первого, который зъ росказанья его королевской мылости, за чоломъ-бытіемъ игумена Филарета и всихъ

чернцовъ оного манастыря Золотоверхого, въ томъ лысте его милости одъ слова до слова виисанъ естъ. Въ томъ лысти своемъ князь Кошир-скій, широко выписуючи то усе, яко вышей поменено, сознаваетъ, ижъ оные листы зъ земяны Кіевскими не разъ видалъ, але потомъ яко Подоприсветъ зъ манастыра утеклъ, знайты ихъ у схованни церков-номъ не могли; ино король Жикмунтъ, на томъ переставаючи, водле сознання князя Коширского и земянъ Кіевскихъ, обачачи, же тые листы купчие на люди отъ Ормянина и на нывы церковные за валомъ и у валу были, а черезъ того игумена затрачены, што, ижъ передъ тымъ и на тотъ часъ ку церкви Божой держано было, водле давного держання при оныхъ людяхъ на Припети и нывахъ помененыхъ у Кіеве игумена и чернцовъ святого Михаила Злотоверхого зоставилъ, ижъ маютъ оны то къ тому манастырю держати и ужпвати водле того, яко и первей то держали. *Десятый лыстъ* вызнаный Семена Александро-вича Кмыты, который вызнаваетъ: ижъ онъ мѣлъ землю свою въ повете кіевскомъ подъ Овручомъ, на имя Голубцевичи, посполите въ судереви по половыци зъ землею манастыря святого Михайла Золотоверхого, и другую землю подъ Чорнобилемъ въ Товстомъ Лиси, на имя Жолок-тавскую, обрубную, также въ судереви, по половицю зъ землею мана-стырскою селища Селивановского; а такъ игуменъ Семеонъ зо всимы чернцями того манастыря Золотоверхого и церкви, видячи, ижъ тая земля Жолоктаевская къ земли ихъ къ селищу Селивоновскому и ку иншимъ именямъ манастырскимъ прилегла, а земля ихъ манастырская Голубсевиче, которую онъ по половице даржалъ, ему прилегла,—за ведо-мостію и листомъ дожительнымъ (sic) воеводы Кіевского, маршалка земли волынской, старосты володимірского, князя Константина Константи-новича Острожсского,—бачачи безъ шкоды церковной, намовившися, мену межи собою учынилы: а тую землю манастырскую Голубевичи половыну свою, яко ся тая земля зъ давныхъ часовъ въ собе маетъ, зъ двемя чоловики на той земли, на имя—Хомою а Ильею, зъ даню ихъ грошовою и медовою, што даваты повынны,—то есть грошей гото-выхъ сорокъ а меду полторы кади,—и зо всемы ипшими пожытки и доходы, ему самому и потомству его зодного (sic) тамъ пустыты, держаты, ужпваты вечными часы поступылы, лыстомъ своимъ запысалы; а онъ тежъ имъ на противко того въ Толстомъ Леси тую землю свою Залокто-евскую, што есть там зъ землею ихъ манастырскою посполъ, зъ двома чоловики на имя—зъ Яковомъ Рудкевичомъ, а Логовиномъ, зъ даню

медовою и грошовою, которую оны повынни даваты—то есть-грошей готовыхъ двп копы, а две кади меду присного кіевской меры—и зо всякими иншими пожыткы и доходы, зъ того села приходячимы, также вотмене съ одного местья, держаты, ужываты вечнымы часы непорушно къ манастыру пустылъ и тымъ лыстомъ своимъ умоцнылъ, описуючися самъ зъ потомствомъ своимъ и хтобы потомъ тую землю Голубейцускую, одъ манастыра замененную, держалъ, еслыбы блызкіе кревные его и хто жъ колвекъ въ той замепъ его земли Золоктаевской церкви Божой переказу чынылъ, або того поискивалъ,—ижъ маютъ то очищаты, яко власность свою у каждого права. Якожъ Семенъ Кмыта игумену и черпцомъ того манастыра далъ тотъ свой лыстъ за своею печатію и за печатмы людей добрыхъ и тую дей оны замену на уради нашомъ воеводства кіевскаго, передъ воеводою кіевскимъ, княземъ Константыномъ Острожскимъ, оповедалы и до книгъ запысалы, дата у того лысту лита Божого нароженія тысяча пятсотъ шесдесятъ первого, мисяца февраля первого дня. *Одинадцатый лыстъ* того-то воеводы кіевского, князя Константына Острожскаго, которымъ, видячи быти безъ шкоды церковной, дозволылъ игумену и черпцомъ светого Мыхаила Золотоверхого вышей-мененую замену зъ Семеномъ Кмытою учиныты; дата лита Божого пароженія тысяча пятсотъ шестдесятъ первого, мисяца сентембра двадцятъ четвертого дня. *Вторыйнадцять лыстъ* вызнаны Семена Гринкевича, земяныпа повету кіевского, подъ датою лета Божого нароженія тысяча пятсотъ шесдесятъ первого, мисяца декабря третего дня, за печатію его и за печатмы людей добрыхъ, который зъ жоною своею, Зофіею Петровною Грабіянкою, вызнаваетъ: ижъ продалъ обель(sic) власное селыщо свое, добре набытое, на имя Глывайкое, въ кіевскомъ повете грунтомъ лежачее, прозверху реки Бобрицы и другой речки Отеневки, ку манастыру светого Мыхайла Золотоверхого - игумену Семіону и всимъ старцемъ тамошнимъ за певную суму пинязей—за тридцятъ копъ грошей лытовскихъ—зъ землямы пашными, бортными, зъ лесы, зъ дубровами, зъ данею медовою, грошовою, и зо всемы доходы и пожитки, ничого тамъ па себе не зоставуючи, яко ся то здавна въ собе маетъ, и яко то онъ самъ и продкове его держалы; на вечные часы вырекаючися,—ижъ онъ самъ, его жопа и диты и некоторые блызкіе ихъ тоей продажы его отъ манастыря отниматы и того вжо доходыты немогутъ и, если бы хтоколвекъ зъ ныхъ самыхъ и потомковъ ихъ, альбо хто зъ стороны, въ томъ селыщи и кгрунте его церкви Божей переказу

чыныль и тамъ што кгрунту его отыймоваль,—таковый кождый заруки на господара пятдесятъ копъ грошей, а выны замковой на пана воеводу кіевского тридцятъ копъ грошей вынень будеть заплатыты; а особлыво обвязался Семенъ Гринкевичъ зъ жоною своею уси шкоды и наклады того манастыря въ томъ заступоваты и оное селыщо Глыванское, землы и пожытки ихъ, своимъ накладомъ у кождого права очыщаты и къ тому манастыру поступоваты: бо дей ани для чого иншого, ани для браня сумы пинязей вышей мененное, тое селыщо Глыванское къ манастыру пустылы, одно—для богомолія своего и родителей своихъ вечыстого; гдыжъ тое селыщо и ку грунтомъ монастырскимъ притекло, а нижъ-ды оны лыстовъ и твердостей на тое селыщо Глыванское къ церкви Божой не далы, то для тыхъ причинъ, же зъ иншими землями именій ихъ оное селыщо Глыванское есть описано. *Третійнадцать лыстъ.* Выпысъ зъ книгъ замку кіевского, лета Божого нароженія тысяча пятсотъ шесдесятъ третяго, мисяца декабря двадцять осмого дня, за печатю справы, на онъ часъ воеводы кіевского, старосты кремянецкого, княжя Мыколая Андреевича Збаражского: оповеданье и вызнанье на томъ уряде кіевскомъ помененного Семена Гринкевича, о проданье селыща въ верху опысанного Глывацкого къ манастыру, въ которомъ упысы и тотъ лыстъ его продажный ввесь упысанъ естъ. *Четвертыйнадцать лыстъ* Богдана Степановича Дублянского, за печатю его и за печатмы людей добрыхъ, пысаный подъ датою лета Божого нароженія тысяча пятсотъ пьяддесятъ семого, мисяца ноября третягонадцять дня, которымъ посполу зъ сестрою своею Федею Золотушанною, вызнаваютъ: ижъ оны землю свою отчизную и дедызную, на имя Юревскую на Вилы речце, обаполъ речки обоимъ сторонамъ, продалы Семену Мелешковичу, мещанину Кіевскому, самому, жоне и ихъ потомкамъ, за пьятдесятъ копъ грошей, обель вечно и николы непорушно,—землю пашную, бортную, и сеножаты зъ дубровами, и пашнями, и съ припаши, полями, бобровыми гоны, ловы зверинными и пташими, и зо всими иншими входы и пожитки, здавна къ тому прислухаючими, ничого на себѣ и на близкихъ своихъ не зоставуючи; але оддаваючи и даючи вольность—оддаты, продаты, на церковъ запысаты и тымъ, яко власностію своею, шафоваты. А где бы оны сами, албо хто зъ близкихъ ихъ хотелъ Семена Мелешкевича зъ тоеи земли рушаты, на таковогo положылы выну платыты: на замокъ Кіевскій сто копъ грошей, а воеводѣ Кіевскому пьятдесятъ копъ грошей, а Семену Мелешковичу

грошъ грошомъ навезаты; тоежъ тые земли подъ нымъ искаты. Ино повидылы передъ нами игуменъ Захарія и уси чернцы святого Мыхайла Золотоверхого: ижъ тую Юревщизну Семенъ Гришковичъ, отъ Богдана Дублянского купленную, по животе своемъ на милосердный учинокъ ку церкви Божой, святому Мыхайлу Золотоверхому, правомъ своимъ записалъ, у вечность пустывши; лыстъ свой запысный и тотъ лыстъ продажный Дублянского и сестры его, вышей въ семъ нашомъ лысте опысаный, ку церкви Божой подалъ; то пакъ-дей, приходомъ часу небезпечного, яко то на Украйне частокротъ бываетъ, записъ власный Грынковичовъ па Юревцы згинулъ,—ведже оны, за лыстом продажнымъ Семена Гринковича, и теперъ того въ спокойномъ держаню и уживанью суть,—для того особливе былы оны намъ чоломъ, абы есмо и тую землю Юревскую въ потверженье нами привелы и то имъ на вечность утвердылы. А так мы, Жигмунтъ Августъ, король передъ-речоный, вси оные лысты, передъ нами отъ игумена Захаріи и всихъ чернцовъ манастыра светого Михаила Золотоверхого покладыные и выше въ семъ нашомъ лысти выпысаные, за которыми ижъ оны—людей, селыщъ, земль, грунтовъ, поль, лесовъ, пущъ, дерева бортного, сеножатей, рекъ, озеръ, всякихъ лововъ и инныхъ всихъ пожитковъ и доходовъ, къ тому манастыру належачихъ, яко здавна так и на сей часъ въ спокойномъ держаню и уживанью, кромъ всякого прынагабанья—суть,—за слушные прынявши, а чынячи то для церкви Божой, при моцы, ничымъ не нарушаючи, заховуемъ, и то на вси потомніе вечные часы утверждаемъ и при манастыри святого Михайла Золотоверхого Кіевского зоставили есмо и сымъ лыстомъ нашимъ зоставуемъ и умоцняемъ: маетъ игуменъ теперешній и напотомъ будучіе игумены тамошные, со всею братіею чернцами, вси тіе лугы, селыща, земли, кгрунты, воды—а меновите и землю Юревскую, отъ Семена Гринковича на тотъ манастыръ записанную—и уси пожытки вышей-опысаные, водле оныхъ лыстовъ старыхъ, за симъ теперешнимъ лыстомъ потверженымъ нашимъ, къ тому манастыру Михайловскому Золотоверхому держаты и уживаты, слушне и пристойне въ томъ манастыри справоваты, на церковъ Божую накладаты и пожыткы привлащаты, розмножаючи межу христіяны и хвалу Божую; за насъ, господара, короля польскаго, Бога просыты повынны будуть, а воеводове Кіевскіе и нихто инный въ речи тые—до чого, водле стародавного звычаю, ничого не мевалы—нниколы ся уступоваты и переказы жадной въ томъ манастыри чыныты не маютъ вечно и нниколы

ничимъ непорушно. И на то-есмы далы церкви Божой, манастыру святого Михайла Злотоверхого, игумену Захаріи и черицомъ тамошнимъ сей нашъ лыстъ, до которого на твердость той речи и печать нашу короны польской привеситы есмо велелы. Пысанъ въ Варшави, дня четвертого мисяца іюня, року тысяча пятсотъ седмдесятого, панованья нашого року сорокъ первого. Подпись руки его королевской мылосты. Quod ejusmodi confirmatum privilegium, prout in actis metrices regni continetur, nos fideliter ex rutenico charactere polono idiomate describi et parti postulanti authentice extradi permisimus; in quorum fidem presentibusque sigillum regni est appressum Actum Varsaviae, feria secunda in vigilia festi sanctorum omnium, die scilicet vigesima prima mensis Octobris, anno domini milesimo septingentesimo trigesimo quinto, regni vero nostri anno tertio. U tego extraktu, z xiąg metryki koronej authentice wydanego, przy pieczęci mniejszey koronney przyciśnioney, podpis ręki jaśnie wielmożnego podcanclerzego taki: Ioannes in Lipe Lipski, episcopus Cracoviensis, dux Severiae, procancelarius regni. (locus sigilli) Z drugiey zaś strony pieczęci przypisek w te słowa: relacio illustrissimi excellentissimi domini, domini Ioannis in Lipe Lipski, episcopi Cracoviensis, ducis Severiae, procancellarii regni; potym podpis ręki secretarskiej temi słowy: Andreas Franciscus Cichocki, sacrae Regiae Majestatis secretarius, manu propria. Konfirmacia zaś tak sie w sobie ma: ex actis anni millesimi quingentesimi septuagesimi confirmatio prawa na grunta manastyrovi świętego Michała w Kyiowie, ktory że to extrakt, za podaniem y prosbą wyżmianowaney osoby podawaiącey, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo, iak się w sobie ma, do xiąg ninieyszych iest ingrosowany.

Книга кіевская, гродская, № 47, листъ 263 на об.

13.

Грамота великаго князя Александра, Черкасскому земянину Гринку Васкевичу, на имѣнія Михлієво, Орловичи и Линчинцы. 1499 года, апрѣля 12.

Alexander, Bożą miłością Król Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, xiąże Pruskie, Żmudskie i innych.

Bił nam czołem ziemianim Czerkaski Hryńkò Waśkiewicz i powiedział przed nami, co pojął zasiebie żonę ziemianina Zwinogrodzkiego, nieboszczyka Fedka Waśkiewicza, i sieliszcza—otczyzna i wysługa tego Fedka, pierwszego męża, jemuż po niej dostały się, na imie: Mihlijewo, a Orłowiczy, Lińczyncy; a tego tedy Fedka tatarowie ubili na naszej służbie, a naśledków gdy ku temu nikogo nie masz, i bił nam czołem, abychmy na to dali nasz list i, co kiedy s temy sieliszczami żonie tego Fedka . . . . . .
a naśledkow ku temu żadnych nie będzie . . . .
. . . .
. . . . wszystkiem i ten, co ku nim zdawna przysłuchało. A nam z tego służbę ziemską służy. Pisan w Krakowie. Aprilia 12 dnia, indikt 6.

Сообщено В. Антоновичемъ.

14.

Грамота великаго князя Александра, Волынскому земянину Ивашку Лабунскому, на пустыя селища—Колыщинцы и Сахновцы, находящiяся въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1501 года, декабря 21 дня.

Александръ, Божою милостiю король Полский, великий князь Литовский, Руский, княжа Пруское, Жомоитстий и иныхъ.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдачи. Билъ намъ чоломъ земянинъ волынский Ивашко Лабунскiй и повѣдилъ передъ нами: штожъ первей сего дали есмо ему два селища пустовскихъ у Кремянецкомъ повѣтѣ, на имя—Калыщинцовъ и Сахновцовъ, и листъ нашъ на первую данину на то передъ нами покладалъ; и былъ намъ чоломъ, абысмо ему тiи селища потвердили нашимъ листомъ на вечность. Ино мы, вбачившы его к намъ вѣрную, и пильную, и николы невмѣшканую службу, з ласки нашое тiи вышеписанныи селища въ повѣтѣ Кременецкомъ—Колыщинцовъ и Сахновцовъ, потвержаемъ симъ нашимъ листомъ вѣчно ему, и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучимъ ихъ щадкамъ, и ихъ ближнимъ: нехай они то держатъ—съ землями пашними и бортними, и з леси, и

з дубровами, и з гаи, и з хворосты, и сѣножатми, и з болоты, и з бобровыми гоны, и з рѣками, и з рѣчками, и з ставы, и з ставищи, и з млыны, и з ихъ вымелками и со всими вжитки и пожитки, и со всимъ стымъ, што здавну к тимъ селищамъ слушало, и какъ з староданва у своихъ границахъ ся маютъ; и вольни они то оддати, продати, замѣнити, к церкви Божой записати и расширити, прибавити и к своему лѣпшому и ужитечному обернуты, какъ наилепѣй сами розумѣючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привеситы к сему нашому листу. Писанъ въ Люблинѣ, въ лѣто тысяча пятсотъ первое, мѣсяца декабря двадцать первый день.

Сообщено В. Антоновичемъ.

15.

Вторичная подтвердительная грамота великаго князя Александра, земянину Волынскому Ивашку Лабунскому, на имѣнія—Колыщинцы и Сахновцы, находящіяся въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1503 года, января 24 д.

Александръ, Божою милостью король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомоитскій и иныхъ.

Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, або чтучи его услышитъ, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, кому будетъ потреба того ведати. Билъ намъ чоломъ земянинъ волынскій Ивашко Лабунскій и повѣдилъ передъ нами: штожъ первой сего дали есмо два селища пустовскихъ въ Кременецкомъ повѣте, на имя—Колыщинцовъ и Сахновцовъ, и листъ нашъ первую данину на то передъ нами покладалъ; и билъ намъ челомъ, абысмо ему тыи селища потвердили нашимъ листомъ на вѣчность. Ино мы, вбачивши его к намъ вѣрную и пильную и николи не вмѣшканную службу, з ласки нашое, тыи вышеписаныи селища въ повѣтѣ Кремепицкомъ—Колыщинцовъ и Сахновцовъ, потвержаемъ симъ нашимъ листомъ вѣчно ему, и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучимъ ихъ щадкомъ, и ихъ ближнимъ: нехай и они то держатъ—з землями пашными и бортными, и з лѣсы, и дубровами, и з гаи, и с хворосты, и с сѣножатми, и з болоты, и з бобровыми гоны, и з рѣками, и з рѣчками, з ставы, и з ставищи, и з

млыны, и з ихъ вымелками, и со всѣми вжитки и пожитки, и со всимъ съ тымъ, што з давна къ тымъ селищамъ слушало, и какъ з стародавна въ своихъ границахъ ся маютъ; и вольни и они то отдати, продати, замѣнити, и к церкви Божией записати, и росширити, прибавити, и к своему лепшому и ужиточному обернути, какъ наилепѣй сами разумѣючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привѣсити к сему нашому листу. Писанъ въ Люблинѣ, въ лѣто тысяча пятсотъ третее, мѣсяца января въ двадцать четвертый день.

Сообщено В. Антоновичемъ.

16.

Грамота великаго князя Александра, Овручскому намѣстнику князю Григорію Борисовичу Глинскому, приказывающая ему возвратить Овручскому старцу Василію Михалкевичу, отнятую у него землю, называемую Кончаковскою. 1503 г. іюня 25 дня.

(Донесеніе вознаго о вводѣ имъ Михалкевича во владѣніе землею Кончаковскою 1503 г. августа 2 дня, значится подъ литерою Ѣ).

а) Року тысяча семъ сотъ семънадцатого, мѣсяца мая двадцатъ осмого дня.

На уряде кгродскомъ, въ замку его королевской милости Овруцкомъ, передо мною Михаломъ Сынъгаевъскимъ, коморникомъ кграничнымъ Кіевскимъ, намѣстникомъ кгродскимъ староства Овъруцъкого и книгами нинешънними, кгродскими, Овруцкими, comparens personaliter swobodny Matwey Michałkewicz-Zaliwaka, boiar Owrucki, dla wpisania do xiąg ninieyszych, grodskich, Owruckich, originał listu upominałnego—od naiaśnieyszego, niegdy świętey pamięci, krola jego mosci Polskiego Alexandra, zeszłym antecesorom swoim y uczęsnikom iego, do kniazia jego mosti Hrehorego Borysowicza Hlinskego, namiesnika Owruckiego wydany, z pieczęcią przycisnioną—per oblatam podał, prosząc, aby przyięty y w xięgi wpisany był. A tak ja, urząd, ten list do xiąg przymuiąc, czytalem, ktory ruskim pismem pisany tak się w sobie ma: »Alexander Bożą miłoscią krol Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, xiąże Pruskie, Żmudzkie y innych. Namiesniku Owruckemu, kniaziu Hrihoriu Borisowiczu Hlinskemu. Żałował nam starec Owrucki,

na jmie Wasil Michałkiewicz, cośmy perwey tego dali mu ziemie, oyczyznę iego, ktorą derżał stryj iego, Konczakowską, a u tego stryia iego dzieci przypłodka nie masz, y ty, u niego tę ziemie odiowszy, y dał innemu człoweku, y list u niego nasz odioł, któryżeśmy iemu na tę ziemie dali. Przeto, jesli ta ziemia będzie od niego odięta, co dzierżał stryj iego, przykazuiemy tobie, abyś temu człoweku nie kazał w tę ziemie wstępować y list abyś iemu nasz ten oddał koniecznie; niechay by on nynie tę ziemie dzierżał, według pierwszej naszei daniny, a nam z oney służbę służi; a uwązać go w tę ziemie posłaliśmy dworzanina naszego—Iwaszka Kryżyna. Pisan w Wilnie, junia dwudiestego piątego dnia, indykta szóstego. Locus sigilli«. Который же то листъ упоминалный, за поданемъ и прозбою вышъ-мянованое особы, а за моимъ урядовымъ принятемъ, слово въ слово, такъ яко се в собѣ маетъ, естъ уписаный.

Книга Овручская гродская, 1717 года, № 3224, стр. 93 на об.

---

b) Року тысеча семъ сотъ семънадцатого, мѣсяца мая двадцать осмого дня.

На уряде кгродскомъ, в замку его кролевской милости овруцкомъ, передо мною, Михаломъ Сынъгаевъскимъ, коморникомъ кграничпымъ, намесникомъ кгродскимъ староства овруцкого, и книгами нинешними, кгродскими, овруцкими, comparens personaliter swobodny Matwey Michałkewicz-Załiwaka, boiar Owrucki,—dla wpisania do xiąg nineyszych, grodzkich, Owruckich, originał list uwiązczy na ziemie infra wyrażone, antecessorowi swemu, boiarowi owruckiemu, y uczęsnikom swoim, boiarom Owruckim, służący, z pieczęcią przycisnioną,—per oblatam podał, prosząc, aby przyięty y w xięgi wpisany był. A tak ja, urząd, ten list uwiązczy seu intromissią do xięg przymuiąc, czytałem, który Ruskim pismem pisany tak się w sobie ma: »Ja, Iwaszko Kryzyn, dworzanin hospodarski, czynie wiadomo na tym liscie moiem, iż co z roskazania hospodara jego miłosti, bedąc ja posłany y przydany Wasilu Michałkewiczu, starcu wruckemu, na uwiezanie ziemi Konczakowskey; yno ja, podlug listu hospodarskego, uwiezałem tego Wasila w ziemie Konczakosko y w niwy y sianożęci pod miastem Owruczym y podle Wisiatek—po oboch stronach drogi Sieczynskey po kurhany Sieczynske, y koło rzeczki Hruzki, y koło rieczk Kamionki, Suderew z Hładkowoi, y koło doliny Ziołony

Lozy, y u dworzyszcze Michalkowske,—ze wszystkemi ich grunty, według daniny hospodarskoy, na wieczne czasy, a przy tym ze mną byli: pan Fedka Zmoka, a Semion Dyak, Luczyn syn; na co ja y list swoy uwiązczy temu Wasilu dał y pieczęć swoie do niego przycisnoł. Pisan w Owruczym, augusta wtorego dnia, indicta szostego. Locus sigilli«. Который-же-то list увязъчий, за поданемъ и прозбою вышъ-мѣнованое особы подаваючое, а за моимъ урядовымъ принятемъ, слово въ слово, такъ яко ся в собе маетъ, до книгъ нинейшихъ естъ уписаный.

Книга Овручская гродская, № 3224, 1717 года, стр. 93.

17.

Грамота великаго князя Александра, Овручскому намѣстнику, князю Григорію Борисовичу Глинскому, о томъ, чтобы онъ возвратилъ Овручскому старцу Василію Михалкевичу отнятый у него островъ, находящійся за рѣкою Каменкою, и не присвоивалъ-бы имѣнія Михалкевича. 1503 года, августа 21 дня.

Року тысяча семъ сотъ семнадцатого, мѣсяца мая двадцать осмого дня.

На уряде кгродскомъ, въ замку его королевской милости Овъруцкомъ, передо мною, Михайломъ Сынъгаевъскимъ, коморникомъ кграничнымъ Кіевскимъ, наместникомъ кгродскимъ староства Овруцкого и книгами нинешними, кгродскими, Овруцкими, comparens personaliter swobodny Matwey Michałkewicz-Zaliwaka, boiar Owrucki, dla wpisania do xiąg nineyszich, grodzkich, Owruckich, oryginał listu—upominalnego od naiasneyszego niegdy swiętey pamięci króla jego mości polskiego Alexandra do zeszłego niegdy kniazia jego mosci Hrehorego Borisowicza Hlinskego, ratione intro contentorum pisanego, antecessorowi swemu y uczęsnikow swoich boiar Owruckich służącego, z pieczęcią, przycisnioną—per oblatam podał, prosząc, aby przyięty y w xięgi wpisany był; a tak ja, urząd, ten list do xiąg przymuiąc, czytałem, y tak się w sobie, ruskim pismem pisany, ma: »Alexander, Bożą miłoscią krol polski, wielki xiężе Litewske, ruske, xiąże Pruski, Żmódzki, y innych. Namiesniku wruckiemu, kniaziu Hrehoremu Borisowiczu Hlinskemu. Żałował nam na ciebie starec nasz wrucki Wasil Michałkiewicz niepoiednokroć, cożesmy pierwey tego dalismy ziemie iemu y ty u niego list danine naszę odioł był y drugemu człoweku tę ziemie oddał; ino my pisalismy list do

ciebie o to, y posłalismy dworzanina naszego, Iwaszka Kryżyna, cobysmu daninę naszę wrucił, y temu dworzaninu kazali, coby go w tę ziemie uwiązał: to tedy on onego uwiązał y list swoy uwiązczy iemu dał, ktory przed nami pokładał. Jenoż ty, jako niedbaiąc wskazania naszego, ostrowa mu za rzeczką Kamionką niedał y miod na siebie z ostrowa podarł: a tak,—abys temu ostrowu pokoy dał koniecznie, aby inaczey niebyło. Pisan u Wilni, augusta dwudiestego pierwszego dnia, indicta szostego. Locus sigilli«. Который же то листъ упоминалный, за поданемъ и прозбою вышъ менованое особы podawaiący и за моимъ урядовымъ принятемъ—слово, въ слово, такъ яко се в собе ма, до книгъ нинешънихъ естъ уписаный.

Книга Овручская гродская, № 3224, 1717 года, стр. 92 на об.

18.

Грамота великаго князя Александра, Винницкому земянину Шулгѣ Долбиничу, на пустошь въ Брацловскомъ повѣтѣ, называемую Котенево. 1504 года, февраля 16 дня.

Александръ, Божою милостію Король полскій, великій князь Литовскій, рускій, княжа пруское, жомоитскій и иныхъ.

Намѣстнику Браславскому, князю Михайлу Васильевичу Збаражскому. Билъ намъ чоломъ земянинъ вѣницкій, Шулга Долбыничъ и просилъ у насъ селища въ Браславскомъ повѣте, на рѣце на Уси, на имя Котенева, оповѣдалъ намъ, штожъ дей сее селище давно пусте лежитъ, а наследка к ней никого нету, а и ты о томъ к намъ писалъ за нимъ, повѣдуючи, ижъ тое селища пусто; ино если будетъ пусто и мы ему тое селища дали, и ты бы ему въ то увязаніе далъ. Писанъ въ Петриковѣ, февраля 16 дня, индиктъ 7-мой.

(М. П.)

Сообщилъ В. Антоновичъ.

19.

Грамота Сигизмунда Августа, 1570 года, мая 30 дня, подтверждающая привиллегіи, данныя отъ его предковъ—Сигизмунда, Казимира, Александра, а равно и записи отъ нѣкоторыхъ землянъ кіевскихъ монастырю Свято-Никольскому пустынскому кіевскому на села, имѣнія и земли. Одна изъ такихъ привиллегій, упоминаемыхъ въ настоящемъ актѣ, значится подъ 1504 г. іюля 29 дня.

Roku tysiąc siedmset trzydziestego szostego, miesiąca decembris trzynastego dnia.

Na urzędzie grodskim, w mieście jeho krolewskoy mosti Zyttomirżu, przedemną, Wawrzyńcem Walewskim—Lewkowskim, namiesnikiem protunc podwoiewodztwa y vicesregentem grodskim, generału woyewodstwa kijowskiego y xięgami ninieyszemi, grodskiemi Kijowskimi, comparens personaliter W. imć xiądz Andrzey Bieniecki, archymandryta owrucki, officiał metropolii kijowskiey, extract z xiąg metryki koronnej authentice wydany, z wpisaniem w nim potwierdzenia na siedliszcza Kniażycza y na inne grunta, monasterowi Pustyńskiemu służącego, ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg ninieyszych per oblatam podał, de tenore tali: »Augustus tertius, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lituaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae, Kijoviae, Volhyniae, Podoliae, Podlassiae, Liwoniae, Smolensciae, Seweriae, Czernichoviaeque, nec non haereditarius dux Saxoniae et princeps elector. Significamus presentibus literis nostris, quorum interest, universis et singulis: reperiri in actis metrices regni privilegium confirmationis infrascriptum tenoris sequentis: Zygmunt Augustus. Ознаймуемъ симъ нашимъ лыстомъ всимъ и каждому зъ особна, кому будетъ потреба видаты, або чтучы его слышаты, нынешнимъ и напотомъ будучимъ: покладалы передъ намы велебный отецъ Касіанъ, игуменъ манастыра святого Мыколы зъ Кіева, зъ братіею своею, черницы оного манастыра пустынского лыстовъ седмъ: *Одынъ*—славнои памяты короля его мылости Жыкгмунта, пана отца нашего, на паргаминп пысаный, подъ датою—року Божого тысяча пьятсотъ четвертого, мисяця іюля двадцятъ девятого дня, индыкта второго, справы пысара, Мыхайла Васковича: которымъ лыстомъ своимъ король его мылость, отецъ нашъ, селыщо пустое въ Кіеви за Днипромъ, на имя Княжичи, и озеро, которое на тотъ манастыръ пустынскій ещо продокъ нашъ, король его милость, Казиміръ,

и тежъ король его милость, Александеръ, стрый нашъ, надать рачилъ на вечность,—потвержаты тому жъ манастыру пустынскому рачилъ; а шесть лыстовъ пановъ и земьянъ кіевскихъ, которые, для вспоможенія того манастыра, попрыдавалы и запысалы люды и земли свои на тотъ манастыръ пустынскій, то естъ: лыстъ Булгака Лысычина сына, а Мыхайла Волчиковича, подъ датою—въ лито симъ тысячъ семого року, мисяца аугуста четвертого дня, индыкта второго, которымъ лыстомъ своимъ они, оддаляючи жонъ, диты, братію и всихъ повынныхъ своихъ, дви дилныци свои - Селыща и Нонышовъ, лежачое при речце Красной, пашни, сеножати, и млына на тотъ манастыръ пустынскый вечно записуютъ. *Третій лыстъ* Семена Романовича и жоны его, Татьяны, подъ датою—въ лито симъ тысячъ пьятнадцятого року, місяця септембра первого дня, индыкта десятого: которымъ лыстомъ онъ, оддаляючи братію и всихъ повынныхъ своихъ, половицею именыя своего, Сепелычъ часть, на Припяти, и къ тому озеро Веропулъ а долгую Толю—на вечность тому жъ, манастыру пустынскому въ Кіеви записуетъ. *Четвертый лыстъ* Солтана Албеевича Толмача и жоны его Кунки и сыновъ Ивашка а Васька, подъ датою—въ лито симъ тысячъ шеснадцатого року, місяца августа тренадцятого дня, индыкта одинадцятого: которымъ лыстомъ оны, взявши отъ игумена и чернцовъ пустынского монастыра чотыре копы грошей и оддалывши то отъ всихъ повынныхъ и сыновъ своихъ, продаютъ и записуютъ вечно землю свою бортную, лежачую за Днепромъ, на имя Полукняжевскую, на тотъ же манастыръ пустынскій. *Пьятый лыстъ* Сенка Романовича, наместныка житомерского: который тымъ лыстомъ своимъ озеро, на имя Веропутъ, на тотъ же манастырь пустынскій далъ. *Шостый лыстъ* Ивана Мыхайловича Волчковича, подъ датою—мисяца марта, дня пьятнадцятого, индыкта шостого: которымъ лыстомъ своимъ онъ половицю езы именья своего Шепелычъ, на реце Припяты, и къ тому землю бортную тогожъ именья Шепелычъ, на имя Пеничовскую, зо всими пожытки, до той земли здавна прыслухаючими,—вечно, на веки на тотъ же манастырь пустынскій, въ Кіиви, святого Мыколая, запысалъ. *Семый лыстъ* Рака Полозовича, подъ датою—мисяца августа первого дня, индыкта одынадцятого: которымъ лыстомъ своимъ онъ землю свою отчизную, на имя Копіевскую, оддаляючи жону и всихъ повынныхъ своихъ, на тотъ же манастырь пустынскій вечно записалъ. И просылы насъ, абыхмо, то ку ведомости нашой кролевской прыпустывши, моцою зверхносты нашой королевской,—тые селыща, люды и

земли къ той церкви Божой, манастыру пустынскому святого Мыколы, въ Кіеви, потвердылы и умоцнылы то имъ во всемъ на вечность лыстомъ, привилеемъ нашимъ; ино мы, оглядавши тыхъ лыстовъ записовыхъ и выдячи ихъ быть цилыхъ и ни въ чимъ ненарушонныхъ, на прозбу ихъ то учинылы—потвердылы есмо и сымъ лыстомъ привилеемъ нашимъ потверждаемъ: маютъ оны самы и по ныхъ игуменъ и чернцы, въ томъ манастыри пустынскомъ кіивскомъ будучие, тіе вси дворыща, люды и земли вышей-мененые, зъ землями пашными и бортными, зъ сеножатмы и зъ службами тыхъ людей, зъ данмы грошовымы, медовыми, бобровыми и кунычнымы и зъ озеры, зъ реками, и зъ езы, зъ бобровымы гоны, ставы и зъ млыны, и зо всимъ зъ тымъ, яко ся тые люды селыща и земли здавна соби мелы и теперъ маютъ, во всемъ—ведлугъ лысту и потверженья, славной памьяты, короля его мылости Жигмунта, пана отца нашего, и тежъ даныны и запысовъ тыхъ пановъ и земьянъ кіевскихъ вышей-опысаныхъ,—до тоей церкви Божой, манастыра святого Мыколы пустынского въ Кіиви, держаты и вжываты вечно, на веки непорушно; и на то далы есмо игумену и всей братіи его, чернцомъ манастыра пустынского сей нашъ лыстъ, подписавши его рукою нашою господарскою, до которого на умоцненье и печать нашу привесити есмо казалы. Пысанъ въ Варшави, на сейми вальномъ коронномъ, дня трыдцятого мисяця мая, лита Божого нароженья тысяча пьятсотъ семдесятого, панованія нашого року сорокъ первого«. Подпысъ рукы его королевской мылости. Quod ejusmodi confirmationis privilegium nos, fideliter describi ex actis metrices regni et parti postulanti authentice extradi permisimus, in quorum fidem presentibusque sigillum regni est appressum. Actum Varsaviae, feria secunda in vigilia festi sanctorum omnium, die scilicet trigesima prima mensis octobris, anno Domini millesimo septingentesimo trigesimo quinto, regni vero nostri anno tertio. U tego extraktu z xiąg metriki koronej authentice wydanego, przy pieczęci przycisnioney, podpis ręki jego mości podkanclerzego taki: Ioannes in Lipe Lipski, episcopus cracoviensis, dux Severiae, procancellarius regni (Locus sigilli). Z drugiey zaś strony pieczęci przypisek w te słowa: relatio illustrissimo excellentissimi et illustrissimi Domini Domini Ioannis in Lipe Lipski, episcopi Cracoviensis, ducis Severiae, procancellarii Regni; niżey zaś pieczęci podpis ręki secretarskiey temi słowy: Andreas Franciscus Cichocki, sacrae Regis majestatis secretarius, manu propria. Potwerdzenie zas tak się w sobie ma: ex actis anni millesimi quinquagentesimi septuagesimi—potwerdzenie na sieliszcze Kniażyczy y na inne

grunta monastiru Pustyńskiego. Kotory że to extrakt, za podaniem y prosbą wyżmianowaney osoby podawaiącey, a za moim urzędowym przyięcem, słowo w słowo, jak się w sobie ma, do xiąg ninieyszych iest ingrossowany.

Книга Кіевская гродская, № 47, листъ 305 на об.

20.

Грамота великаго князя Александра Ивашку Лабунскому на имѣніе въ Кременецкомъ повѣтѣ. 1503 года, марта 3 дня.

Александръ, Божою милостію король Полский, великий князь Литовский, Рускій, княжа Пруское и иныхъ.

Намѣстнику Кременецкому, пану Юрію Михайловичу Монтовтовичу. Билъ намъ челомъ панъ Ивашко Лабунский и просилъ у насъ трехъ селищъ въ Кремянецкомъ повѣте, на имя—Колыщинцовъ, а Гребенина и Сахновцовъ, и повѣдалъ передъ нами, ижъ два селища—Гребенинъ и Сахновцы пусты, людей тамъ нѣтъ, одножъ два человека въ Колыщинцахъ служебные, которые намъ конемъ служатъ з давна с тыхъ двохъ добровъ, Свинѣе а Нестеровое; а и ты тежъ передъ нами самъ повѣдилъ, штожъ тыи селища двѣ—Гребенинъ и Сахновцы пусты, людей тамъ нѣтъ, одно въ Колыщинцахъ два чоловека служебные, которые намъ конемъ служатъ з давна з тыхъ двохъ добровъ—Свинѣе и Несторовое. Ино мы, з ласки нашей, для его вѣрное службы, тыи три селища—Колыщинцы, Гребенинъ и Сахновцы, с тыми двѣма чоловѣки и з дубровами, и з рѣками, и ставы, и з бобровыми гоны, и зо всимъ с тымъ, якъ ся тыи селища з вѣка въ собѣ мѣвали,—ему дали есмо вѣчно; и ты бы о томъ вѣдалъ и ему во все то увязаніе далъ конечно. Писанъ въ Берести, марта 3-й день, индикта 8.

Сообщено В. Антоновичемъ.

21.

Жалованная грамота великаго князя Александра земянину кременецкому, Олексѣ Сковородкѣ, на села: Кобильное, Лановцы, и Кузьминскій лѣсъ. 1506 года, января 22.

Я, Александръ, Божою милостію король Полскій, великій князь

Литовскій, Рускій, княжа Пруское, Жомоитскій и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, кто на него посмотритъ, або, чтучи его услышитъ, нинешнимъ и на потомъ будучимъ, кому потреба того вѣдати: билъ намъ чоломъ землнинъ Кременецкій, Олекса Сковородка, и повѣдилъ передъ нами, штожъ намѣстникъ нашъ Кремянецкій, князь Андрей Александровичъ, далъ ему селищо пустое, на имя—Кобыльню, а панъ Юрія Монтовтовичъ далъ ему село пустое, въ Кузминскомъ повете, на имя—Лановцы, и тежъ придалъ ему къ его отчизни, къ Веровцомъ, рогъ Кузминского лесу; и тыи листы ихъ передъ нами покладалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему въ томъ ласку нашу учинили и, подлугъ тыхъ листовъ, тыи селищи зъ рогомъ лесу ему пожаловали. Ино мы, зъ ласки нашое, видячи его, ижъ онъ мешкаетъ на шляху татарскомъ и завжды горла своего на службу нашу не жалуетъ, и хотячи его на потомъ мѣти охотнѣйшого и поспѣшнѣйшого ку службѣ нашой, въ томъ есьмо ему ласку нашу вдѣлали, и тые селища—Кобыльню а Лановцы и рогъ лесу—ему есмо дали; и потвержаемъ то симъ нашимъ листомъ вѣчно ему, и его женѣ, и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучимъ ихъ щадкамъ: нехай онъ тыи селища—Кобыльню а Лановцы и тотъ рогъ лесу держитъ и з землями пашными, и зъ сеножатми, и зъ лесы, и зъ дубровами, и зъ пасеками, и зъ ставы и ставищи, и зъ млыны, и зъ ихъ вымелками, и зъ бобровыми гоны, со всимъ, по тому, якъ з давна тыи селища въ собѣ ся мѣли и нынѣ маютъ; воленъ то онъ отдати и заменити, разширити и прибавити и къ своему лепшому а ужиточному обернуты, какъ самъ налепѣй разумѣючи. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити къ сему нашому листу. Пысанъ у Люблинѣ, въ лето 7014, мѣсяца генваря 22 день, индиктъ 9.

(Athenaeum, 1842 г. т. II, стр. 31.)

22.

Грамота великаго князя Александра землнину Брацлавскому, Ивану Долбыничу, на село Трыбисово. 1606 года, марта 11 д.

Александръ, Божою милостію король Полскій, великий князь Литовскій, Руский, княжа Пруское, Жомоитский и иныхъ.

Намѣстнику Браславскому, князю Михайлу Васильевилу Збаражскому. Билъ намъ чоломъ землнинъ Браславскій, Иванъ Долбыничъ

Котеневскій, и повѣдилъ передъ нами, штожъ ты далъ ему селище въ Браславскомъ повѣте, на имя—Трыбисова, на рѣце на Уси, и листъ свой на то ему далъ; и онъ тотъ твой листъ передъ нами покладалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему дали на тое селищо нашъ листъ. Ино мы ему на то дали сей нашъ листъ,—нехай онъ тое селище держитъ, подлугъ листу твоего, а намъ служитъ. Писанъ въ Люблини, марта 11 день, индикта 9. (М. П.)

Сообщено В. Антоновичемъ.

23.

Грамота Сигизмунда I, Черкасскому земянину, Гринку Васкевичу, на владѣніе селами: Мигліевомъ, Орловичами и Линчицами, подъ условіемъ отправлять земскую службу. 1510—1525—1540 года, сентября 25 д.

Zygmunt, Bożą miłością król Polski, wielkie xiążę Litewskie, xiąże Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Mazowieckie i innych.

Bił nam czołem ziemianin nasz Czerkaski, Hryńko Waśkiewicz, i powiedział przed nami: iże pojął żonę za siebie ziemianina Zwinogrodzkiego, Fedka Waśkiewicza, a tego Fedka Tatarowie ubili, i na kture sieliszcza miał on oyczyzne, wysługę, te się jemu sieliszcza dostały po tej żonie jego, na imie—Mihlijewo a Onłowicze y Lińczynce: bo ten Fedko s tą żoną dzieci sobie nie miał, ani bliskich jego nikogo w tych sieliszczach nie było, i wszystkie mu te sieliszcza sławnej pamięci Alexander król potwierdził listem swym na wieczność. S tego on listu kopią przed nami ukazywał i bił nam czołem, abychmy jemu na to dali nasz list i potwierdzilibyśmy to iemu naszym listem, kiedy on będzie to u siebie mieć list brata naszego I. K. M.; i my jemu łaskę naszą uczynili i na tośmy mu dali ten nasz list i potwierdzili to tym naszym listem wiecznie jemu, iego żonie i ich dzieciom, niechaj on te sieliszcza dzierży ze wszystkim s tym, co ku nim zdawna przysłuchało, podług tego listu brata naszego I. K. M., a nam służbę ziemską służy. Pisan we Lwowie, septembra 25 dnia, indykta 13.

Сообщено В. Антоновичемъ.

24.

Грамота Сигизмунда I, князьямъ Вишневецкимъ, на мѣстечко Перемиль въ Луцкомъ повѣтѣ. 1511 года, іюня 15 д.

Жикгимонтъ третий, Божою милостью король Польскій, великий

князь Литовскій, Русскій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій, Ифлянскій, а Шведскій, Кготскій, Вандальскій дедичный король.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашымъ, ижъ, за прозбою земенина нашого земли Волынское, урожоного Михайла Хрыницкого, казали есмо ему з метрыкъ канъцеляреи нашое видымусъ дати—прывилею продъка и деда нашого, светобливое памети короля его милости Жикгимонта перъшого, потверъженья Федору а Ивану Михайловичомъ Вишъневецкимъ на именье Перемилъ, в повете Луцкомъ лежачое; который привилей слово отъ слова (так се в собе) маеть: »Жикгимонтъ, Божою милостью король Польскій, великий князь Литовскій, Русскій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій и иныхъ. Чынимъ знаменито симъ нашымъ (листом, хто на него) посмотрыть, або чтучи его услышыть, нынешнимъ (и на потом будучимъ), кому будетъ потреба того ведати. Били намъ чоломъ, (князь Федоръ а) князь Иванъ Михайловичи Вишъневецкие о томъ, што есмо дали имъ местечъко въ Луцкомъ повете, наймя—Перемиль, за ихъ службу, по тому, якъ тое местечко отъ насъ деръжалъ в деръжаньи и князь Федоръ Четвертеньский; и были намъ чоломъ, абыхмо то имъ потверъдили прывильемъ нашымъ на вечность. Ино мы, обачывъшы ихъ службу намъ веръную, и николи не омешкалую, яко слугъ нашыхъ добрыхъ, хотячы ихъ к намъ заховаты охотнейшыхъ и поспешнейшыхъ ку службе нашой, на ихъ чоломъбитье есмо вчынили, и з ласки нашое тое местечъко Перемиль даемъ и дали есмо имъ, и потверъжаемъ то симъ нашымъ листомъ вечно и непорушно имъ самымъ, и ихъ жонамъ, и ихъ детемъ, и ихъ справедливымъ на потомъ будучымъ ихъ щадкомъ: зъ торъгомъ, и зъ ярмаркомъ, и з мыты старыми грошовыми и соляными, и с промытою, и с правомъ Майдеборскимъ, котороежъ право тое местечъко съ стародавна маеть з войтовствомъ Перемыльскимъ, и зо въсими людьми и платы местскими, и с корчмами, и капъщызнами, и цынъшы, и доходы, и въжытки, и з городищомъ, и зъ землями церъковными, которые земли прыслухають здавна къ костелу нашого рымского закону; и на тыхъ земляхъ костелъ мають збудовати, и каплана своее руки тамъ мети, и з манастыромъ закону греческого, и з землями манастырскими...... манастырскими тежъ, оны игумена отъ своее руки мети, и фольварки, и з землями местскими, пашными и бортными, и зъ пасеками, и з огороды, и з хмельники, и з селищы, и з даньми грошовыми и медовыми, и з дубровами, з боры, з лесы, з гаи, з форосты, з дубинами, з березинами, з лозами, з

сеножатми, з болоты, з луги и з луками, и з пастовъники, и з озеры, и озерыщы, з реками и речъками, з крыницами, и з потоки, и з зеремяны, и з бобровыми гоны, з ставы и ставищы, и з млыны, и ихъ вымелъками, и з сажовками, и з рыбники, з ловы, з ловицы зверынными, и пташьими и рыбными, и зо всими пожытки и въжытки того местечъка, зо всимъ с тымъ, якъ тое местечъко на насъ деръжапо было отыхъ часовъ; и, какъ ся в границахъ своихъ маеть, вольны оны то — отдати и продати, заменити и даровати, и городъ тамъ збудовати и место садити, и тежъ на сыромъ корени люди садити, и которымъ кольвекъ именемъ, то именовати и розшырыти, и прыбавити, и къ своему лепьшому и въжыточному оберънути, какъ сами на лепей розумеючы; а на твердость того и печать нашу казали есмо прывесити к сему нашому листу. Писанъ у Берестьи, лета Божего нароженья тысеча пять сотъ одынадцатого, месеца июня петнадъцатого дня, индыкта чотырнадцатого. Подписъ руки его королевъское милости. При тому были . . . . Миколай Миколаевичъ Радивилъ, а гетманъ . . . . Маршалокъ волынское земли князь . . . . Боговитиновичъ маръшалокъ, а писаръ . . . . видымусъ з метрыкъ, подъ печатю великого . . . . Хвынпицкому выданъ есть. Писанъ у Варшаве, лета Божего нароженя тисеч . . . . месеца іюня петнадцатого дня. Левъ Сапега, канцлеръ великаго (М. П.) князства Литовского.

Сообщено В. Антоновичемъ.

25.

Подтвердительная грамота Сигизмунда I, городу Кіеву на Магдебургское право, пожалованное этому городу королемъ Александромъ; Сигизмундъ прибавляетъ при томъ новыя права и льготы. 1516 года, января 12.

Подтвержденіе этой же грамоты Сигизмундомъ Августомъ 1545, апрѣля 24.

Жикгимонтъ Августъ, милостію Божіею король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жмундскій, Мазовецкій и протчая панъ и дѣдичъ.

Ку вѣчной тоей речи памяти, всѣмъ и кождому зособно, кому

о томъ ведати надлежатиметъ, иж перед нашимъ величествомъ привилей найяснѣйшого и премилостивѣйшого родителя нашего, найхвалебнѣйшого господаря, Жикгмунта, тоеюжъ милостію Божіею короля Полского и найвишшого князя Литовского и инныхъ, его величества града Киева войтъ и зъ мещаны закона вѣри римской, кгрецкой и ормянской,—покладали привилей на волности и цѣлости, в немъ выраженіе, и на уживаніе права Майдебурского, которимъ зуполна повелено имъ мещаномъ судитися, обходитися, и справоватися, и проступныхъ карати и вини з нихъ брати; а, яко всякая вещь отминѣ и злымъ припадкомъ подлеглая бываетъ, такъ и тотъ привилей нещастливимъ припадкомъ от поганства, татаръ—которіе частократне в державу и в граници наши нападаютъ—у нихъ, мещанъ, отбито и печать от оного, на воску витеснену и привѣшонную на шнурку едвабномъ, оторвано, що досконале знатъ было: только подписъ руки его королевского величества и подписъ руки секретарской цѣлие и ненарушніи зостали. Що мы, достовѣрно видячи, веру няли, которій привилей такся в собѣ мѣетъ: Во имя Господне, аминь. Ку вѣчной тоей рѣчи памяти: поневаж все рѣчи, которіе въ часѣ исправляются, купно з часомъ в забвеніе приходятъ и з памяти людской вибиваются, и наступующимъ вѣкомъ невѣдоми биваютъ, аще для вѣка потомной памяти писанни не обрѣтаются, того ради мы, Жикгмунтъ, Божіею милостію король Польскій, великій Князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жмудскій, Мазовецкій и инних господаръ и дѣдичъ, ознаймуемъ всѣмъ обще и кождому зособна, нинѣ и потомъ будучимъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ: яко войтъ и мещане наши Кіевскіе перед маестатомъ нашимъ доносили, что наяснѣйшій негдись король Александеръ, продокъ и наймилшій братъ нашъ, желаючи опустилому краю, земли Руской, лучшого поведенія и даби место Киевъ ширилося и множилося в люде и во всѣ достатки и приходи, самому мѣсту Киеву и мещаномъ Киевскимъ, з ласки и щодробливости своей королевской, право немецкое, названное Майдебурское, закону и вѣри Римской, Кгрецкой и Арменской,—надалъ и уфундовалъ и опредѣлилъ, дабы мещане и всѣ жителѣ Кіевскіе, теперъ и на потомъ будучіе, и ихъ потомъки и наслѣдники во всѣхъ рѣчахъ обходилися и справовалися такъ, якъ полномошная установа и звичай права, именуемого Майдебурское, означаетъ; и на такое наданъе привилѣй его королевского величества, при завѣсистой печати имъ наданній, передъ нами покладали и доносили, что его королевское величество

по тому привилею, в самомъ правѣ Майдебурскомъ и на нѣкоторія артикула и пункта не соизволялъ и не повелѣлъ потому быти; но они, помянутіе мещане, на сей часъ покорне намъ были челомъ, дабисьмо имъ в томъ милость нашу королевскую явили, имъ, мещаномъ, и мѣсту ихъ право преждереченное, подлугъ привилѣя наяснѣйшого пана брата нашего, негдисъ короля Полского Александра, зуполно и нивчомъ ненарушимо содержати повелѣли и утвердили. Мы прето, маючи ласковій взглядъ на нихъ, мещанъ, яко на пограничи живучихъ и частокротне от непріятелей нашихъ поносящихъ и терпящихъ разореніе и неволю, а хотячи мѣсту нашему, в люде и во всѣ достатки, расширенія и помноженія,—прозбу ихъ ласкове принявши, право театоницкое, названное Майдебурское, мѣсту нашому Киеву и всѣмъ его обивателемъ, тепер в немъ зостаючимъ и на потомъ будучимъ, Римского, Кгрецкого и Арменского исповѣданія, з особливой и щодробливой ласки нашой королевской, надаемъ, позволяемъ, утверждаемъ и змоцняемъ во вѣчніе времена; и тое право Майдебурское зуполне, во всѣхъ пунктахъ и артикулахъ содержати позволяемъ и подлогъ оного установи— обходитися, справоватися и боронитися таковым же способомъ и порядкомъ, якъ мѣсто наше Вѣлно тое право содержитъ и оного уживаетъ, а от правъ Полскихъ, Литовскихъ и Рускихъ и от всѣхъ звичаевъ, к тому праву неслушнихъ и противнихъ, предреченнихъ мещанъ виключаемъ и волними чинимъ; такожъ помянутихъ мещанъ от послушенства и власти воеводъ, судей и иннихъ урядниковъ нашихъ и ихъ намѣстниковъ свободними чинимъ: которіе мещане перед ними в якихъ колвекъ рѣчахъ и справахъ криминалнихъ, в великихъ и поточнихъ, то есть—о злодѣйствѣ, о кровопролитей, о убійствѣ, о усѣченіи члонковъ якихъ, о пожогахъ и в иннихъ всихъ проступкахъ, с якой колвекъ причини позванные,—не мѣютъ отвѣтствовать и не повини ихъ ко отвѣту передъ себя потягати и ни до якихъ винъ и до заплаченя оныхъ недолжни насиловати; толко они передъ своимъ войтомъ, на тотъ часъ будучимъ, а войтъ з урядовими своими передъ маестатомъ нашимъ, когда чрез позви наши призвани будутъ о якіе колвекъ справи, тимже власне а не иншимъ правомъ Майдебурскимъ, на нихъ скаржачимся отвѣтствовати мѣютъ, опрочже еслиби справа якая приключилася з шляхтичомъ или з иннимъ кимъ, сему праву неподлеглимъ и неподручнимъ. Томуж войтовѣ мѣста нашего Киева всѣ справи криминалные, головніе, горловіе, о пожогахъ и инніе всѣ вишеозначенніе даемо моцъ

и власть зуполную судити, проступнихъ карати, подлугъ заслуги кождого — мечемъ стинати, топити, огнемъ палити, якъ право майдебурское во всѣхъ своихъ артикулахъ, пунктахъ и параграфахъ описуеть. Кравцевъ, ковалевъ, цирулниковъ, золотарей, лучниковъ, стрелниковъ, куншеровъ, шевцовъ и иннихъ всѣхъ ремесниковъ, в Киевѣ теперъ живучихъ и впредъ будучихъ, под власт и послушенство мѣское поддаемъ и привлащаемъ, а от власти и послушенства воеводъ и иннихъ урядниковъ нашихъ и ихъ намѣсниковъ вилучаемъ и уволняемъ: Имѣти то хощемъ жеби отнюдъ ихъ до замку на работизну войсковую не потягано и жаднихъ бы имъ обидъ и налогъ не чинили, опрочъ що з кождого ремесла по два человѣка на услугу и на работизну войсковую и замковую определяемъ, которіе прислушати мають до замку. Позволяемъ теж помянутимъ мещаномъ вшелякій складъ в мѣстѣ ихъ имѣти; пивомъ, медомъ, виномъ и горѣлкою шинковати и с того приходи на потреби мѣскіе оборочати; также помѣрное медовое, то есть ведерно, которимъ медъ мѣрится, ятки всѣ резницкіе, полки и лавки, в которихъ живность и всякая мѣлочъ продается, воскобойню, где воскъ забивается, зо всѣми приходами до мѣста надаемъ, — толкожъ з кождой корчми кождого году по две копи грошей повинни намъ платити; такожъ тихъ, прежде реченныхъ, мещанъ з некоторого звичаю, в мѣсте Киевѣ изстари будучого, яки они називаютъ *осмнѣцство*, уволняемъ и варуемъ то, абы обывателемъ киевскимъ никто из урядниковъ замку Киевского а особливѣ названный *осмничій* за тую установу жадной трудности и турбаціи, хочай бы и приличилися в таковомъ учинку, не дерзалъ затѣват и от нихъ жаднихъ податей вимогати. Гостей також и прихожихъ подлугъ старого звичаю заховуемъ; от мита нашего, надлежащого на насъ от рибъ, мещанъ киевскихъ заховуемъ и уволняемъ. Онижъ, мещане, многокротне уже преждемененіи, привилѣй наяснѣйшого короля и великого князя Александра, вишепомененного брата нашого наймильшого, также и нашъ передъ маестатомъ подлинни презентовали и освѣдчали, что его королевское величество и мы по всѣхъ панствахъ нашихъ дѣдизнихъ, коронниxъ и в великомъ князтвѣ Литовскомъ от мытъ и целъ всякихъ сухимъ путемъ и водою мещанъ Киевскихъ уволнили, и позволили купецкимъ людемъ, мещаномъ Киевскимъ, с товарами и гандлями якимиколвекъ ити, ихати и судами водою плисти без платежу жодного на цлахъ королевскихъ, князкихъ, панскихъ, духовного и свѣцкого стану; в томъ же привилию виражено, что братъ

и продокъ нашъ и мы ихъ, мещанъ киевскихъ, волними учинили от всѣхъ пословъ нашихъ, такожъ московскихъ, молдавскихъ, турецкихъ, перекопскихъ и инныхъ всякихъ посланниковъ, гонцовъ, курперовъ и от даваня тимъ посламъ подводъ, кормовъ, и питя, и инныхъ видатковъ на привѣтъ ихъ, и от сторожи скарбовъ и лошадей ихъ, и от походу з поели до орди; такожъ и воеводскимъ посланникомъ лошадей подводы у нихъ имати заказали. И от судовъ всякой власти замковой уволняемъ иноземцевъ и пришелцовъ всякихъ, будучихъ тамъ в Киевѣ и гандлюючихъ купеческимъ промисломъ, зо всѣми ихъ послугами, податками и приходами—тимже мещанамъ во владѣніе подаемъ и привращаемъ. Да в томже привилѣи написано, что воеводи Киевскіе, з вымислного нѣкоторого звичаю, по двинадцат грошей бѣрали вини от тихъ мещанъ Киевскихъ, которіе часу лѣтнего в домахъ своихъ огонь держали; яковій поступокъ и звичай мы ганимъ, искореняемъ и ихъ, мещанъ, от такового звичаю уволняемъ; и позволяемъ всѣмъ мещаномъ, купецкимъ и ремеслнимъ людемъ, огонь в домахъ своихъ в почи, албо кождогоколвекъ времени, держати и имѣти безъ жадной вини и турбаціи от уряду замкового; толко в домахъ шинковнихъ, в лѣтѣ, когда ночи маліе бывают, при свѣтлѣ пити заказуемъ. И притомъ всемъ, яко выше помянулося, ихъ мещанъ, многократне вишепомянутихъ, заховуемъ, имѣти то хощемъ непремѣнно. А духовнимъ, то есть: архиепископови закону и вѣри светой римской, метрополиту кгреческому Киевскому и всѣмъ духовнимъ, в Киевѣ обикліе свои приходи и подати имѣючимъ, повинни, подлугъ стародавняго звичаю, належите и сполна отдавати, в якіе приходи его королевское величество в то время вступатся не схотѣлъ. Ониж, мещане наши, от ваги—ваговое до ратуши повинни давати; заровно теж важницу со всѣми вагами при ратуши заховуемъ подлугъ давняго звичаю контрибуціи, то ест—поборъ они, мещане наши, в казну нашу повинни платити заровно якъ и з инныхъ мѣстъ мещане наши жъ платятъ. Такожъ кождого часу оные мещане наши, заровно з инными мещанами нашими и подданними, подлугъ звичаю давняго, оборону и сторожу отбувати повинни на томъ мѣстцу, где здавна сторожа стоявала и когда килкакротне з нами самими, албо з нашими урядниками, за татарами в погоню потреба бы была; ониж мещане, кождій за себе, подлугъ можности своей збройной, конно, якъ до войни надлежить, за указомъ нашимъ албо урядника нашого, безоткладно, без жадной отмовки з инними подданними нашими

війздитъ должни; такожъ въ замку нашемъ, подлугъ обыкновенія давного, ониж, мещане наши, в ночи обходити и окликати повинни. Зверхъ еще, для прибили приходовъ имъ, мещаномъ нашимъ, два ярмарки установляемъ мѣти въ Киевѣ: первій ярмолокъ о праздницѣ Богоявленія Господня, чрез цѣлій тиждень, другій о праздницѣ Рождества Пресвятія Богородици, також през цѣлій тиждень. И щоколвекъ мѣсту и мещанамъ нашимъ Киевскимъ, яко вишей вспомянено, надалисмо, змоцнили, от чогож теж и уволнилисмо,—тое накрѣпко, неподвижимо и ни от кого ненарушимо во вѣчніе годы утверждаемъ и заховуемъ, и к сему писанію нашему для свидѣтельства и увѣренія лутчого, печать нашу королевскую привѣсить повелѣли. Данно в Вилнѣ, в середу передъ праздникомъ близко святого Антонія, року Господня аф҃ѕі (1516), при бытности тамъ: в Бозѣ превелебного отца, велможного Войтеха, бѣскупа Виленского; Николая Николаевича Радивила, воеводи Виленского и великого князства нашого Литовского канцлѣра; Юрія Станиславовича Остека, воеводи Троцкого, двору нашого ротмистра; Станислава Яновича, Каштеляна Троцкого, а земли Жмутской старости; Юрія Николаевича Радивила, подчашего нашего и старости Кгродинского; Неміра Грималича, старости мелницкого и дрогицкого, маршалка нашего; Юрія Илѣнича, маршалка нашего и старости Берестейского, и при битности нашихъ пановъ радъ и дворанъ нашихъ, зичливе и вѣрне намъ милихъ,—на чомъ во свидѣтельство подпись руки королевской таковій: Жикгмунтъ король. Подпись руки секретарской—Николай маршалокъ подписалъ. А за тимъ нашиму королевскому и княжескому величеству, именемъ войта, бурмистровъ, райцовъ и всего поспольства мѣста нашего Киева, мещанеж Киевскіе: Тарасъ Алексѣевъ, Прокопій Андрѣевичъ, Васко Ходковичъ, при инстанціи суппликовали, абысмо той помянутый привилей повагою нашею королевскою и княжескою утвердили; которыхъ прошеніе ласкове принявши, помянутій привилей симъ писаніемъ нашимъ утверждаемъ, укрепляемъ и змоцняемъ: которій привилей, где бы колвекъ въ публичнихъ, головнихъ и в поточныхъ судахъ презентованъ будетъ, абы была вѣра везде, яко самому подлинному была дана. Чего ради сіе писаніе во свѣдительство рукою нашею подписали и печать нашего князства Литовского, на воску притиснувши, привѣсить повелѣли. Дѣялося и дано въ Вилнѣ, въ пятницу, в двадцат четвертій день мѣсяца априля, лѣто отъ Рождества Христова афме (1545). При томъ притомніе

были: велебній и вельможній Юрій, бискупъ Луцкій; Янъ Глебовичъ воевода Виленскій, державца Бобруйскій и Борисcовскій; Григорій Григоровичъ Осчиковичъ, Виленскій; Геронимъ, Троцкій каштелянъ; Николай Яновичъ Радивилъ, маршалокъ земскій; Станиславъ Довойна, воевода Полоцкій; Иванъ Горностай, маршалокъ надворній великого князства Литовского, подскарбій земскій, Слонимскій, Едвенскій, Добшунскій староста, и иншіе пани рада, дворане и урадники наши, верне и вдячне намъ миліе. У того подлинного привилію подпись рукъ таковій:

Жикгимонтъ Августъ король Полскій.

мѣсто печати к тому привилию привешенной.

Валеріянъ, Секретерь его королевского и княжеского величества и писарь княжествва Литовского.

С подлинной привилегіи латинского писма на руское переводили: сотникъ Срѣбрянскій, Антонъ Троцина и Михайло Янгелнѣцкій, сотникъ Журавскій.

Книга Кіевской городской думы, № 3503, годъ 1542—1608; страница 14.

Примѣчаніе.—Туже грамоту Сигизмундъ Августъ подтвердилъ вторично, по просьбѣ Кіевскихъ мѣщанъ, въ 1562 г. и еще разъ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года, іюля 21; потомъ король Стефанъ—въ 1570 году, іюля 7, и Сигизмундъ III—въ 1588 году, мая 10.—(См. книгу Кіевской городской думы, № 3503, годъ 1542—1608, стр. 21, 31 на оборотѣ и 50).

26.

Рѣшеніе короля Сигизмунда I, по жалобѣ пановъ: Стефана, Ивана и другихъ братьевъ Гриневичей-Яцковскихъ, на воеводу Кіевскаго Андрея Немирича, за отнятіе грунтовъ, мельницы на р. Горыни, и за наѣздъ на ихъ имѣнія. Король, утверждая за Гриневичами-Яцковскими ихъ имѣнія, объявляетъ Немирича виновнымъ по этому дѣлу и приказываетъ ему, дабы онъ на будущее время не дѣлалъ разореній и насилій въ имѣніи Гриневичей-Яцковскихъ. 1520 года, августа 10 дня.

Roku tysiąc siedmset trzydziestego trzeciego, miesiąca aprilis osimnastego dnia.

Na urzędzie grodzkim, w mieście jego królewskiey mosci Zytomierzu, przedemną, Janem Walewskim Lewkowskim, namiesnikiem podwoiewodztwa Kijowskiego y xięgami, ninieyszemi, grodzkiemi, Kijowskiemi, comparens personaliter urodzony jego mosć pan Heronim Hryniewicz Jackowski, kopią dekretu zadwornego, między—niegdy urodzonym Stefanem y Iwanem Hryniewiczami Jackowskiemi, antecessorami offerentis,—z iedney, a niegdy jaśnie wielmożnym Andrzejem Niemiryczem, wojewodą Kijowskim,—z drugiey strony,- z podpisami rąk niżey wyrażonych ich mości, w Warszawie stałego y ferowanego ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg ninieyszych, grodzkich, Kijowskich per oblatam podał, in eo verborum, qui sequitur, tenore: »Żygmunt pierwszy, Bożą miłością król Polski, etc. Oznaymuiemy tym naszym listem wszem w obec y każdemu z osobna, komu by o tym wiedzieć należało: gdy się przytoczyła sprawa przed nas y sąd nasz ninieyszy, za pozwem naszym, między ich mościami pany: Stefanem y Iwanem y innemi Hryniewiczami Jackowskiemi, iako powodami—z iedney, a jego mością panem Jędrzejem Niemiryczem, sprawcą Kijowskim, iako pozwanym—z drugiey strony, o zabranie gwałtowne gruntow y młyna na rzyce Horynie y o najazd na dobra ich, nazwane ziemią Piętkowską y Bartną, niedaleko miasta naszego Owrucza, także zbicia y pobrania majętności ich ruchomych, z wielką krzywdą y szkodą mianowanych Hryniewiczow Jackowskich, ktorzy na pięć tysięcy kop pieniędzy litewskich sobie szacowali, iako ten pozew szerzey w sobie obmawia; na roku tedy ninieyszym, na trzecim wołaniu, dnia dwudziestego siodmego augusta za tymże pozwem przypadłym, stanowszy oczewiście strona powodowa, Stefany Iwan Hryniewiczowie Jackowscy, za mocą, od braci im daną, dowodząc żałoby swoiey (z inquisitii) tak ludzi okolicznych iako y urzę-

dowey, prosili nas przytym o przywrocenie gruntow y młyna y o zapłacenie szkod y krzywd poczynionych według pozwu swego; a od strony pozwaney Stanisław Rostowski, za mocą iemu daną stanowszy, mienił sobie, że ten grunt krolewszczyzna, a niemiał czym dowodzić; a panowie Hryniewiczowie Jackowscy—Stefan y Iwan pokazali, że to dobra ziemie dzedziczne. My z panami y radami naszemi, przy nas na ten czas będącemi, słysząc spur y odporę stron między sobą y widząc: iż panowie Hryniewiczowie z bracią swoią tego dowiedli, że te grunta y młyn własność ich iest,—zaczym onym wiecznemi czasy przysądzamy, a jego mości pana Jędrzeja Niemierycza, iako nienależycie wpierającego się w te grunta, winnym bydz uznajemy y nakazujemy, aby pan Niemirycz żadney przeszkody panom Hryniewiczom Jackowskim, iako w ich własnym dziedzictwie, nie czynił; co się zaś dotycze poczynienia szkod, co sobie mienią bydz na pięć tysięc kop pieniędzy litewskich panowie Hryniewiczowie Jackowscy, wolne im prawo w sądzie należnym zostawujemy ninieyszym dekretem naszym, do którego dla lepszey wiary y twardości pieczęć koronną przycisnąć roskazali. Pisan w Warszawie, roku tysiąc pięcset dwudziestego, dnia dziesiątego augusti. A podpis w te słowa: Petrus Tomicki, episkopus culmensis, vice cancelarius. Zacharyasz Jałowicki. Ktoraż kopia dekretu, za podaniem y prozbą wyszmianowaney osoby podawającey, a za moim urzędowym przyięciem, wszystka z początku aż do końca, słowo w słowo, iak się w sobie ma, do xiąg ninieyszych iest ingrosowana.

Книга Кіевская, гродская, 1733 года, № 45; листъ 849.

27.

Грамота Сигизмунда I, Овручскому земянину Тимошу Барановскому, на земли: Жадановскую, Барановскую и на островъ Зелезницкій. 1531 года, іюня 17.

Року тисяча шестсот осмдесят четвертого, мѣсяца августа девятого дня.

На уряде кгродском, в замку его королевской милости в Овруцкомъ, передо мною, Деміяномъ Суриномъ, писаремъ земскимъ Киевскимъ, подстаростимъ кгродскимъ Овруцкимъ, и книгами нинешними, кгродскими, овруцкими, personaliter stanawsky szlachetny pan Josif Bara-

nowski dla wpisania do xiąg ninieyszich, grodskich, owruckich, a postrzegaiąc całości honoru conditiey tudzież y substantiey swoiey, ponieważ przez ogień przypadkowy z dopuszczenia Bozkiego xięgi grodskie, Owruckie, dawnieysze wszystkie, jedne w murowaney świętego Wasilia, a drugie w monastyrze w świętey Preczistey cerkwiach w schowaniu będące, pogorzeli, znowu per oblatam podał extract, z pomienionych xiąg grodskich, Owruckich, zgorzałych authentice wydany, z wpisaniem w nim przywileiu jego krolewskiey mości panom Baranowskim na rzecz, niżey w tymże przywileiu inserowanym, wyrażoną, danego y służącego, ktorego podawaiący prosił, aby przyięty y do xiąg wpisany był; a tak ja, urząd, dla wpisania do xiąg ninieyszych przyimuiąc, czytałem, y tak się w sobie ma: Wypis z xiąg grodskich zamku jego krolewskiej mości Owruckiego, roku tysiąc szestset czterdiestego, miesiąca januarii dwudziestego piątego dnia. Na urzędzie grodskim, w zamku jego krulewskiej mości Owruckim, przedemną Marcinem Wasilkowskim, namiesnikiem podstarostwa Owruckiego, stanąwszy oczewisto szlachetny pan Alexander Baranowski, dla wpisania do xiąg ninieyszych, grodzkich, Owruckich, podał per oblatam list jego krolewskiej mości na dobra Żadanowskie w rzeczy niżey mianowaney służący, o czym ten list szyrzey w sobie obmawia, którego podawszy, prosił, aby przyięty y w xięgi ninieysze wpisany był; ja, urząd, ten list przyimuiąc, przed sobą czytać kazałem i tak się w sobie ma: »Żygmunt, Bożą miłością krol Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Mazowieckie, Żmudzkie y innych. Dzierżawcy Wruckiemu, panu Michaylu Michajłowiczu Chaleckiemu y inszym starostom, kto y na potem od nas będzie ten zamek Wrucki drierżeć, bił nam czołem ziemianin Wrucki powiatu Kijowskiego, Timosz Baranowski, y pokładał przed nami rożne prawa y przywileia od świętey pamięci przodków naszych na ziemie w Wruckim powiecie, nazwaną Żadanowską, Baranowską y ostrow Zaleznicky; y prosił nas, abyśmy iemu samemu, potomkom y sczadkom jego, te pomienione dobra, według daniny przodków naszych, przywileiem naszym potwierdzić roskazali, zostawuiąc go przy wołnościach y swobodach, aby on sam, potomki y sczadki iego nam konno służbę ziemską, wespoł z inszemy ziemiany y z pany radą naszą, służyli, i my, poradziwszy się z pany radą naszą, na czołembicie jego, te wszystkie prawa i prziwileia na daninę jego służące stwierdziwszy y zmocniwszy, ten nasz list, s przyciśnieniem pieczęci koronney y z podpisem ręki kanclerza y pisarza naszego, daliśmy. Pisan w Krakowie, roku tysiąc pieneset trzydziestego pierwszego, mesiąca juni dnia siedmnastego; indikta czwartego. U tego listu pieczęć koronna iest przy-

ciśniona, a podpis rąk temi słowy: Walentinus Dombieński, regni Poloniae cancellarius; na własne roskazanie jego krolewskiej mości—Zachariasz Jełowicki, secretarius regni, manu propria. Который же то листъ, за поданемъ вышъ менованое особы, а за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нинейшихъ кгродскихъ, овруцкихъ, естъ уписанъ, съ которыхъ и сей выписъ, подъ печатю кгроду Овруцкого, естъ выданъ. Писанъ въ Овручомъ; корыкговалъ Закусило«. У того екстракту печать кгродская, Овруцкая, естъ притисненая, а подписъ руки писарское тими словы: Семенъ Викгура, городничий киевский, писаръ кгродский, Овруцкий. Который же то екстрактъ, за поданъемъ и прозъбою вышменованое особы подаваючого, а за принятемъ моимъ урядовымъ, до книгъ нинешних, кгродскихъ, Овруцкихъ естъ уписаный.

Книга Овручская гродская, 1684 года, № 3311, листъ 591 на об.

28.

Подтвердительная грамота Сигизмунда Брацлавскому земянину Олехну Ивановичу Микулинскому на имьнія: Микулинцы, Борки, Новоселицы, Рогъ, Почапинцы и половину Мизякова, въ вознагражденіе за военныя заслуги, оказанныя противъ татаръ, подъ условіемъ отбывать земскую господарскую службу. 1531 г. августа 5.

Feria Quarta ante festum nativitatis gloriosissimae virginis proxima, anno Domini millesimo septingentesimo decimo quarto.

Ad officium et acta presentia, castrensia, capitanealia, latyczoviensia, personaliter veniens generosus Thomas Zaliwski, obtulit officio presenti et ad acticandum porrexit literas privilegii pargameneas, idiomate ruthenico scriptas, super bona: Miculince, Borcow, Nowosielice, Rohi, Poczapince et medietatem Miziacowa, in districtu Bracławensi existentia, in personam generosi Olechno Ivanovicz Miculinski servientia, per serenissimum regem Poloniae Sigismundum benigniter cum confirmatione antiquorum privilegiorum datas et collatas, manu ejusdem sacrae regiae majestatis et notarii subscriptas et sigillo, in caera rubra expresso, in appenso scrinio rubro existenti, communitas, de tenore verborum tali. »Жикгимонтъ, Божою милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомойский, Мазо-

вецкий, Инфлянтский и инныхъ. Чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ и привилеемъ, хто на него посмотритъ, албо его услышитъ, нинешнимъ и потомъ будучимъ, кому того потреба вѣдати будетъ: біючи намъ челомъ земянинъ нашъ повиту Брацлавского, урожоный Алексій Ивановичъ Микулинскій покладалъ передъ нами привилей на именье свое дидичное, отчизное, а то есть перший привилей одъ продка нашего Свидрыгайла, великого князя Литовского, въ которомъ князь Свыдрыгайло пышетъ, штожъ великий князь Вытолтъ послалъ былъ Богдана Микулинского зъ войскомъ своимъ на татаре, которого за Браславлемъ татарове убылы и уторгнувши у повитъ Браславскій шкоды не малые учынылы, и замокъ Винницкій добувши зпалыли, и Ивана Богдановыча сына его зъ жоною взялы, при которомъ вси привилея и твердосты на имѣня его отчизные село—Мыкулынци, Борковъ, Новоселыцю, Рогъ и Почапынци, у повити Браславскомъ лежачіе, побралы, ино велыкий князь Свыдрыгайло, того Богдана Ивановича Микулинскаго откупилъ зъ орды, повелилъ и тые вси села его отчизные ему и потомкомъ его на вичность опьять дать, и сымъ привилеемъ своимъ подтвердылъ, прытомъ и другый привилей святои и хвалебнои памяты найяснійшаго короля его мылосты Казимира, пана отца нашего, покладалъ, где зъ ласки господарской, король его мылость, Супрунови Ивановичови Мыкулынскому, за вирные его послугы, тотъ привилей великого князя Свыдрыгайла, отцеви его Ивану, на тые села и имѣніи даный, тымъ привилеемъ своимъ потвердилъ вичностыю; къ тому еще село Супруновъ и половыцю села Мызякова так же ему и потомкомъ его на вичность далъ, и быючи намъ чоломъ, просылъ насъ тотъ Олехно Микулынскій, который бываючи многократъ въ потребахъ, и будучи колко разъ у тяжкомъ везенью татарскомъ, за чоломбытьемъ и прозбою его и за причиною пановъ радъ нашихъ, тые привилея такъ Свыдрыгайла, Великого князя Литовского, яко тежъ и тотъ прывылей короля его милосты Казимира, пана отца нашого, продкомъ его на тые именья: село Мыкулынцы, Борковъ, Новоселицю, Рогъ, Почапинци и половицю Мизякова даный, симъ привилеемъ нашимъ тое все потвержаемъ и також з ласки нашои королевскои даемъ,—маетъ тотъ Олехно именій своихъ дидичныхъ и отчизныхъ самъ и по немъ диты, потомки и исчадки его, вично и непорушно держаты и уживаты, а намъ господару, зъ тыхъ имений своихъ, службу земскую, военную, служиты маетъ такъ какъ инные шляхта великого князства Литовскаго;

на твердость его и печать нашу казалы есмо прывиситы къ сему нашему лысту. Прытомъ булы панъ Мыколай Вежигайло, бискупъ Жамойский, а воевода Подляский; маршалокъ нашъ панъ Богданъ Ивановичъ Сапига. Пысанъ у Неполоницяхъ, подъ лито Божого нароженія тысяча пьятьсотъ трыдцять первый, мисяця августа пятый день, индыктъ четвертый. Мыхайло пысарь наместныкъ Медвицкий. Locus sigilli in appenso cera rubra insignili. Sigismundus Rex, manu propria«. Et altera vero parte connotationis tenor talis. Sabbatho post festum sancti Martini Pontificis, anno millesimo sexcentesimo trigesimo primo, Jacobus Czerwielski obtulit ad acticandum (hoc loco deterioratum) susceptumet inductum. Post ingrossationem vero idem generosus offerens originale ad se recepit et de recepto officium presens quietavit.

Книга Летичевскаго уъзднаго суда, 1714 года, № 5253, стр. 176 на об.

29.

Грамота Сигизмунда I Черкасскому земянину Ивану Зубриковичу, на села: Михліево, Орловичи и Ленчицы, находящіеся въ Черкасскомъ повътъ, и Бъловцы—въ повътъ Кіевскомъ. 1533 года, февраля 20 дня.

Żygmunt, Bożą miłością król Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Mazowieckie i innych.

Bił nam czołem ziemianin nasz Czerkaski, Iwan Zubrikowicz, i powiedział przed nami, iż ziemianka Czerkaska, teszcza jego, Hrińkowa Anna, s synem swym Kością, zapisali Jemu samemu i jego żonie i dzieciom i potomkom ich sieliszcza swoje własne, ojczyznę, w Czerkaskim powiecie, na imie: Mihłowo, Orłowice i Linczyńce, a ku temu w Kijowskim powiecie sieliszcze Biehłowców, ze wszystkim tym, iako się te sieliszcza z dawnych czasów w sobie mają, które listy potwierdzenia brata naszego Alexandra, króla jego mości, i na to mąż jej na te sieliszcza u siebie miał, ona też listy jemu oddała, jakoż też Iwan Zubrykowicz one listy brata mego Alexandra, króla, i nasz i też list zapisany od niej, teszczy swojej, przed nami pokładał i bił nam czołem, abyśmy mu na to dali nasz list i to listem naszym potwierdzili,—

a tak my, tych listów potwierdzenia, i list u zapisanego ich oglądawszy, na jego czołembicie to uczynili, na to daliśmy ten nasz list, niechaj on sam i jego żona i dzieci i potomki ich te sieliszcza, wyżey pisane; Michliów, Orłowicze, a Linczyńce a Biehłowce na siebie trzymali i ich używali, ze wszystkim tym, jako się ony z dawna w sobie mają, wedle listu zapisanego tej teszczy jego i syna jej i potwierdzenia brata naszego, Alexandra, króla jego mości, i nam s tego służbę ziemską zastępują; a na twardość tego i pieczęć naszą kazaliśmy przyłożyć ku temu naszemu listu. Pisan w Krakowie, pod lato Bożego Narodzenia 1533, mesiąca februarii 20, Sigismundus Rex. Michajło pisarz.

Сообщено В. Антоновичемъ.

30.

Грамота Сигизмунда-Августа шляхтичу Новгородскаго воеводства, Данилу Стецкевичу, на владѣніе пустошью, называемою Вельцы, подъ условіемъ служить военную службу. 1538 года, октября 12 дня.

Roku tysiąc siedmset czterdziestego szóstego, miesiąca nowembris dziesiątego dnia.

Na urzędzie grodzkim, w mieście jego królewskiey mości Żytomirzu, przede mną, Jozefem z Trypola Trypolskim, namiesnikiem protunc grodzkim y xięgami ninieyszemi, grodzkimi, Kijowskiemi, comparens personaliter urodzony jegomość, pan Franciszek Steckiewicz, tę kopią, z xiąg grodzkich nowogrodzkich wydaną, z wpisaniem w niey przywyleju od najaśnieyszego króla jego mości, Żygmunta Augusta, na dobra wieś Wełca, antecessorum jego mości podawającego konferowanego, una cum testimonio od szlachty y obywatelow województwa Nowogrodzkiego dane, ratione introcontentorom, dla zapisania do xiąg ninieyszych grodzkich per oblatam podał, de tenore tali: wypis z xiąg grodzkich woiewodztwa Nowogrodzkiego. Лита одъ нароженія сына Божого тысяча шестьсотъ чвартого, мисяця февраля перваго дня. На урадѣ кгродскомъ, въ замку его королевской мылости Новгородскимъ, передо мною, Крыштофомъ Керсновскимъ, подвоеводемъ Новгородскимъ, одъ ясне вельможного его мосци, пана Дымытрыя-Самуела Полюбинского, воеводы Новгородского, постановывшыся очевысто панъ Янъ

Стецкевичъ оповѣдалъ, покладалъ и до книгъ подалъ прывылей одъ паяснейшого короля, его мылости, Жыкгимунта Августа, продкомъ и домовству ихъ служащий па певный грунтъ, въ воеводствѣ Новгородскимъ лежащий, просечы насъ, абысь мо до кныгъ кгродскихъ, Новогородскихъ, прыняли и вписали, который прывылей естъ прынятъ, и слово до слова такъ се въ собе маетъ: »Жыкгимунтъ Августъ, Божою мылостю король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жмудскій, Мазовецкій, и иныхъ. Чинимъ знаменито симъ листомъ нашимъ: билъ намъ чоломъ, шляхтычъ нашъ воеводства Новогородскаго, Данило Стецкевичъ, и просилъ насъ, абысьмо ласку нашу господарьскую учинили, и дали ему землю нашу Пустовскую, а назваnoю Велцы, и человика, Филона на имя, зъ землею тоею, на которой онъ седѣлъ; мы теды на чолобытіе его тое чынили, далисьмо ему, Стецкевичу, самому, жонѣ, дѣтямъ и щадкомъ его, тую землю па вѣчные часы, зъ которой земли маетъ намъ службу военную служыты по тому, яко и другіе, панове шляхта, служатъ, и надались мо сей нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ въ Краковѣ подъ лито Божого нароженя тысяча пятьсотъ трыдцятъ осмого, мѣсяца октобрыя двнадцатого дня, индыкта пятого. У того листу, пры печати его королевъской мылосты, подписъ руки тыми слови: Zygismundus Rex, Мыхайло писаръ«. Который-то тотъ выписъ do xiąg grodzkich Nowogrodzkich iest wpisany y wypisem jego mości panu Janowi Steckiewiczowi, z podpisami rąk naszych, iest wydan. Pisan w Nowogrodku, dnia y roku wyż pisanego. U tey kopii korrekta w te słowa: skorygował Krukowski; podpis ręki pisarskiey takowy: Kazimierz Fronckiewicz, pisarz Nowogrodzki; testimonium zaś szlachty woiewodztwa Nowogrodzkiego tak się w sobie ma: my, niżey na podpisach rąk naszych wyrażeni, daiemy tę kopią panu Jozefowi Steckiewiczowi y drug dokument w woiewodztwo Kijowskie y upraszamy naszych wielcic mościwych panow y dobrodzieiow, aby była dana wiara, na to się y rękoma naszemi podpisujemy. Roku tysiąc siedmset dwudziestego trzeciego, oktobra (?): Иванъ Малюшицкій, Stefan Wełeczecki, Jan Steckiewicz, Antoni Steckiewicz, który to przywyley, za podaniem y prozbą wyż mianowanego jego mosci podawaiącego, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo do xiąg ninieyszych iest ingrossowany.

Книга Кіевская гродская, 1746 года, листъ 940, нояб. № 56.

31.

Грамота Сигизмунда I, подтверждающая дарственную запись Анны Гриньковой, ея зятю, Черкасскому боярину Ивану Жубрику, на села, лежащія въ Кіевскомъ повѣтѣ: Бѣхловцевъ, Остапковцевъ, Лисуновцевъ и Новоставковъ; на пасѣки, лежащія надъ рѣками: Быстрикомъ, Растовицею, Гуйвою и Гуевкою, и на села, лежащія въ Черкасскомъ повѣтѣ: Михліево, Орловецъ и Линчинцы. Король разрѣшаетъ Жубрику владѣть упомянутыми селами, подъ условіемъ, что онъ будетъ служить изъ нихъ военную службу. 1539, іюля 3.

Przed nami, deputaty sądu głównego trybunału lubelskiego, na rok terazniejszy, 1602, ze wszystkich województw korony Polskiej obranemi i wysadzonemi, gdy przytoczyła się sprawa, za pozwem między urodzonym panem Fedorem Roznoszyńskim i małżonką jego, jej mość panią Krystyną Zubrykówną, powodową, a wielmożnymi ich mościami: xięciem Joachimem Koreckim, woiewodzicem Wołyńskim i panią Anną Chodkiewiczowną, pozwaną stroną, a to o niewrócenie przez pozwanych powodom pewnych spraw, listu, zapisu Hryńkowej Anny Znoki (sic), na zapisanie pewnych sieliszcz panu Iwanowi Zubrikowi i żonie jego Bohdanie, drugiego listu króla jego mości Zygmunta, na potwierdzenie tegoż zapisu danego, trzeciego listu króla jego mości Zygmunta Augusta potwierdzenie tego zapisu Hryńkowej Zubrykowi danego, i kontrowersii oboch w tej sprawie obudwu stron, sąd niniejszy główny trybunalski, gdy te prawa, przywileje pozwanym nakazał do aktykowania w xięgi oddać, wtedy, stoiący u sądu niniejszego, pozwani oddali sprawy te do ksiąg, ktore sąd ninieszy główny trybunalski dla wpisowania do ksiąg przyjmując, przed sobą czytać kazał i gdy były czytane, list króla Zygmunta tak się w sobie ma: »Zygmunt, Bożą miłością król Polski, wielki xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Mazowieckie i innych. Bił nam czołem bojarzyn Czerkaski, Iwan Zubryk, i powiedział przed nami, iż teszcza jego, Hryńkowa Anna, stawszy przed wojewodą Kijowskim, hetmanem naszym dwornym, dzierżawcą Owruckim, panem Andrejem Jakubowiczem Niemirowiczem, z dozwoleniem jego mości, zapisała jemu, zięciowi swemu, i dziewce swej, żonie jego Bohdanie, i ich dzieciom i potomkom połowice sieliszcz swoich, w powiecie Kijowskim, na imie: Biechłowców, a Ostapkowców, Lisunowców, Nowostawków, tak też i pasiek ich, do tych sieliszcz przynależących, w Czeremosznej, w Radostawie

nad Bystrykiem, w Ostapkowie i we wszelakich pasiekach, tak nad rzeką Rastawicą, jako i nad Hujwą i Hujewką, i piątą część swoje, od bliskich jej przyszłą, ku temu też ta teszcza jego zapisała jemu i żenie jego, córce swej, i ich potomkom sieliszcza swoje otczyzne, w powiecie Czerkaskim, na imie Mchliewo, Orłowiec, i Linczyńce ze wszystkim, iako się one sieliszcza z dawna w sobie mają, na co i list swój zapisny, pod pieczęcią pana wojewody Kijowskiego, że mu dała, który on przed nami pokładał, i bił nam czołem, abyśmy mu dali nasz list i to jemu naszym listem potwierdzili na wieczność, o czem że i pan wojewoda Kijowski, za nim uprzejmie żądający, do nas pisał; a tak my, listu jej zapisnego opatrzywszy, i z łaski naszej na żądanie pana wojewody Kijowskiego i na czoło-bicie jego tośmy uczynili, połowice tych sieliszcz w Kijowskim powiecie: Bichłowiców i Ostapkowców, Lesunowców, Nowostawków i te też sieliszczą w Czerkaskim powiecie: Mchlijewo, Orłowiec, i Linczyńce, potwierdzamy tym naszym listem samemu Iwanowi Zubrykowi, i jego żonie, i dzieciom, i potomkom ich na wieczne czasy, mają oni te sieliszcza, i s pasiekami wyż mianowanemi, na siebie dzierżyć i używać we wszystkim, jako się w sobie . . . . zapisnego, tej Hryńkowej, a służbę ziemską s tego nam mają służyć; i na to daliśmy ten nasz list, do którego i pieczęć naszą przyłożyć kazali. Pisan w Krakowie, pod lato Bożego narodzenia 1539, m-ca julii 3-go, indykta 12. U tego listu pieczęć j-o królewskiej m-ci, a podpis ręki w te słowa: Michajło, pisarz. Który list sąd niniejszy do ksiąg głównych trybunalskich województwa Kijowskiego zapisać kazał i jest zapisan, i ten wypis jest wydany. Pisan w Lublinie, Antoni Rożen de Rożno, Judex trib. pallat. Crac. Sawicki Albrycht, starosta Mielnicki, dep. w-wa Podlaskiego, Jerzy Horski-Drucky, deput. w-a Kijowskiego, Jan Podoski, starosta Rozański i Malijowski, deput. w. Mazowieckiego, Iwan Łozka, pisarz ziemski Kijowski; corrigował Hersowicz.

Сообщено В. Антоновичемъ.

32.

Грамота Сигизмунда-Августа, подтверждающая приговоръ третейскаго суда о разграниченіи имѣній князя Василія Ковельскаго и князя Андрея Михайловича Сангушковича-Коширскаго, состоявшійся въ 1539 году и подтвержденный уже въ то время Сигизмундомъ I. 1553, октября 26.

Лѣта Божого нароженія 1569, генваря двадцать шостого дня.

Пришедши на врядъ замковый, передмене, Павла Григоровича Оранского, на тотъ часъ будучого подстаростего володимерского, служебникъ князя Льва его милости Александровича Сангушка Коширскаго, Олехно Пораднич Защитовский, показалъ листъ его кролевское милости, Жикгимонта Августа, пана нашого милостивого, потвержоный, которымъ его королевская милость рачилъ потвердити старосте Луцкому, князю Андрею Михайловичу Сангушковича-Коширскому, деду князя Льва Коширскаго, листъ также потвержоный короля его милости, славное памети, Жикгимонта, пана отца своего, которымъ первей того, его кролевская милость, славное памети Жикгимонтъ, листъ комисарский князя Александра Збаражскаго, а маршалка его королевское милости, пана Петра Загоровского, а пана Федора Гулевича, и пана Петра Калусовского, ижъ они з руки его и князя Василя Михайловича Ковелского судями, на рокъ зложоный, на кгрунтъ земеный, промежку именей ихъ, выездили и границы певные и вечистые вчинили, рачилъ потвердити, яко ширей и достаточней на листе потвержономъ его королевское милости, пана нашого милостивого, описано есть. И просилъ мене Олехно Породнич Защитовскій именемъ князя Льва Коширского, пана своего, абы тотъ листъ его королевское милости, потвержоный, въ книги замковые вписанъ былъ; я того листу его кролевскее милости огледавше и достаточне его вычитавши, слово отъ слова въ книги замковые уписати казалъ, который такъ ся въ собе маетъ: »Жикгимонтъ Августъ, Божю милостью король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, и иныхъ. Билъ намъ чоломъ староста Луцкій, князь Андрей Михайловичъ Санкгушковича и покладалъ переднами листъ короля его милости, славное памети, пана отца нашого, которымъ его кролевская милость рачилъ ему потвердити листъ комисарский князя Александровъ Збаражского, а маршалка нашого, пана Петра Загоровского, а Федора Гулевича и Петра Калусовского, ижъ они, зъ руки его и князя Василя Михайловича Ковелского, судями на рокъ зложоный выездили и границы певные и вечистые межи именей ихъ вчинили, якожъ на томъ месте судовомъ весь поступъ справы ихъ широкими словы есть описаный, который есть слово въ слово, въ томъ потверженю короля его милости пана отца нашого, описанъ, и такъ ся онъ въ собе маетъ: Приказанемъ господаря короля его милости, мы, судьи, зъ руки князя Василя Ковелского, я, Александро Федоровичъ Збаражский, а Петръ

Богдановичъ Загоровский, ключникъ, и городничай, и мостовничий Луцкий, а зъ руки князя Андрея Михайловича Коширского Федоръ Гулевичъ, а Петръ Колусовскій, смотрели есмо того дела, штожъяко князь Василей Ковелский такъ и князь Андрей Коширскій, будучи въ Кракове пригосподари его милости, еднане межи себе принели передъ маршалкомъ волынское земли, старостою владимерскимъ, княземъ Федоромъ Андреевичомъ Сангушковича, а передъ подскарбъимъ земенимъ, маршалкомъ и писаромъ господаря короля его милости, старостою Слонимскимъ, имети Боговскимъ, державцею Дорсунискимъ и Зелвенскимъ, паномъ Иваномъ Горностаемъ, а старостою Мстиславскимъ, маршалкомъ господарскимъ, княземъ Василемъ Андреевичемъ Полубенскимъ, а подскарбимъ дворнымъ, державцею веленскимъ, паномъ Иваномъ Андреевичомъ, ижъ они на томъ застали, и листы еднаные межи себѣ подавали, и рокъ подъ страченемъ права приняли, на земли выехати промежку именей ихъ князя Василева—именя Хотешова, а князя Андреева—именя Речицы, а въ другомь местцы, промежку другихъ именей ихъ князя Василевыхъ—именей Секуня, Гридковичъ, Шушковъ, Городища, Шайна, а князя Андреева—именя Мѣзова,—ино мы на тотъ зложоный рокъ на первый выехали, межи именей ихъ Хотешова и Речицы, пытали есмо въ князя Василя списку, на вголъ разрезаного, котораго самъ оповедилъ въ Краковѣ, ижъ мелъ на тотъ рокъ положити, которая половица того списка въ князя Андрея Коширского, подъ печатю и съ подписю руки пана Ивана Горностая, подскарбего земского; ино князь Василей на тотъ рокъ поведилъ, ижъ того списка въ себе не маю, и передъ нами его не положилъ, а князь Андрей половицу того списка на вголъ разрѣзаного, с печатю и с подписью руки пана Ивана Горностая, положилъ, и тежъ, ведле листовъ едпаныхъ, записныхъ, поставилъ осмънадцать сведковъ з великого князьства Литовского, с которыхъ же тыхъ осмнадцать сведковъ мелъ князь Василей Ковелский обрати шесть человѣковъ, а куды тые шесть человѣковъ, пресегнувши, мели завести, туды, яко князь Ковельский, такъ князь Коширский, по тымъ врочищамъ тыежъ границы мели держати на вечные часы; ино князь Ковелский тыхъ шести сведокъ не обралъ и ку присязе ихъ не велъ, а призволилъ на то куды тые осмнадцать светковъ заведутъ без присяги,—потоля хочу держати на вечные часы, якожъ тые сведки повели, ведле того списка старого, на вголъ разрѣзаного, по тымъ врочищамъ, по старымъ границямъ,—на первей, поченши отъ Солина бо-

лота и къ Вадичу мосту, а отъ Вадича мостка черезъ поля и къ дубу и лесу Росоши до Косны Луки, а отъ Косны Луки въ лесъ, который надъ озеромъ Серчемъ, а отъ того угла леса черезъ озеро Серче, куды есмо пали побили, а отъ того озера Серча идетъ болото Осовское по половини того болота Осовского, а тымъ болотомъ Осовскимъ у волесъ и Олсомъ до речки Гамы,—туды есмо грани зарубили, а тою речкою Гамою въ болото Радовское, а отъ болота Радовского и граници Лядское Ратенское мы, по тымъ вышемененымъ врочищамъ, куды тые осмънадцать сведковъ завели, грани зарубали и копци закопали, и вже князь Василей Ковелский и люди его Хотешовские черезъ тые грани и врочища в сторону князя Коширского не маютъ ни чимъ ся вступовати,—ни поль, а ни сеножатей, ни бчолъ, а ни дерева бортного не маютъ мети, а ни рыбы ловити, и ни которыхъ вжитковъ не маютъ мети. А князь Андрей Коширский и люде его Речицкие, черезъ тые граны и врочища в сторону князя Ковелского такъ же не маютъ ни чимъ ся вступовати,—ни поль, ни сеножатей, а дерева бортного не маютъ мети, а ни рыбъ ловити,—маютъ ихъ милость по тымъ врочишамъ и гранямъ твердо а неотменно держати на вечные часы под тыми заруками, которые въ листахъ ихъ еднаныхъ естъ описаны, на штожъ они сами зволили и приняли, а потомъ есмо приехали на тые земли, межи именей ихъ князя Ковелского—именей Секуня, Гридковичъ, Шушковъ, Городища, Шайна, и промежку имени князя Коширского—Мѣзова, ино о тые земли въ листахъ еднаныхъ такъ есть описано, ижъ мелъ князь Ковелский выбрати зъ имени князя Андреева, зъ Мезова, шесть человековъ, а куды тые люди дванадцать чоловековъ, згодившися, мели завести, потомъ они на обее стороны мели держати на вичные часы, а если бы межи тыми людми мела быти розница, тогды князь Ковелский мелъ выбрати зъ имени князя Федора Андреевича, маршалка волынское земли, староста владимирского, зъ Сереховичъ, трехъ чоловиковъ, а князь Коширский также мелъ выбрати трехъ чоловековъ съ тогожъ села, зъ Сереховичъ, а тая вже шесть человековъ куды заведутъ и на томъ присягнутъ, то они, яко князь Ковелский, такъ и князь Андрей Коширский, маютъ то они, держати на вечные часы, ино ихъ люди дванадцать чоловековъ промежку себе се згодили; а такъ мы, яко князь Ковелский, такъ и князь Коширский, водле еднаныхъ листовъ своихъ, выбрали зъ села князя, старосты его милости володимерского, зъ Сереховичъ, шесть человѣковъ, тыя шесть човѣ-

ковъ на первей повели насъ, почении отъ старого копца Кия черезъ болото и черезъ Хилковы нивы на Волнушковое болото, по половини того болота, мимо лесокъ Волнушкий и къ Сторожове горѣ, мимо села князя Ковелского, Гридковичи, на болото, на Оранъ, и чрезъ Олесецъ, а отъ толь черезъ поле, просто до дороги, которая идетъ отъ Шайна до Городища, а тою дорогою поехавши, а отъ тое дороги до Сосны, просто до Петы, которая Сосна надъ дорогою, што отъ Шайна идетъ къ Гридковичомъ, въ которой Сосни грани, и къ которымъ гранямъ князь Василей, и князь Андрей, обадва сами сезнали, штожъ еще за отца, князя Януша, тые они грани, межи Шайна и Мезова, съ княземъ Андреемъ зарубали, и поведили намъ тые сведки, куды есмо вели, то есть по праву земля князя Андрея Коширского Мезовская, а по леву князя Ковелского, тыхъ имеией его: Секунская и Шушковская, Городищъская, Шаенская, и на томъ местцу князь Ковелский тыхъ шести человековъ, Сереховицкихъ, которыхъ они сами обрали—князя Андреевыхъ третъ сведковъ: старца Вантюха, а брата его Федора и Степана, а своихъ трехъ сведковъ тежъ: Сенка Дешковича, а Сидора, а Юска ку присязе ихъ повелъ, якожъ тые шесть светковъ на томъ присягнули куды есмо вели, то есть по праву земля князя Коширского, Мезовская, а по леву князя Ковелского, тыхъ имеией его вышъпоименеиыхъ. А такъ мы, ведлугъ заведеня и присяги ихъ, по тымъ вышемененымъ врочищамъ грани зарубали и копцы закопали,—то оны мають держати и по тымъ гранямъ на вечные часы, и вже князь Василей Ковелский и люде его не маютъ черезъ тые грани, межи всихъ тыхъ имеией, которые суть вышей описаны, въ землю князя Коширского ни чимъ ся вступовати, ни поль тамъ пахати, ни сеножатей, ни дерева бортного и жадныхъ вжитковъ не маютъ мети, а князь Коширский и люде его также въ сторону князя Ковелского, черезъ тые грани, ни чимъ ся вступовати не маютъ, ни поль, ни сеножатей, а дерева бортного, и жадныхъ вжитковъ не маютъ мети, то они маютъ по тымъ гранямъ твердо а не отменно держати на вечные часы; а еслибы хто зъ нихъ мелъ чимъ съ того выступиты, або хотелъ знадене наше и тые границы по тымъ врочищамъ зрушать, тотъ маетъ заплатити господару королю его милости тисячу копъ грошей, а стороне другую сто копъ, а заплативши тые заруки предся маютъ то они по тымъ гранямъ, водле листовъ своихъ едианыхъ, Краковскихъ, и водле знайденя нашего, держати на вечные часы. А што ся доты-

четъ земли, межи именей ихъ и князя Ковелского, именей Ковля и Клевецка, а князя Коширского—именя Городелца, ино князь Ковелский, еще будучи въ Кракове, тую землю князю Коширскому поступилъ, и в листе своемъ едналномъ описалъ по тымъ гранямъ, куды князь Петръ Головня и панъ Олехно Козинский князю Андрею отъехали; ино и теперъ князь Ковелский тую землю князю Коширскому переднами поступилъ по тымъ границамъ, куды тые вышемененые суды грани зарубали и копци закопали,—а такъ мы суди зъ стороны князя Коширского посылали тамъ пана Гаврила Зброховича Воютинского, а вижовъ Луцкихъ, з уряду даныхъ, земянъ господарскихъ Гуляницкихъ Ивана и Сенка Гармошевича, а мы суди князя Ковелского посылали на свое местце Федора, дворенина господарського, который былъ писаремъ у князя Костентина, небожчика, а боярина его милости, пана Ивана Горностаева, подскарбего земского, пана Савицкого, и казали есмо имъ тыхъ граней и копцовъ поправити,—они тамъ ездили и потымъ гранямъ, першимъ, грани зарубали и копци закопали и намъ то отказали, и вже они, яко князь Ковельский, такъ и князь Коширский, и люди ихъ, черезъ тыи грани не маютъ ни чимъ ся вступовати, ни поль, ни сеножатей, а ни дерева бортного, и жадныхъ вжитковъ не маютъ мети, того ихъ милости маютъ по тымъ границамъ, водле листовъ своихъ еднаныхъ, и водле знайденя нашого, твердо а не отменно держати на вечные часы под тыми заруками, которые суть въ листехъ ихъ, едналныхъ, описаны, якожъ они сами на все на то и заруки призволили и приняли, ижъ маютъ по тымъ врочищамъ и гранямъ твердо а неотменно держати на вечные часы. И на то дали есмо князю Андрею Михайловичу Коширскому, маршалку господаря короля его милости, сей нашъ листъ судовый з нашими печатми. Писанъ у Городелци, подъ леты Божего нароженя тисеча пятсотъ тридцать девятого року, месяца декабря двадцать девятого дня, индикта второгонадцать. Прото, кгды жъ оные комисары на рокъ зложоный выездили и на оныхъ земляхъ, ведле змовы и листовъ ихъ записаныхъ, в томъ ся справовали, и конецъ тому вчинили, мы огледавши того листа короля его милости, славное памети пана отца нашого, которымъ его кролевская милость рачилъ тотъ судъ умоцнити, и бачити в томъ речь слушную, на чоломъбите князя Андрея Коширского то вчинили. И на то дали ему сей нашъ листъ, нехай онъ тотъ весь кгрунгъ ему отъеханый и присужоный спокойне на себе держитъ, и того вживаетъ по тымъ

границамъ, которые в листе комисарскомъ меновите суть описаны, ведле первого листу короля его милости; на штожъ дали есмо князю Андрею сей нашъ листъ з нашею печатю. Писанъ у Кнышине, подъ лето Божого нароженя тисеча пятсотъ петдесятъ третій, месеца октебра двадцать шостого дня. Иванъ Горностай, воевода Новогородский, маршалокъ дворный, подскарбий земский.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная 1569 года, № 919, стр, 25 на об.

33.

Грамота Сигизмунда I бурмистру и мѣщанамъ Черкасскимъ о томъ, чтобы они не безпокоили боярина Ивана Жубрика и принадлежащихъ ему имѣній, такъ какъ онъ владѣетъ ими законно, въ чемъ удостовѣрилъ короля разсматривавшій права Жубрика Кіевскій воевода Немировичъ. 1541, іюня 28.

Zygmunt etc. woytowi, mieszczanom i wszystkiemu pospólstwu miasta, naszego Czerkaskiego. Żałował nam boiaryn Czerkasky, Iwan Żubryk, o tem, iż woiewoda Kijowski, Hetman nasz dworny, dzierżawca Swisłocki i Owrucki . . . . Niemierowicz patrzył te ziemie, sieliszcza i uchodów pasieki, które on, według przodków swych, a insze zakupnem swoim trzyma; o czem wytoczyła się na niego żałoba, gdzież pan wojewoda Kijowski, tego między wami dopatrzywszy, znalazł jego być w tem prawego, i te sieliszcza, uchody i pasieki jemu przysądził i list swój sądowy na to jemu dał, który że on przed nami pokładał, a wy przedsię w to się wstępujecie, s tego iego wyciskacie, i krzywdy wielkie tam jemu działacie, i wszelakie pożytki stąd na siebie macie, a jemu w tem szkoda nie mała od was dzieje się; przeto, gdyż przed takowym wojewodą Kijowskim było temu prawo i sprawa ta jemu jest przysądzoną, przykazujemy wam, pod zaręką naszą stema kopami groszy, iżebyście w te sieliszcza, i uchody, i pasieki, i wszelakie pożytki jego, wedle sądu i listu sądowego pana wojewody Kijowskiego, ni w co się nie wstępowali, i s tego jego nie wyciskali, i żadnych krzywd tak jemu nie czynili, i daliście mu w tem pokój koniecznie; aby to inaczej nie było, żeby on nam o to więcej nie skarżył. Pisan w Wilnie, pod lato Bożego narodzenia 1541, m-ca junii 28, indykta 14.

Сообщено В. Антоновичемъ.

34.

Грамота Сигизмунда I, овруцкому державцъ Криштофу Кмитичу, предписывающая ему возвратить поле, отнятое имъ у овруцкаго земянина Андрея Котяка. 1544, апръля 8.

Roku tysiąc siedmset dwudziestego czwartego, miesiąca decembra dwudziestego dnia.

Na urzędzie grodzkim, w mieście jego krolewskiey mości Owruczu, przedemną, Ianem Walewskim-Lewkowskim, namiesnikiem na ten czas podwoiewodztwa grodzkim generału wojewodztwa Kijowskiego, y xięgami ninieyszemi, grodskiemi, Kijowskiemi, comparens personaliter urodzony jego mość pan Bazyli Rapsztyński, Skarbnik Derbski, — praevia manifestatione ten list od najaśnieyszego krola, Zygmunta trzeciego, sztylem ruskim pisany, do niegdy zeszłego Krzysztofa Kmicica, protunc starosty Owruckiego, zbutwiały et vetustate temporis przy końcach poszarpany y podklejony, quam primum zginiony ad manus devenit offerentis, ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg ninieyszych per oblatam podał y temi iest, z ruskiego na polski wyłożony, inserowany słowy: »Zygmont, Bożą miłością krol polski, wielki xiąże Litewski, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Żmudzki y innych; dzierżawcy Owruckiemu, panu Krzysztofowi Kmityczu. Temi czasy żałował nam ziemianin Owrucki, Andrzey Kotiak, z synem swoim Iwanem, o tym, szto dei ktore dworzyszcze Kolesnikowskie tam, w Owruczym, jemu dali, na coż on y list, danine nasze, y też list uwiązszczy u siebie ma, iedno ty de tego dworzyszcza, niwy, ku swojemu gumnu własnemu w niego poodymowałeś mocno, gwałtem, y teraz ich ustąpić nie chcesz, a w tym dei im od ciebie krzywda y szkoda wielka dzieje się; przeto, ieśli będzie im tak, iako oni nam żałowali, będą te niwy y dworzyszcza ich y teraz przy nich, przykazuiem tobie, ażebyś tych niw za siebe iemu postąpił, y przeto w one się nie wtrącał; koniecznie aby to inaczey nie było, aby nam on w tym więcey nie żalił. Pisan w Warszawie, lata Bożego narodzenia tysiąc pięcset czterdziestego czwartego, miesiąca aprila osmego dnia, indicta wtorego«. U tego listu, przy pieczęci przyciśnioney, podpis ręki w te słowa: Ławryn Naruchowski. Locus sigilli. Ktory że to list, per oblatam podany, za podaniem y prozbą wyszmianowanego jego mości podawającego, a za moim, urzędowym przyięciem, słowo w słowo do xiąg ninieyszych iest ingrossowany.

Книга Кіевская, гродская, 1724 года, № 38, листъ 163.

35.

Грамота Сигизмунда I, овруцкому старостѣ Криштофу Кмитичу, предпысывающая ему не отнимать земель у земянъ Гриневичей-Яцковскихъ, выслуженныхъ предками ихъ у князя Александра (Олелька) Владимiровича. 1544, iюня 10.

Roku tysiąc siedmset trrydziestego trzeciego, miesiąca aprilis osimnastego dnia.

Na urzędzie grodzkim, w mieście jego krolewskiey mości Żytomirżu, przedemną, Janem Walewskim—Lewkowskim, namiesnikiem podwoiewodztwa grodzkiego generału woiewodztwa Kijowskiego, y xięgami ninieyszemi grodzkiemi, Kijowskiemi comparens personaliter urodzony jego mość pan Heronim Hryniewicz-Jackowski, kopią listu upominalnego od nayiaśnieyszego króla jego mości, Zygmunta, w sprawie antecessorom offerentis do wielmożnego niegdy Krzysztofa Niemirycza, starosty Owruckiego, z podpisem ręki jego królewskiey mości pisanego, ratione introcontentorum, dla wpisania do xiąg ninieyszych per oblatam podał, de tenore tali: »Zygmunt pierwszy, Bożą miłością król Polski et cetera. Oznaymuiemy tym naszym listem wszystkim w obec y każdemu z osobna, komu o tym wiedzieć będzie należało: bili nam czołom ziemianie ziemie Kijowskiey: Paweł, Jozyf, Ihnat Wasilewiczowie, Prokop, Ławryn Haponowiczowie, Anton, Illa, Miszko Trochimowiczowie, Hryniewiczowie-Jackowscy, sami od siebie y imieniem braci swoich Hryniewiczow-Jackowskich, zanosząc żałobę swoią na jego mości pana Krysztofa Niemirycza, sprawcę naszego Owruckiego, co dey krzywdy wielkie czyni, pola, sianożęci, lasy y młyny własne, dziedziczne, ich mościom panom Hryniewiczom-Jackowskim należące, od xiążąt ich mościow nadane, odbiera, y do miasta naszego Owrucza przywłaszcza, ktorzy, wiernie, a prawie krwawie rzeczypospolitey usługuiąc, to sobie u antecessorów naszych wysłużyli; bijąc nam czołem, pokładali przed nami list, na pargaminie złotemi literami pisany, od xiążęcia Alexandra Włodymirowicza Jacku Hryniewiczu, na ziemie Piętkowskie y bartną, dany, tudzież drugi list xiążęcia Jerzego Alexandrowicza, woiewody Litewskiego, temuż Jacku Hryniewiczu y Semenu Jackiewiczu na też ziemie Piętkowską y bartną, na wieczne czasy onym samym y potomkom ich potwierdzony, y prosili nas, abyśmy pisali list upominalny do jego mości pana Krzysztofa Niemirycza, żeby krzywdy nie czynił, na ktore ich czołembicie, napisawszy list,

przykazuiemy, żeby dey wasza mość, panie Krzystofe Niemiryczu, żadney a żadney przeszkody ich mościom panom Hryniewiczom-Jackowskim, iako w ich własnym dziedzictwie, nie czynił; y na to daliśmy ten nasz list ich mościom panom Hryniewiczom, pod pieczęcią naszą y podpisem ręki króla jego mości. Datum w Krakowie, roku tysiąc pięcset czterdziestego czwartego, miesiąca juni dnia dziesiątego, indykta siedmdziesiątego piątego. U tego listu podpis ręki jego królewskiey mości w te słowa: Sigismundus Rex. Ktory że to list, za podaniem y prożbą wyżmianowaney osoby podawaiącey, a za moim urzędowym przyięciem, wszystek, z początku aż do końca, słowo w słowo, jak się w sobie ma, do xiąg niniéyszych iest wpisany.

Книга Кіевская гродская 1733 года, № 45; листъ 850.

Примѣчаніе.— Какъ изъ предъидущаго акта, такъ и изъ другихъ актовъ, относящихся къ тому времени (см. Арх. Ю. З. Россіи, часть IV, т. I, № VIII и IX), явствуетъ, что въ актѣ этомъ, вслѣдствіе позднѣйшей описки, старостою Овруцкимъ наименованъ Крыштофъ Немиричъ, вмѣсто Криштофа Кмитича, дѣйствительно занимавшаго этотъ постъ въ 1544 году.

Упоминаемый въ текстѣ Юрій Александровичъ названъ также по ошибкѣ воеводою Литовскимъ, вмѣсто »воевода *Кіевскій*«. Литовскаго воеводства не существовало, да и выдавать подтвердительныя грамоты на право землевладѣнія въ Овруцкомъ повѣтѣ могъ только Кіевскій воевода, такъ какъ къ его воеводству принадлежалъ этотъ повѣтъ. Дѣло идетъ вѣроятно о князѣ Юрьѣ Александровичѣ Гольшанскомъ, занимавшемъ Кіевское воеводство съ 1508 по 1511.

36.

Грамота Сигизмунда Августа, приказывающая дворянамъ: князю Матвѣю Четвертинскому, Василію Янковичу, Федору и Гаврилу Бокевичамъ и Ивану Гутору, явиться въ качествѣ третейскихъ судей въ означенный судебный срокъ для разбирательства тяжбы между Ковельскимъ старостою Богданомъ Семашкомъ и княземъ Федоромъ Острожецкимъ, о правѣ владѣнія урочищемъ Прогорѣлицею. 1548 года, апрѣля 27.

Жикгимонтъ Августъ, Божою милостію король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомонтскій, Мазовецкій и иныхъ.

Дворанипу пашому, князю Матвею Василевичу Четвертенскому, а державце Красносельскому и Галичанскому, Василю Енковичу, а дворапамъ нашимъ: Федору а Гаврилу Бокевичомъ, а Ивану Гутору Рогачовскому. Присылалъ до насъ староста Ковельскій, королевое ее милости, и напвышшое великое княгини Боны, пани матки нашое, панъ Богдачъ Михайловичъ Семашко, жалуючи па князя Федора Петровича Острожецкаго о томъ, пжъ которое имепье, на имя Быстриці, онъ купилъ у бояръ: кнегини Илиной, у Ждана Промченковича, а Остафія Янича, пжь онъ тому имепю его, зъ имепя своего Березное, кривды и шкоды великое починилъ и островъ его власный, Быстрыцкій, которого зовутъ Прогорѣлицою, уступуетъ, и по колко разъ людей своихъ моцно и кгвалтомъ усылаетъ, и бчолы деретъ, и деревья бортного колко сотъ порубати и попалити казалъ, и еще самъ, зъ канцлеромъ нашое комисеп, взялъ, за которую ему рокъ положилъ отъ середы, уступивши въ постъ третей педели, за двападцать педѣль, который рокъ припаднетъ по семой суботе въ середу, хотячи зъ нимъ о тотъ островъ Прогорѣлицу право мѣти, и мѣпуючи быти его своимъ, и опъ, хотячи зъ нимъ того року вживаты и право мѣти, взялъ в насъ зъ руки своей судями васъ; прото приказуемъ вамъ, абисте на тотъ рокъ зъ руки его судями были, и восполокъ и зъ судями его згодивши, тамъ выехали и о томъ островъ и о шкоды, въ немъ поделаные, межи пими досмотрѣли, и справедловость па конецъ вчинили, подле обычая, права и статуту земского. И мы до князя Федора листъ нашъ писаты казали, абы онъ самъ и зъ судями своими на тотъ рокъ, который самъ зложилъ, тамъ выѣхалъ, и втомъ ся зъ нимъ разправилъ и у права былъ послушонъ во всімъ. Естли жъ бы вы, судьи, который зъ васъ, за некоторыми справами своими, на тотъ рокъ тамъ быти не могли, тогды онъ можетъ на вашо местце кого иншихъ судей взяти, которые будутъ мѣти моцъ тые речи межи нихъ за тою комисеіею пашою справовати и кончити подле обычая, права и статуту земского, такъ яко и вы сами, отъ насъ взятые. Писанъ у Вилни, подъ лѣто Божого пароженія 1548 г., месяца Априлпа 27 день, индикта 6. (М. П.) Валеріанъ.

Сообщено В. Антоновичемъ.

37.

Приказъ Кіевскаго воеводы, князя Фридриха Глебовича Пронского, земянамъ Служкѣ и Стужанковичу о томъ, чтобы они не удерживали слѣдуемой съ ихъ земель медовой дани въ пользу Овручской церкви Св. Василія Великаго, такъ какъ воевода убѣдился изъ надписи на древнемъ евангеліи, что право на эту дань дѣйствительно пожаловано церкви Св. Василія княземъ Василіемъ Владиміровичемъ. 1551 года, декабря 3 д.

Относительно медовой дани см. слѣдующіе акты, значащіеся подъ литерами b *и* c.

а) Року тисеча шестьсотъ деветдесятъ семого, месеца октоврия двадцать второго дня.

На уряде кгродскомъ, въ замку его королевское милости Овруцкомъ, передо мною, Даниелемъ Левъковскимъ, наместникомъ, на тотъ часъ подстароства и реентомъ кгродскимъ Овъруцкимъ и книгами нинешънными кгродскими Овруцкими, comparens personaliter przewielebny w Bogu jego mość ociec Semion Komar, protopopa Owrucki, ten extrakt authentyce z xiąg jaśnie wielmożnego jego mości pana Frydrycha Hlebowicza Pronskiego, wojewody Kijowskiego, dzierżawcy Czarnobylskiego, z upisaniem w niem daniny, alias funduszu, od kniazia jego mości Wasila Włodymerowicza na cerkiew swiętego Bazylego Wielkiego murowaną Owrucką wydany, dla zapisania do xiąg ninieyszych, grodzkich, Owruckich, ratione introcontentorum per oblatam podał, prosząc mnie, urzędu, aby ten extrakt do xiąg ninieyszych wpisany był, a tak ja, urząd, pomieniony extrakt ad acticandum przymuiąc, czytałem y tak się w sobie, ruskim pismem napisany, ma: Выписъ съ книгъ Фридриха Глебъковича Пронского, воеводы Киевьского, державъцы Чорнобильского. Лѣта Божого Нароженя тисеча петсотъ петдесятъ первого, месе́ца декабъря третего дня, индикта десятого а при томъ и на томъ праве былъ его милость панъ Богъданъ Семашъко, маршалокъ господарский. Жаловалъ мнѣ богомолецъ господарский Григорей, священникъ Светого Великого Василия, мурованого, протопопа зъ Овручого, на земянъ господарскихъ: пана Ждана Служку и Стужинковича и иншихъ, ижъ дей мнѣ и на церковъ Божию Светого Василия, мурованого, дани повинное не даютъ и да-

вать не хочуть не ведати для чого зъ селъ и зъ острововъ наданыхъ приходячого меду пресного, и доводилъ того вписомъ евангелиемъ святымъ отъ славное памети небожъчика Володимера наданное и одъ иншихъ такъже вписане на тую церъковъ; я видечи въ томъ евангелий уписы розные, на разныхъ месцахъ наданые и написаные, казалемъ слово одъ слова съ того евангелия выписать для лепъшое вѣры, которое тыми словы естъ написано: »мы Василей Володымеровичъ, князь, придали есмо на церковъ Светого Великого Василъя мурованого, въ мѣсте Овручу, подъ селомъ Имухоедовскимъ, островъ Тростеницу, обрубный, и зъ оного идетъ десятъ ведеръ меду, и даватъ маютъ у Полохачове зъ земли Петниское чотыри ведръ меду, а у Вербковичахъ—ведро меду, у Гажине—ведро меду, у Павъловичахъ—польведра меду, у Вуглохъ—ведъро меду, съ тыхъ селъ уси маютъ давати не задержуваючи настоятелемъ тое церкви на Покърову Святую въ осень не задерживаючи отдавать ему маютъ и иншимъ настоятелемъ, и заграблевать за тую дань волно а конечне оддавать маютъ, и іншихъ доводовъ естъ не мало тамъ написано; я теды, выслухавъши и видечи доводы слушъные, старые, изъ тыхъ селъ дань повинна естъ оддавать и я теды симъ моимъ листомъ напоминаю и росказую вамъ всѣмъ, написаннымъ въ томъ евангелию, абы тому богомолцу, на тую церковъ, тые дани сполняли и отдавали, ижъ естъ речъ повинная, абы мне о то на васъ болшъ не докучалъ, а где бы давать не хотѣли—грабить васъ кажемо конечне«. Писанъ у Вилни; у того екъстракту, при печати притисненой, подписъ руки его милости, пана писара, тыми словы: Янъ Дрочевъский писаръ. А такъ тотъ екъстрактъ за поданемъ и прозбою вышъмянованое особы подаваючое, а за моимъ урядовымъ принятемъ, до книгъ нинешънихъ естъ увесъ уписаный.

Книга гродская Овруцкая, записовая и поточная, 1697—1699 года, № 3219; листъ 60 на оборотъ.

Примѣчаніе.—Изъ этого акта узнаемъ о существованіи у князя Владиміра Ольгердовича еще одного сына Василія Владимірова (см. примѣчаніе къ акту № 6). Къ удѣлу Василія принадлежалъ г. Овручъ, что даетъ основаніе думать, что удѣлъ Василія былъ въ Полѣсьи.

b), Року тисеча шестьсотъ деветдесятъ семого, мисяца окътоврыя двадцат второго дня.

На уряде кгродском, в замку его королевское милости Овъруцкомъ, передомною Даныелемъ Левъковъскимъ, наместником на тот часъ подстароства и реентомъ кгродским, Овъруцкимъ, и книгами нынешъными кгродскими, Овъруцкими, comparens personaliter, przewielebny w Bogu jegomość ociec Semion Komar protopopa Owrucki, ten zapis assecurationis, od urodzonego jego mości pana Michała Jelca, chorążyca Kijowskiego z podpisem ręki tegoż jego mości, także z podpisami rąk ich mościów panów przyiaciół in rem et personam przewielebnego w Bogu jego mości ojca Semiona Komara, protopopy Owruckiego, ratione intracontentorum dany y służący, dla zapisania do xiąg ninieyszych, grodzkich, Owruckich per oblatam podał, prosząc mnie, urzędu, aby do xiąg nienieyszych przyięty y wpisany był, a tak ja, urząd, ex munere officii mei, pomieniony zapis assecurationis ad acticandum przymuiąc, czytałem y temi iest ingrossowany słowy: »Ja, niżey podpisany, znam tym moim scriptem assecurationis wszem wobec y każdemu z osobna, komu o tym wiedzieć należy, teraz y na potym zawżdy, iż, maiąc akcią ze mną wielebny ociec Semion Komar, praesbiter cerkwi murowaney swiętego Bazylego, instituowaną o niezpłacenie dotąd bez lat cztery z dobr moich Pawłowicz po dwa belcy miodu bez lat cztyry y teraznieyszy rok, dawnemi prawami antecessorów moich dowiedzionych, które prawo approbando, do rozsądzenia nie przypuszczaiąc prawem pospolitem, temuż jego mości y następcom teyże Bożey cerkwi nie tylko te ośm belcy miodu za lat cztyry, ale y co rok napotym idących po sobie, oddawać z successorami memi po dwa belcy miodu, na terminie naświętszey panny Pokrowy święta ruskiego, za naypierwszą rekwisitya tegoż hospodyna mianowaney cerkwie Bożey; oraz hospodyn mianowany, przy odebraniu tych belcy ośmiu nie tylko od daty tey karty, (że wyraznie sprzeciwiać się nie mam y moie successorowie nie będą mieli onych oddaniu), ale y z wszelkiego zaszłego processu kwitować ma, na co, dla tym lepszey wagi y pewności z uproszonemi przyiacioły podpisuie; działo się w Owruczym, sub securitate judiciorum castrensium Kijowiensium millesimo sexcentesimo octuagesimo octavo anno, miesiąca augusta dwudziestego piątego dnia. A in casu contraventionis forum we wszelakim sądzie naznaczam. У того запысу ассекурацыонисъ подпысп рукъ тыми словы: Michał Jelec; Charążyc Kijowski; † przy krzyżyku własną ręką urodzonego jego mości pana Macieja Ciechanowskiego, użytego w tey sprawie

przyiaciela, iako pisać nie umieiącego, swym y iego mości mianowanego własną ręką moią podpisuie: Stanisław Michał Żurakowski manu propria. А такъ тотъ запис ассекурационис, за поданем и прозбою вышъмянованое особы подаваючое, а за моимъ урядовымъ прынятем, до книг нинешнихъ ест увес уписаный.

Книга Овручская 1551 года, № 3219; листъ 63 на оборотѣ.

---

c) Року тисеча шестъсотъ деведесятъ семого, месяца октовриія двадцатъ второго дня.

На уряде кгродскомъ, в замку его королевъское милости Овъруцкомъ, передо мною Данылемъ Левъковъским, наместником на тотъ часъ подстароства и реентом кгродским, Овъруцъкимъ и книгами нынешъними, кгродскими, Овъруцъскими, comparens personaliter przewielebny w Bogu iego mość ociec Semion Komar, protopopa Owrucki, ten extrakt z xiąg grodzkich Owruckich authentyce wydany, z upisaniem w niem posessiey w ostrow, nazwany Trostianiec, cerkwi świętego Bazylego wielkiego murowaney, dla zapisania do xiąg niniєyszych, grodzkich, Owruckich per oblatam podał, którego extraktu ruskim pismem text takowy iest: выпись с книгъ кгродскихъ замку Овъруцкаго. Лѣта Божого нароженя тысеча шестъсотъ двадцат второго, месяца февъраля трыдцатого дня. На вряде его королевъское милости кгродскомъ, замку Овъруцкомъ, передо мною Мартиномъ Сермескимъ, подстаростым Овъруцкимъ, ставши очевисто возный енерал воеводства Киевъского, шляхетный Патей Лосинский, ку записаню до книгъ нынешних сознал реляцию свою тыми словы: »Я Патей Лосинский, возный енерал воеводства Киевъского, Волынского и Браславъского, чыню явъно и сознаваю на той моей реляцией посесый ку запысаню до кныгъ пынешъних замку Овъруцского, иж року теперешнего, тисеча шестсот двадцат второго, месяца февъраля двадцат осмого дня, маючы я, возный, при собе сторону людей добрыхъ, двохъ шляхтычовъ, пана Семена Крииского а пана Федора Мошенского, з которою стороною шляхтою, при мне будучою, ездилем за декретом суду земского, Киевъского, з роковъ земскихъ Киевъскихъ, светотроіцкихъ, въ року нинешнимъ, тысеча шестъсотъ двадцат втором, месяца генваря пятогонадцатого дня в Кыеве отправо-

ваных, межи отцем Никифоромъ Лавъровичем, священникомъ Василевъскам церкви Овъруцкое, а вельможьнымъ его милостю, паном Александром Служъкою, старостою Речыцкимъ, выданымъ, съ прысуженем острова церковъного, званого Тростеницы, черезъ трикратное вздане позваного, пана Служъку, о забране дани з менованого острова Тростеницы меду в декрети положоного, а черезъ подданные Мухоедовские тримапого, з наказанем таксы за неодданемъ меду дани слушъне належачое, копъ двесте грошей литовских, а за вины першого и второго нестаного—шест копъ грошей литовъских, яко о том тот декрет шыре в собе описус, подлугъ которого декрету земского, Киевъского, до села Мухоедова приехалы, там же заставъши урядника его милости пана Служъчиного, Мухоедовъского, пана Андрея Пахоту, и мужей пры нем Мухоедовъскихъ, отъдавши ему тот декрет суду земского, Киевъского в руки для прочитаня и выразуменя, реквировать, если вы таксу, в декрете положоную, за неоданем дани медовое, такъже и за вины першого и второго нестаного, копъ шести грошей литовъскихъ платите, а за тим островъ церковъный, менованый Тростеницу, в Обрубе будучый, декретом суду земского, Киевъского прысужоный, церкви Божой светому Василю мурованому уступуете; такъже его настоятелеви теперешънему, вышей писаному, до посессией вечыстого ужываня, ведле прав першых, подаете? Который то пан Андрей Пахота, урядникъ тамошъный, з мужами и подданными Мухоедовъскими, таксы наказанное и вин правъных платит не хотели, толко мне возному и стороне шляхъте, при мне па тот час будучой, поведили: же мы острова Тростеницы не боронили, и маем расказане одъ самого его мылости, пана Александра Служъкы, старосты Речицкого, абысмо тому священнику не боронили и овъшемъ до посессые и держаня его уступуемъ; якожъ я, возный, заховуючи ся во всемъ ведлугъ вряду своего возновъского, ехавъши там до того острова Тростеницы, яко самъ в собе в положеню, в границах широкости уходит и в обрубе своемъ мает, моцю уряду моего тот островъ церквы Божое святого Василя—Тростеницу, зо всими на все, яко се самъ в собе маетъ, такъ заходамы, полми ореными и не ореными, старыми и поворозроблеными чертежами, дубровами, зарослями, реками, болотами, потоками, з деревом бортным и не бортным, зо бчолами оселыми, в бортяхъ будучими, и зо въсими их вшелякими велыкими и малыми пожитками, яко тот островъ Тростенецкий з давъных часовъ в собе ся мелъ и тепер мает,

ин генере пожитками, вышъ-реченому священнику, отцу Никифору Лавъровичу Васылевъскому, попу Овъруцкому, и по нимъ его пастоятелемъ церкви Божой светого Васыля, подалъ, завелъ и у вечыстую посесию его вечъными часы интромиссировал; якожъ зараз тот островъ Тростеницу до моцы, владзы, держаня и спокойного вечистого уживаня своего взявъ и оным дыспоноват почал, которое интромиссие мнѣ возному и шляхте, при мне на тот час будучой, и тому священыку нихто не боронилъ, а на се з жаднымъ правомъ нихто не приповедалъ, ани при книгахъ не отъзывалъ, и на том далъ тую мою реляцию, с печатю и с подписом руки моее власное, ку записаню до книг врядовыхъ. Которое очевистое сознане возного до книг нынешънихъ ест принято и записано, съ которого и сей выпис с книгъ под печатю врядовою ест выданъ. Пысанъ у в Овручомъ, корикговалъ Думынский; у того екъстракъту, при печати притиснено, подпис руки его милости, пана писара, тыми словы: Григорий Добошинский, пысаръ. А такъ тотъ екъстрактъ, за поданем и прозбою вышъмяноване особы подаваючое, а за моим урядовым принятемъ, до книгъ нинешьних з почятку ажъ до конъца ест увес уписаный.

Книга Овручская 1551 года, № 3219; листъ 62.

38.

Грамота Сигизмунда-Августа, мѣщанамъ Кіевскимъ, на право исключительной торговли горячими напитками, подъ условіемъ платы въ казну ежегодной пошлины—»капщизны« по 800 копъ грошей. 1558 года, мая 5.

Подтвержденіе той же грамоты королемъ Стефаномъ 1576, ноября 22.

Стефанъ, Божою мылостію король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Жимойскій, Киевскій, Волинскій, Подляскій, Инфляндскій, панъ и княжа Семигродское.

Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всѣмъ в обецъ и кождому зособна, кому того вѣдати належитъ, иж оказывали передъ нами мещане места нашего, Киевского, листъ—аренду, наяснѣйшого Жикги-

монта-Августа короля, продка нашого, на наргамини писанній, съ подписомъ властное руки его и печатю великого князства Литовского, которымъ листомъ своимъ всѣ корчми места Киевского поступити, дати и арендовати имъ рачилъ, за певную суму пенязей: осмъ сотъ копъ грошей Литовскихъ, которую суму пенязей в кождій годъ на две рати до скарбу королевского отдавати повинни, яко то все ширей и достаточней на томъ листе аренды продка нашего естъ описано, которій слово отъ слова такъ се в собе маетъ: »Жикгмонтъ-Августъ, Божією милостію король Полскій и великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомойтскій, Мазовецкій и инпихъ. Ознаймуемъ симъ нашимъ листомъ: приездили тихъ часовъ до насъ войтъ, бурмистри и радци места нашого Киевского, сами отъ себе и ото всехъ мещанъ тамошнихъ о томъ, штож надани и впривилеевани имъ суть отъ продковъ нашихъ, славное памяти королей и великихъ князей ихъ милости, и отъ насъ, господара, вси корчми у месте Киевскомъ ку пожитку ихъ месцкому, чого они за таковими волностями отъ немалого часу вживали; нижли ня мы, перво сего, тіе вси корчми в месте Киевскомъ, з моци и владности ихъ випемши, дали и поступили были в справу воеводе Киевскому, подкоморому нашему, державци Кормяловскому, пану Григорю Александровичу Ходкевичу; ино до насъ, господара, утеклися и листы, привиля наши господарскіе, передъ нами оказивали, бючи намъ чоломъ, абысмо таковое шкоди и втисненя месту тамошнему и имъ, подданнимъ нашимъ, не чинили и зася то ку пожитку ихъ местцкому имъ привернули, обовязуючи се давати намъ за то до скарбу нашого суму пенязей—осмъ сотъ копъ грошей кождого году, которихто листовъ ихъ, передъ нами черезъ нихъ на то покладанихъ, огледити велели есмо воеводе Виленскому, маршалку земскому, канцлеру великого князства Литовского, старосте Берестецкому, державци Борисовскому и Ишавленскому, пану Миколаю Радивилу; ино в томъ листе описапо, що мещаномъ корчми держати, а капъщизну давати на замекъ нашъ и, ачъколвекъ за тіе корчми вишіе никоторіе подданніе наши большую суму пенязей намъ подвишали и дванадцятъ сотъ копъ грошей на годъ до скарбу нашого давати хотели, нижли ми, чинячи в томъ ласку нашу имъ, яко людямъ украйнимъ, и не хотячи надапіе листи и привиля наши господарскіе, черезъ нихъ передъ нами покладаниіе, уближеня нѣкоторого в пожиткахъ ихъ местцкихъ имъ чинити, на тое суме пенязей, на осми сотъ ко-

пахъ грошей, всѣ корчми места Киевского имъ есмо поступили и дали; и вжо въ семъ году нинешномъ, пятьдесятъ осмомъ, на невній часъ, тоесть на день святого Семіона, месяца сентября первого дня, маетъ панъ воевода Киевскій тіе вси корчми Киевскіе мещаномъ пустити и имъ черезъ то к рокамъ своимъ не держати, а они, веемши тіе корчми на себе, будуть повинни отдати половицу тоей суми поменепное, тоесть чотириста копъ грошей отъ того часу и року, отъ дня святого Семеона, за полгода на громницю, то есть на Стретеніе Господне, а другую, четириста копъ грошей, у годъ на той же день святого Семеона, которій будетъ в году пришломъ, пятдесятъ девятомъ, и также кождого году на две рати тіе пинези, осмъ сотъ копъ грошей, и на тіе роки за к пцину корчмъ Киевъскихъ отдавати они до скарбу нашого повинни будуть; а панъ воевода Киевскій теперешній и потомъ будучіи воеводове в тіе корчми ничимся вступовати и переказы нѣкоторое дѣлати имъ не маютъ; такъ тежъ панове воеводы и ротместрове нани и тежъ десятники и товарищи ротъ ихъ и митрополія, бискупи, архимандричьи—люди сами, ани на пановъ своихъ, и всякій, перемишкиваючій въ месте и монастиру Киевскомъ, корчомъ ку пожитку своему установляти, яко в месте за замкомъ, такъ и в замку, у кляшторе и в монастирехъ жадного шинку на продажу держати не маютъ кромъ ихъ, мещанъ Киевскихъ, або кому они позволятъ; а хто бы хотелъ черезъ сей заказъ и уставу нашу корчми на себе встановляти и шинкъ ку пожитку своему мети, тогди они з дворянином нашимъ который отъ насъ, господаря, будетъ на томъ приданъ, тіи корчми забирати маютъ, в чомъ панъ воевода нинешній и потомъ будучіе воеводове маютъ помочъ имъ чинити и половицу трунковъ и судовъ забранихъ корчомнихъ маютъ на замокъ брати, а другую при нихъ зоставляти, а в томъ нихто не маетъ имъ спротивлятися под закладомъ нашимъ—стома рублями грошей на кождого таковаго, хто бы в томъ противность оказалъ; а естли бы ротмистрове и десятники ротъ ихъ, о таковій заказъ и вставу нашу господарскую не дбаючи, хотели собе шинкъ установляти якимижъ колвекъ трунками, и тимъ бы в пожиткахъ нашихъ шкода намъ се дѣела, тогди то все, штобыхмо на томъ шкодовали, маетъ таковому витрочоно бити с пенезей, которіе би за службу ихъ з скарбу нашого дани имъ бити мели; одножъ ротмистрамъ волно будетъ в замку для себе трунокъ держати, а збудовати имъ броваръ свой подле тогожъ местцкого бровара и яко меди

ситити, такъ и пива варити в томъ броваре и в котле своемъ, а в местцкій броваръ, которій мещане в моци и владности своей держати будутъ, ничимъ не мають уступоватися, а мимо тіе бровари местцкихъ и ротмистровскихъ, которіе сподле побудовани будутъ, не маеть нихто инших броваровъ мети и ихъ установляти, а тежъ медовъ и пивъ у нихъ варити для того, аби никоторіе шинки нигде, окромъ местких корчомъ, не били установливани за пенези; и на то дали есмо имъ сей нашъ листъ, до которого печать нашу приложити казали. Писанъ в Вилнѣ, лѣта Божого пароженя тисяча пятсотъ пятьдесятъ осмого, мисяця мая пятого дня Жикгмонтъ-Августъ король подписалъ. Остафей маршалокъ, писаръ«. И били намъ челомъ предречоніе мещане места нашего Киевского, абихъмо тотъ листъ на аренду корчомъ Киевскихъ, имъ от продка нашего данній, потвердили и умоцнили и на то имъ нашъ листъ дати велели; а такъ, прихиляючися потверженю, всемъ вобецъ на коронаціи нашой учиненному, а прозбе ихъ ласкаве ся прихиливши, звлаща если то были и сутъ в ужиманю и слушне то вишло, а не естъ противно праву посполитому, з ласки нашой господарское, тотъ листъ, аренду, имъ отъ продка нашего на корчми Киевскіе даный, а в томъ листе нашомъ описани, и вси речи, артикули и обовязки, в немъ описанніе, потвержами и умоцнями тимъ листомъ нашимъ, такъ, нижъ впродречоніе мещане места нашего Киевского, водле листу аренди продка нашего, вси корчми в месте нашомъ Киевскомъ на себе держати мають, а с тихъ корчомъ, водле тогожъ листу и аренди више описанное, за капщизну на каждій годъ по семи сотъ копъ грошей Литовскихъ на рати, в томъ листе аренди продка нашего описаніе, до скарбу нашого платити и отдавати будуть повинни; а воевода Киевскій теперешній и на потомъ будучіе воеводове в тіе корчми ничимъ ся вступовати и перекази никоторіе делати имъ не мають, такъ тежъ воеводове, ротмистрове наши, и ихъ десятники, и товарищи, и митрополи, и бискупи, и архимандричи люди, самъ, ани на пановъ своихъ, корчомъ ку пожитку своему установляти и яко въ месте, такъ и въ замку, в кляшторе и в монасырехъ жадного шинку на продажу держати не мають кромъ ихъ, мещанъ Киевскихъ, албо кому они позволять; а хто бы хотелъ над тое право ихъ и постановенье продка нашего корчми на себе установляти и пинкъ ку пожитку своему мети, тогди они в томъ заховатисе и поступовати маютъ противъ всимъ таковимъ водле листу

продка нашого вписанного, въ чемъ воевода Киевскій теперешній и на потомъ будучіе воеводове мають имъ помочь чинити, такъ яко бы ся в томъ шкода скарбу нашему деяла; а на сведецтво того всего, више писанного, тотъ листъ рукою нашею властною подписалисьми и печать нашу коронную до него привѣсити росказали есмо. Данъ в Торуню, на сейме валномъ коронномъ, дня двадцятъ второго мисяца ноября, року по нароженія Сына Божія тысяча пятъсотъ семдесятъ шестого, а королевания нашего року перваго. У подленного привилею подпись руки таковой: Стефанъ Король.

Іоакимъ Висецкій писаръ.

Книга Кіевской городской думы, № 3503, годъ 1542—1608; стр. 42.

39.

Жалованная грамота Сигизмунда Августа, Федору Каменецкому, на урочища въ Хмѣльницкомъ повѣтѣ: Петровую Луку и Морозовку и на домъ въ мѣстечкѣ Хмѣльникѣ. Король освобождаетъ пожалованныя имѣнія отъ всѣхъ податей и повинностей въ теченіи 20 лѣтъ, подъ условіемъ, чтобы новый владѣлецъ заселилъ ихъ въ продолженіи этого времени. 1558, іюля 1.

Feria sexta in crastino festi sacratissimi Corporis Christi Domini, anno millesimo septingentesimo decimo quarto,

Въ пятницу послѣ праздника тѣла Христова (30 мая), 1714 года.

Ad officium et acta praesentia, castrensia, capitanealia, latyczoviensia, personaliter veniens generosus Josephus Cherszewski, obtulit officio praesenti et ad acticandum porrexit privilegium, per serenissimum Sigismundum Augustum, regem Poloniae, super bona villarum deserta: Piotrowa Łaka, Morozowka et domum Łukianowski, in oppido Chmielnicensi consistentem, in rem et personam generosi Fedoryj Kamieniecki benigniter prolatum et sigillo cancellariae regni cera rubra in appenso communitum, cujus tenor sequens continetur taliter. In nomine Domini Amen. Ad perpetuam rei memoriam, Sigismundus Augustus, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, nec non terrarum: Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Lancoviae, Cujaviae, Russiae, Prussiae, Mazoviae, Culmensis, Elbingensis, Pomeraniae, Samogith aeque etc. dominus et haeres. Significamus tenore praesentium, quibus expedit, universis et singulis, praesentibus et futuris, harum notitiam habituris: quia cum magnificus Joannes de Mielecz, palatinus Podoliae, regni nostri marszalcus, ac Grodecensis Chmielnicensisque capitaneus, sincere nobis dilectus, singularem fidem studiumque nobilis Fedoryj Kamieniecki commendasset, quod in praestandis tolerandisque castri nostri Chmielnicensis servitiis declaravit et

Явившись лично передъ урядомъ и актами нынѣшними, гродскими, старостинскими, летичевскими, благородный Іосифъ Хершевскій, предъявилъ уряду и предложилъ внести въ актовыя книги грамоту, милостиво пожалованную свѣтлѣйшимъ королемъ польскимъ, Сигизмундомъ, благородному Федору Каменецкому на пустыя селища: Петровую Луку и Морозовку и на домъ, называемый Лукьяновскій, находящійся въ мѣстечкѣ Хмѣльникѣ, снабженную привѣшенною печатью королевской канцеляріи, оттиснутою на красномъ воскѣ. Содержаніе этой грамоты слѣдующее. Во имя Господа аминь. Дано для вѣчной сего дѣла памяти. Сигизмундъ Августъ, милостію Божіею король Польскій, великій князь Литовскій, а также государь и дѣдичъ земель: Краковской, Сандомирской, Сѣрадзкой, Ленчицкой (?), Куявской, Русской, Пруской, Мазовецкой, Хелминской, Эльблингской, Померанской, Жмудзкой и пр. Объявляемъ симъ всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, нынѣшнему и грядущимъ поколѣніямъ, всякому, кто о сей грамотѣ услышитъ. Такъ какъ сіятельный Іоаннъ изъ Мѣлеча, воевода подольскій, маршалокъ нашего королевства, староста гродецкій и хмѣльницкій, искренно на-

hucusque, juxta exigentiam necessitatis, declarare non negligit, petiissetque a nobis una cum certis consiliariis nostris, ut ipsius actionem habere, eundemque possessionibus alienibus augere dignaremur; nos, petitionibus ejusmodi adducti, tum etiam intelligentes ex re nostra et reipublicae, regni castrique nostri Chmielnicensis futurum, ut terrae illae, depredationi hostili opportunae et in locis pluribus desolatae, atque latissime (vastatae), habitatoribus incolantur; de certa scientia et speciali gratia nostra atque assensia consiliariorum nostrorum, nobiscum hic existentium, nobili praefato et ipsius legitimis successoribus, pro tempore futuris, bona nostra, loci habitatoribus vacui, alias pustynia, Piotrowa Łąka dictam, in fluvio Snivoth., circa ostium fluvii Berezniczka, incidentis in Snivotham et duo luta, Morozowki nuncupata, in districtu Chmelnicensi, preterea etiam domum Łukianowski, in oppido Chmielnicensi consistentem, cum omni jure, dominio et proprietate, fructibusque, proventibus et generaliter eventionibus utilitatibusque universis, ad haec ipsa bona spectantibus, quae nunc sunt, aut in futurum humana industria quomodolibet excogitabuntur et specialiter..... generalium in nullo deroget, damus perpetuo et irrevocabiliter donamus ea lege et conditio

ми уважаемый, одобрилъ передъ нами примѣрную вѣрность благороднаго Федора Каменецкаго, которую онъ оказалъ въ отправленіи службы въ замкѣ нашемъ Хмѣльницкомъ, и которую онъ безпрестанно заявляетъ, смотря по надобности, и понынѣ; и просилъ насъ, совмѣстно съ нѣкоторыми совѣтниками нашими, чтобы мы, обративъ вниманіе на его заслуги, пожаловали ему въ ленъ (?) имѣнія; мы, внимая просьбѣ ихъ, и усматривая изъ обстоятельствъ нашихъ и речи-посполитой на сколько полезно будетъ королевству и замку нашему Хмельницкому, если тѣ области, подверженныя непріятельскимъ грабежамъ, въ значительной части разоренныя, и на большомъ пространствѣ опустѣвшія, будутъ заселяться; вслѣдствіе такого убѣжденія нашего и по особенной нашей милости, а также по согласію совѣтниковъ нашихъ, здѣсь при насъ находящихся, даемъ въ вѣчное и ненарушимое владѣніе, въ полное господство и собственность, вышеупомянутому Федору Каменецкому и его будущимъ законнымъ наслѣдникамъ ненаселенныя имѣнія наши: пустырь, называемую Петровая Лука, при устьи рѣчки Березнички въ рѣку Спиводу, и два болота, называемыя Морозовки, лежащія въ Хмельниц-

ne, ut idem nobilis Fedoryj Kamieniecki et ipsius successores in bonis praedictis, villam, Piotrova Łuka nuncupandam, cmethonibus et aliis incolis quoad commodius poterit locare et habitabilem intra viginti annos, a data praesentium computandos, efficere teneatur. Per nobilem Fedoryj praedictum et ipsius successores legitimos villam praescriptam, postquam eandem locaverint, cum domo bonisque praefatis attinentiisque et pertinentiis universis, tenendam, habendam, usifruendam, pacificeque et quiete perpetuis temporibus possidendam, nec non dandam, donandam, aliena commutandam, ac in alios quosvis usus suos et suorum successorum beneplacitos convertendam, citra tamen diminutionem jurium, nobis et castro nostro Chmielnicensi debitorum. Et, ut eadem villa citius locari et coalescere hominum frequentia possit, tam nobili praedicto, quam et incolis, in eisdem bonis locandis, libertatem, ad decursum viginti annorum duraturam, ab omnibus datiis, contributionibus, oneribus et servitiis institutis jam et deinceps instituendis, impartimur; ita, ut ad tolerationem quorumvis onerum et dationum contributionumque, tam publice quam privatim institutarum instituendarumque, solutionem non prius sint astricti, quam viginti anni libertatis, litteris praesentibus

комъ повѣтѣ, кромѣ того домъ Лукъяновскій, находящійся въ мѣстечкѣ Хмѣльникѣ, со всѣми вообще доходами, приходами, плодами и произведеніями, какъ нынѣ получаемыми изъ этихъ имѣній, такъ и впредъ могущими получаться вслѣдствіе какого-бы то ни было человѣческаго труда или предпріимчивости.... Жалуемъ-же ему эти имѣнія подъ тѣмъ условіемъ, чтобы благородный Федоръ Каменецкій и его наслѣдники обязаны были заселить въ вышеупомянутыхъ имѣніяхъ село, называемое Петрова Лука, кметями или иными жителями, смотря по возможности, въ теченіе 20-ти лѣтъ со времени выдачи настоящей грамоты. Благородный Федоръ и его законные наслѣдники, заселивши вышеупомянутое село, будутъ въ правѣ оное, равно какъ всѣ другія, вышеупомянутыя, къ нему прилежащія и принадлежащія имѣнія, держать, имѣть, оными пользоваться и владѣть покойно и невозмутимо въ вѣчныя времена, а также дать ихъ, подарить, обмѣнять или обратить въ любое другое, по своему или наслѣдниковъ своихъ усмотрѣнію, употребленіе, не сопряженное однако съ нарушеніемъ правъ нашихъ или замка нашего Хмѣльницкаго. Для того-же, чтобы это село мо-

concessae, plenarie expiraverint; quibus tandem elapsis, ad jura, servitia, oneraque, more aliorum nobilium, in districtu Cmielnicensi bona haereditaria possidentium, toleranda, obligatos esse volumus horum testimonio litterarum, quibus sigillum nostrum est subappensum. Datum in Krasnislaw, feria sexta in vigilia visitationis beatae virginis Mariae proxima, anno Domini millesimo quingentesimo quinquagesimo octavo, regni nostri vigesimo nono, praesentibus reverendissimis in Christo patribus, dominis: Jacobo Uchański, Wladislaviensi, Joanne Przerembski, Chelmensi, nominatis episcopis, nec non magnificis, venerabilibus et generosis: Joanne Mielecz, palatino Podoliae, regni nostri marszalco, ac Grodecensi Chmielnicensique; Stanislao a Tharnov, castellano Zavichostensi, ac Siradiensi, Krzeczoviensi, Ostrzeschoviensique; Joanne de Oczyschino, regni nostri cancellario, Cracoviensi generali, ac Osviecimensi, Zatoriensi, Sandecensique—capitaneis; et succamerario Cracoviensi, Rafaele Vargawski; praeposito Philippo Pad-

гло скорѣе заселиться и усилить число своего народонаселенія, освобождаемъ на 20 лѣтъ впередъ какъ вышеупомянутаго владѣльца, такъ и жителей, которые въ ономъ селѣ водворятся, отъ всякихъ даней, податей, повинностей и службъ, какъ существующихъ уже, такъ и отъ тѣхъ, которыя будутъ учреждены въ теченіи этого времени; такимъ образомъ они обязаны будутъ отбывать какую-либо повинность или уплачивать дань или подать, какъ установленную такъ и могущую быть установленною, какъ вообще, такъ и въ частности, не прежде какъ по совершенномъ истеченіи 20-ти лѣтъ свободы, пожалованной имъ сею грамотою; по прошествіи-же сихъ льготныхъ годовъ, мы желаемъ, чтобы они обязаны были къ несенію обязанностей, службъ и повинностей, наравнѣ съ другими дворянами, которые владѣютъ имѣніями въ Хмѣльницкомъ повѣтѣ; въ подтвержденіе чего, мы къ сей грамотѣ печать нашу привѣсить повелѣли. Дана въ Красноставѣ, въ пятницу, на канунѣ праздника Посѣщенія Богородицы (1 Іюля), въ лѣто Господне 1558-е, царствованія-же нашего 29-е, въ присутствіи преподобныхъ отцевъ, господъ: Якова Уханскаго—Владиславскаго, Іоанна Пржерембскаго—Холмскаго, наре-

niewski, archidiacono ecclesiae cathedralis Cracoviensis; Stanislao Carncowski, gnesnensi canonico, ac curiae nostrae referendario, secretariis nostris; Nicolao Trzebuchowski, succamerario nostro, burgrabio arcis nostrae Cracoviensis, ac Brestensis, Leloviensis Rogosnensisque; Stanislao Mischcowski, incisore nostro, ac Marienburgensi—capitaneis et aliis quam plurimis dignitariis, officialibus et aulicis nostris. Datum per manus praefati magnifici Joannis de Oczyeschino, regni nostri cancellarii, Cracoviensis generalis, ac Oświeczimensis, Zatoriensis, Sandecensis, Olsztynensisque capitanei, succamerarii Cracoviensis, sincere nobis dilecti. Joannes Ocieski, manu propria, cancellarius regni. Magnifici Joannis de Oczieschino, regni Poloniae cancellarii, Cracoviensis generalis ac Oświeczimensis, Zathoriensis, Sandecensis, Olsztynensisque capitanei et succamerarii Cracoviensis locus sigilli, cera rubra in appenso insignati. Cancellariae regni. Thomas Pszonka. Post ingrossationem vero, idem gene-

ченныхъ епископовъ, а также сiятельныхъ, почитаемыхъ и благородныхъ: Iоанна изъ Мѣлеча, воеводы подольскаго, маршалка нашего королевства, гродецкаго и хмѣльницкаго старосты, Станислава изъ Тарнова, кастелляна Завихостскаго, Сирадскаго, Кршешовскаго и Остшешовскаго старосты; Iоанна изъ Очишина (Оцѣскаго), канцлера королевства нашего, краковскаго гродоваго, также освецимскаго, заторскако и сандецкаго старосты; подкоморiя краковскаго, Михаила Варгавскаго; при секретаряхъ нашихъ: Филиппѣ Падневскомъ, архидiаконѣ Краковскаго собора, и Станиславѣ Карнковскомъ, гнезненскомъ каноникѣ и рефендарiѣ нашего двора; также въ присутствiи: Николая Тржебуховскаго, подкоморiя нашего, бургграбiя замка нашего Краковскаго и старосты Брестенскаго, Леловскаго и Рогозненскаго; Станислава Мышковскаго, крайчего нашего и старосты марiенбурскаго и многихъ другихъ сановниковъ, урядниковъ и придворныхъ нашихъ. Выдана черезъ руки вышеупомянутаго сiятельнаго Iоанна изъ Оцѣшина, канцлера нашего королевства, краковскаго гродоваго, освецимскаго, заторскаго, сандецкаго и ольштинскаго старосты, подкоморiя краковскаго,

rosus offerens originale ad se recepit et de recepto officium praesens quietavit. Lectum cum originali.

искренно нами уважаемаго. Іоаннъ Оцѣскій, канцлеръ коронный, собственноручно. Мѣсто привѣшенной, оттиснутой на красномъ воскѣ, печати сіятельнаго Іоанна изъ Оцѣшина, канцлера польскаго королевства, краковскаго гродоваго, Осьвецимскаго, Заторскаго, Сандецкаго и Ольштинскаго старосты, подкоморія Краковскаго. Въ канцеляріи королевства. Ѳома Пшонка. Явивши въ акты сію привилегію, тотъ-же благородный предъявитель получилъ обратно подлинникъ оной, и, въ полученіи его, уряду нынѣшнему выдалъ квитанцію. Считано съ подлинникомъ.

Книга гродская, Летичевская, 1714-го года, № 5253; листъ 110 на оборотѣ.

40.

Грамота Сигизмунда-Августа, къ панамъ, урядникамъ, дворянамъ и магистратамъ земли Волынской, запрещающая имъ подчинять своему суду писарей, отправленныхъ для сбора королевскихъ пошлинъ мытникомъ великаго княжества литовскаго, евреемъ Менделемъ Изаковичемъ. 1560, ноября 28.

Лѣта Божого нароженія 1569 года, декабря 12 дня.

Пришедши на вряд его королевское милости, в замокъ Луцкий, перед мене, Петра Хомяка, подстаростого Луцкого, писаря коморы Луцкое, Давыдъ Марковичъ, покладалъ передомною на вряде листъ его королевское милости, просячи, абы былъ вычитанъ и въ книги кгродские записанъ, который листъ такъ ся въ собе маетъ: »Жикгимонтъ

Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Мазовецкий, Жомоитский, Ифлянский панъ и дедичъ, всимъ вобецъ и кождому з особна, такъ духовного, яко и светского стану и заволанья людемъ, велможнымъ, врожонымъ, шляхетнымъ княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, старостамъ, державцамъ, маршалкомъ, вдовамъ, врядникамъ земскимъ и дворнымъ, земянамъ и дворянамъ нашимъ, войтамъ, бурмистрамъ, радцамъ и инымъ всимъ станомъ и врядникомъ нашимъ господарьскимъ и тежъ князьскимъ, панскимъ и шляхетскимъ, въ панствахъ нашихъ корунныхъ, въ земли Волынской, верне намъ милымъ—ласку нашу королевскую. Верные, намъ милые! Далъ намъ того справу Менделъ Изаковичъ, жидъ, мытникъ нашъ великого князьства Литовского, ижъ вы писаровъ и справецъ, на коморахъ и прикоморкахъ, тамъ отъ него уставленыхъ на мыте нашомъ, не ведати для которое причины, не маючи до нихъ ничого надъ постановене наше, до суду своего, которому намней ни в чомъ не подлегли, притягаете и великие трудности имъ задаете, а не будучи вы имъ въ речахъ мытныхъ, яко нашихъ властныхъ, водлугъ росказаня нашого помочни, еще сами о шкоды въ мыте тымъ ихъ приправуете; а то дей (жадали) быхмо, абы вы того больше надъ ними вживати се не допустили, не мелъ бы на томъ скарбъ нашъ шкодовати мусилъ, якожъ дей и теперъ вжо, шкоду тую мы мети не хотячи, приказуемъ вамъ, ажъбы есте тыхъ то справецъ и писаровъ менъделевыхъ мытниныхъ до жадного суду своего передъ себе не притягали, кгдыжъ они не передъ кимъ иншимъ въ кождой речи, хто бы што до нихъ мелъ, справоватися не суть повинни, только передъ велможнымъ подскарбимъ нашимъ; и трудностей никоторыхъ имъ бы есте не задавали, а, заховываючи се ведле росказаня нашого, въ речахъ мытныхъ имъ помочными были и пожитковъ скарбу нашого постерегали, иначей того чинити не смеючи для ласки нашое кролевское конечно. Писанъ въ Кнышине; дня двадцать осмого мѣсяца ноября, лета Божого нароженя тисяча пятьсотъ шестьдесятого, панованя нашого четырьдесятого (sic). Подписъ руки пана канцлировы на властьное росказанье короля его милости«. А такъ я тотъ листъ его королевское милости слово отъ слова съ початку ажъ до конца до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга гродская, Луцкая, поточная, № 2043, стр. 571, на об.

41.

Грамота Сигизмунда-Августа, подтверждающая уступку имѣній, лежащихъ въ Кіевскомъ и Звенигородскомъ повѣтахъ, Анною Гриньковою, зятю ея Ивану Жубрику. 1562, мая 10.

Wypis z xiąg głównych trybunalskich wojewodswa Kijowskiego.

Przed nami, deputaty sądu głównego trybunału Lubelskiego, na rok terazniejszy, 1602, ze wszystkich województw Korony Polskiej obranymi i wysadzonymi, gdy toczyła się sprawa za pozwem między urodzonym panem Fedorem Roznoszyńskim i małżonką jego jejmością panią Krystyną Żubrykówną—powodową, a wielmożnymi ich mościami: Xiążęciem Joachimem Koreckim, wojewodzicem Wołyńskim a małżonką jego jejmością panią Anną Chodkiewiczówną, pozwaną stroną, a to o niewrócenie przez pozwanych powodom pewnych spraw listu i zapisu Hryńkowej Anny, Inoki (sic), na zapisanie pewnych sieliszcz panu Iwanowi Żubrykowi i żonie jego Bohdanie, drugiego listu króla jegomości Zygmunta na potwierdzenie tego zapisu danego, trzeciego listu króla jegomości Zygmunta Augusta potwierdzenia tego zapisu Hryńkowej Żubrykowi danego. I s kontrowersii obudwu w tej sprawie stron, sąd niniejszy, główny, trybunalski, gdy te prawa przywileje pozwanym nakazał do aktykowania w xięgi oddać, tedy, stojący u sądu niniejszego pozwani, oddali te sprawy do ksiąg, które sąd niniejszy, główny, trybunalski, dla wpisywania do ksiąg przyjmuiący, przed sobą czytać kazał, ktore były czytane; list króla Zygmunta Augusta tak się w sobie ma: Zygmunt August z Bożej łaski król Polski, wielkie xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, Zmudzkie, Mazowieckie, Inflanskie i innych. Oznajmujem tym listem naszym niniejszym i na potem będącym, komu będzie potrzeba tego wiedzieć. Bił nam czołem ziemianin nasz Czerkaski, Wasil Iwanowicz Żubryk i pokładał przed nami list babki swojej Hryńkowej Inoki (sic) Anny, w którym stoi opisano, iż ona z dozwoleniem wojewody Kijowskiego, pana Andrzeja Jakubowicza Niemirowicza, zapisała na wieczność i od wszystkich blizkich swoich zięciowi swemu i ojcu jego, Iwanowi Żubrykowi, a córce swej, żonie jego Bohdanie, i matce jego i ich dzieciom, na potem będącym, i s cząstką połowicą sieliszcz swych w powiecie Kijowskim: Buchławców, a Ostapkowców, a Lesunowców, a Nowostawków część swoje, ktora na nie od bliskich jej przyjść miała i te zapisała także wiecznie jemu i żonie jego dziewce swej, czastkę sieliszcza swego, ojczyznę w Zwinohorodczyznie, nazwane Michlijewo, Orłowice, Ilinczyńce i błota Rdeńskie s pasiekami,

z rzekami, z rzeczkami, z lasami, z łowy zwierzynnemi i ptaszynnemi i bobrowemi gony i ze wszystkim, jako się ta część jej sieliszcz w powiecie Kijowskim i w Zwinohorodczyznie same w sobie i w granicach swych mają, i bił nam czołem, abychmy na to jemu dali nasz list i te sieliszcza listem naszym potwierdzili jemu na wieczność, tedy my, tego zapisu babki jego oglądawszy, rozkazaliśmy słowo w słowo w ten nasz list wpisać, który się tak w sobie ma: Ja, Hryńkowa Inoka (sic) Anna, wyznawam sama na siebie tym listem moim każdemu dobremu, komu będzie potrzeba wiedzieć, albo czytający jego słyszeć, iż stanowszy ja etc. etc. Z łaski naszej hospodarskiej, na czołembicie jego, tośmy uczynili; na to jemu ten nasz list dajemy i te sieliszcza potwierdzamy jemu tym naszym listem, ma on sam, i żona jego, i dzieci, i potym będących szczadki te sieliszcza pomienione w powiecie Kijowskim i Zwinohorodczyznie, ze wszystkim, jako się w sobie mają, dzierżeć i używać wiecznie, podług zapisania onej Hryńkowej listu, a na twierdzą tego ię, i pieczęć naszą przyłożyćieśmy (kazali) k temu naszemu listowi. Pisan w Wilnie, lata Bożego narodzenia 1562, miesiąca maja 10 dnia. U tego listu podpis ręki własny J. K. M-ci temi słowy: Sigismundus Augustus Rex, i pieczęć zawiesista koronna, tak też podpis ręki pisarskiej temi słowy: Ostapi Wołowicz, marszałek dworny, podskarbi ziemski, pisarz koronny—ten list do ksiąg głównych trybunalskich województwa Kijowskiego zapisać kazali i jest zapisano, s których i ten wypis jest wydan. Pisan w Lublinie.

Сообщено В. Антоновичемъ.

42.

Грамота короля Сигизмунда, предписывающая старостѣ Черкасскому и Каневскому, князю Михайлу Вишневецкому, разобрать споръ, возникшій вслѣдствіе жалобы земянина Василія Ивановича Жубрика на Ждана Повитку. 1562, мая 11.

Zygmunt, Bożą miłością król Polski etc.

Staroście Czerkaskiemu i Kaniowskiemu, kniaziu Michałowi Wiszniewieckiemu. Przyjeżdżał do nas ziemianin nasz Czerkaski, Wasylij Iwanowicz Żubryk, żałujący o tem, że poddany nasz Czerkaski, Żdan Powitka, roku przeszłego, sześćdziesiąt wtórego, wstąpiwszy w post terazniejszy, przeszł

pierwszej niedzeli i s pomocnikami swemi mocno gwałtem na rzece jego Rdenie gony bobrowe pogonił, ku niemałej krzywdzie i szkodzie jego i bił nam czołem, abyśmy sprawiedliwość w temu jemu z nim czynić kazali; a tak przykazujemy tobie, iżbyś, temu poddanemu naszemu, Żdanowi, przed sobą stać kazawszy, sprawiedliwość o to jemu z nim uczynił i sprawa, w czem on przeciwko jemu winien zostanie, tedy jemu płacić i za to dosyć uczynić kazał i przez to gon bobrowych gonić i w te rzeki wstępować się nie ośmielił, żeby on w tem sobie nie szkodował i nam powtórną żałobą swą nagabania o to nie czynił. Pisan w Wilnie, lato Bożego narodzenia 1562, miesiąca maja 11.

(L. S.) Ostafey Wołowicz.

Сообщено В. Антоновичемъ.

43.

Грамота Сигизмунда-Августа, освобождающая мѣщанъ города Любеча отъ уплаты торговыхъ пошлинъ во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ. 1562, августа 5.

Року 1670, февраля 15-го дня.

Пришедши на врядъ королевское милости, въ замокъ Луцкій, до мене, Петра Хомека, подстаростего Луцкого, мещане господарские Любечские, найме — Гришко Гридковичъ, а Митко Мартиновичъ, покладали передомною на вряде копию зъ листу его королевское милости, подъ печатю его милости пана Павла Ивановича Сопиги, каштеляна Киевскаго, старосты Любечского, съ подписомъ властное руки господарское и тежъ съ подписомъ руки писаря его королевское милости, пана Остафъя Воловича, на волъность имъ даное, и просили сами отъ себе, именемъ товаришовъ своихъ, всихъ мещанъ Любечскихъ, абы была вычитана и въ книги кгродские вписана, которая копия такъ ся въ собе маетъ: »Жикгимонтъ Августъ, Божю милостю король Полский, а великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомонтъский, Мазовецкий, Инфлянский и иныхъ, княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, паниямъ, вдовамъ, бояромъ и дворяномъ нашимъ, войтомъ, бурмистромъ, радцамъ и всимъ врядникомъ и мытникомъ нашимъ господарскимъ и тежъ князьскимъ,

панскимъ и духовнымъ въ великомъ князьстве Литовскомъ, а особливе дворяномъ нашимъ господарскимъ, на выбране поборовъ уставленнымъ: кгды бояре и мещане замку нашого Любецкого, съ которыми колвекъ товары, набираючи занижъ живности на потребу свою, сухимъ путемъ або воденнымъ поедутъ, приказуемъ вамъ, ижъ бы есте отъ тыхъ товаровъ ихъ и живностей, што на свою потребу до места тамошнего Любечского попровадятъ, мыта звыклого и побору новоустановленного на мытахъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, панскихъ и духовныхъ не брали, и везде доброволне, нигде ничимъ не гамуючи, ихъ пропускали, конечно абы то инакъ не было. Писанъ у Вилни, лета Божого нароженя тисяча пятьсотъ шестьдесятъ второго, месеца августа пятого дня. Подписъ руки господарское и тежъ подписъ писара его королевское милости Остафя Воловича«. А такъ я, тую копию зъ листу господарского, слово отъ слова, с початку ажъ до конца, до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга Луцкая, гродская, поточная, 1570 года, № 2044-й, стр. 86 на оборотъ.

44.

Двѣ грамоты Сигизмунда-Августа, содержащія постановленіе о томъ, чтобы обвиненія евреевъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей подкрѣплялись непремѣнно показаніями свидѣтелей (въ томъ числѣ 3 евреевъ) и чтобы дѣла, возникающія по поводу сихъ обвиненій, судились самимъ королемъ въ присутствіи сейма. Первая грамота издана, по поводу обвиненія въ убіеніи христіянскаго ребенка въ городѣ Нарви мытниками королевскими, евреями: Давидомъ и Ицкомъ Бородавкою, 1564 августа 9. Вторая грамота издана по поводу обвиненія въ томъ же преступленіи еврея Нахима въ городѣ Росошѣ, 1566 мая 20.

Року 1567, февраля 24.

Приходилъ на врядъ замку господарского, Володимерского, до мене, Михайла Павловича, подстаростего Володимирского, дворенинъ господарскій, панъ Янъ Нилскій, зъ листомъ его королевское милости господарское, съ подписью руки и печатю его королевское милости, справы пана Матыса Савицкого, писара и секретара его королевское

милости, до всихъ князей и пановъ, воеводъ, кашталяновъ, старостъ, кнегинь, паней, вдовъ, державецъ и всихъ врадниковъ земскихъ, поветовыхъ, земяновъ и дворанъ его королевское милости, войтовъ, бурмистровъ и радецъ, въ местахъ и селахъ его милости господарскихъ, князскихъ, панскихъ, духовныхъ и светскихъ по всему панству его милости господарскомъ, великомъ князстве Литовскомъ, писанымъ листомъ его милости господарское, мнѣ оказывалъ и ку читаню давалъ; въ которомъ листе его кролевская милость рачилъ росказатъ, писатъ, ознаймуючи всимъ, што первей того у местехъ его милости господарскихъ: Нарви и Белску, была помова на жиды, которые отъ справецъ поборовъ и мытъ его королевское милости: Давида Шеперлевича а Изака Бородавки, жидовъ Берестецкихъ, которые на прикоморкахъ коморы подляшское мытъ и поборовъ скарбу его милости господарское престерегали, якобы мели тамъ детя хрестиянское зарезати, злосливый учинокъ надъ народомъ хрестиянскимъ пополняючи; ино, кгды ся тая речъ передъ его милость господаря была приточила, тогды зъ доводовъ светого писма, же крви хрестиянское жидове николи не потребуютъ, але причины звазненья на нихъ покладаны зъ стороны нѣкоторыхъ подданыхъ его милости господарскихъ, абы могли жидовъ зъ местъ выкорениты, и зъ иныхъ нѣкоторыхъ явныхъ выводовъ жидовскихъ, передъ его милостю господаремъ на онъ часъ оказаныхъ, вчинити рачилъ его королевская милость вырокомъ своимъ господарскимъ отъ того обвиненя волными; а, обезпечаючи ихъ, абы черезъ то неслушными помовами о резане детей и о сакраментѣ не было пренагабаня, дати рачилъ ку мешканю ихъ свободному, водле привилевъ предковъ своихъ господарскихъ, королей и великихъ князей ихъ милости, знову привилей свой господарский, вызволяючи въ таковой речи о резане детей и о сакраментѣ, еслибы где въ панствахъ его милости господарскихъ мела тая помова объявитися на нихъ, отъ всякого кгвалту, насильства, и моци судовное, отъ всихъ воеводъ, старостъ и державецъ, будучи то на власный судъ свой господарский, на которомъ привили якый доводъ на жиды въ таковомъ обвинени маетъ быты чиненъ, и иные артикулы достаточне сутъ описаны, который привелей мели они дати везде на врядехъ его милости господарскихъ, замковыхъ и местскихъ до книгъ вписати и выволати везде по торгахъ и селахъ, абы, о томъ ведаючи, не важился нихто съ такими помовами дила втекатися до его милости господаря и до врядовъ его

милости господарскихъ, хиба ижъбы явными доводы, въ привилю его милости господарскомъ описанеми, могъ коли хто на жиды довесты. Алежъ, ижъ собе того привиля его милости господарского нигде на врядехъ не вписали и обволати не дали, прото знову въ местечку Росошскомъ тивуна Виленского, пана Станислава Нарушевича, на слугу тогожъ Бродавки, справцы поборовъ и мытъ его милости господарскихъ, таковаяжъ помова о зарезане дитяти християнского вынурилася была, которое справы з росказане его милости господарского подканцлерий великаго князства Литовского, маршалокъ дворный, староста Берестецкий и Могилевский, панъ Остафей Воловичъ, будучи въ Берести, яко тотъ, въ которого старостве тая речъ помовилася, судовне смотрелъ, где очевисто отъ Росошского врядника и мещанъ пана тивуновыхъ, жалоба на жиды того учинку незбожного доходячи доводы, але голыми и отменными въ словехъ светками попирано, што все панъ подканцлерий на писме и устне его милости господару ознаймылъ, с которого господарь его милость достаточне выразумевши, же не мели правныхъ и слушныхъ, водле привилевъ жидовскихъ, доводовъ Росошане, вчинити рачилъ жидовъ отъ таковаго обвиненя волными, на што и вырокъ его милости господарское имъ естъ далъ, ижъ и первшого привиля его милости господарского, въ той речи имъ узыченого, нигде на врядехъ не оказали, и до книгъ не вписали и не выволано того по торгахъ, у ведомость всимъ посполите доносячи, зачимъ-бы не важился нихто голыми повестми кидатися на жиды, тогды ижъ ся то въ Росошу за недбалостю ихъ надъ ними показало, его королевская милость зъ ласки своей господарской, имъ, яко инымъ народомъ и иновѣрцамъ, въ панствахъ его милости господарскихъ волно перемешкиваючимъ, поживення слушного вживати, также и жидомъ, которые за привилеями предковъ его милости господарскихъ и самого господаря его милости, въ панствахъ его милости господарскихъ перемешкиваютъ, ведле звыклости своей господарской, не хотечи нарушать права ихъ, яко привилей на белскую помову такъ и вырокъ на Росошанъ обвинене, которымъ его королевская милость о зарезане детей зъ неслушныхъ сведецтвъ рачилъ ихъ дозволити волными вчинити, допущаючи имъ везде до книгъ замковыхъ, и земскихъ, и месткихъ, по всему панству его милости господарскомъ великомъ князстве Литовскомъ, такъ въ местехъ и замцехъ его милости господарскихъ, яко князскихъ и панскихъ, светскихъ и духовныхъ вписати и

обволати по торгамъ всимъ у ведомость людемъ всякого стану донести, якобы ся черезъ то позагамовали изъ такими непевными речми до его милости господаря и до врядовъ его милости господарскихъ втекаты, ажъбы таковое обвинене слушне, доводы такими, яко въ привиляхъ его милости господарскихъ суть описаны, передъ его милостю самымъ господаремъ, то естъ: трома жиды а чотырма християны, людми добрыми и оселыми, досветчено и оказано и явне переведено было; о чомъ ведаючи и ведле росказання его милости господарского заховываючися, книгъ врядовыхъ на вписане тихъ привилеевъ и листовъ его милости господарскихъ жидомъ не боронили, и обволати везде по торгамъ допущали тотъ артикулъ зъ статуту правъ земскихъ, абы таковые помовцы на бачности мели, ижъ хто на кого ведетъ, а не доведетъ, тымъ самымъ маетъ быти каранъ, а въ якихъ речахъ яко ширей на листе его королевское милости описано естъ, при которомъ же оказываню и даваню того листу господарского мне ку читаню, тотъ дворенинъ господарский подалъ мнѣ двѣ копѣи въ речи жидовской, подъ печатю своею, до уписаня до книгъ замковыхъ, поведаючи быть, одну копѣю съ привилею его милости господарского справы Белское, а другую копѣю зъ выроку его кролевское милости на Росошане, и тые копѣи на вряде читаны были, и при вряде зостали, которые такъ ся въ собе мають:

Жигимонтъ Августъ, Божою милостю король полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянский, и иныхъ, ознаймуемъ всимъ симъ нашимъ листомъ нинешнимъ и на потомъ будучимъ, ижъ били намъ чоломъ подданые наши, жидове великого князства Литовского, и жаловали передъ нами о томъ, што-жъ дей урядники наши ихъ, не ведлугъ правъ, которые мають наданые отъ предковъ нашихъ славное памяти и тежъ отъ пана отца нашого, судятъ и заховываютъ и, звазнившися на нихъ, приправують о горла и о маетности ихъ; о чомъ до насъ втеклися зъ великими жалобами своими, ижъ дей великие кривды и шкоды и мордерства терпятъ противъ правамъ своимъ, которые мають наданые, и просили насъ, абыхъмо ихъ осмотрели, абы-ся имъ такие кривды большей надъ право не деяли, и къ тому тежъ намъ били чоломъ, абыхъмо ихъ обваровали и взычили тогожъ права, которого есмо взычили братiи ихъ, жидомъ корунцымъ, а звлаща о тые два артикулы, што ся тычетъ о мордоване детей хрестиянскихъ и о сакраментѣ; и такъ ся намъ видели прозбы тыхъ

жидовъ великого князства Литовского быти слушные, поневажъ и мы невинни кождого зъ подданихъ нашихъ, якогожъ колвекъ рожаю въ покою а справедливости заховати, абы ся надъ право никому не дѣяло и тожъ видели есмо права, имъ наданые отъ предковъ нашихъ и отъ отца нашого славное намяти, и надто видели есмо нанежа хрестиянского сведецства, въ которомъ описуетъ, ижъ они тому невинни и того не потребуютъ, тогды есмо призволили на тое жедане ихъ и даемъ имъ на вечные часы тое, што ся стало теперъ въ Белску о мордоване детяти хрестиянского обвинене на никоторого жида; и где-бы южъ колвекъ въ князстве Литовскомъ который жидъ былъ обвиненъ о мордоване детей хрестиянскихъ, або о сакраментѣ, тогды приказуемы своимъ врядникамъ, нашимъ княземъ, паномъ, старостомъ войтомъ, бурмистромъ и всимъ инымъ, такъ духовнымъ, яко и светскимъ, абы жаденъ такого жида въ той мери не судилъ, але жебы былъ на поруку выданъ на два жида съ того-жъ места, або еслибы въ томъ месте жидовъ не было, тогды зъ другого места близкого до розсудку нашого и то нигде инде не маемъ судити, одно на валномъ сойме, где будемъ зъ зуполною радою нашою седети, а где-бы тотъ жидъ по себе такъ борзо поруки не далъ, тоды маетъ быти осажонъ до вязеня и то не до тяжкого, але на месце почтивое; а скоро бы по себе поруку далъ, тогды маетъ быти воленъ отъ везеня, а где бы тая речъ передъ насъ пришла, где мы будемо зуполною радою нашею на валномъ сойме седѣти, тогды маемъ тымъ правомъ судити, то есть, хто бы жида обвинилъ о замордоване детей, або о секраментъ, тогды маетъ на него доводыти чотырма хрестияне добре оселыми а не подозреными а трема жиды, також неподозреными, а где бы того не довелъ ведлугъ обвиненя таковыми светками, таковый маетъ быти каранъ горломъ и маетностью; а естли бы якые листы отъ насъ, або съ канцелярей нашое вышли, тому то привилееви противные, тогды мы, господарь, симъ нашимъ листомъ тые листы касуемо, и тые привиля въ целости зо всими артикулы зоставуемо, што маетъ вечне и непорушне трвати; а еслибъ который зъ врядниковъ нашихъ сему росказаню нашому противитися мелъ, тогды мы приказуемо, подъ ласкою нашою и подъ зарукою десяти тысячъма копами грошей, абы иначей того не чинили, а для лепшей сведомости печатъ нашу казали есмо завесити и руку есмо нашу подписали. Данъ у Парцеве, року Божого нароженя тысяча пятьсотъ шесдесятъ четвертого, месяца августа

девятого дня. Жигимонтъ Августъ король. Миколай Радивилъ, воевода Виленскій.

Жигимонтъ Августъ, Божою милостю король Полскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жомонтскій, Мазовецкій, Лифлянскій и иныхъ, ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ всимъ посполите, што тыхъ прошлыхъ часовъ дошла насъ жалоба отъ поданыхъ нашихъ, жидовъ Берестецкихъ, же мещане Росошские, тивуна Виленского, пана Станислава Нарушевича, звазпывшися, безвинне помовили одного жида, именемъ Пахима, служебника справцы поборовъ и мытъ нашихъ, Изаака Бродавки, который въ Росошу поборовъ и мытъ нашихъ, перестерегалъ на прикоморку Берестейскомъ, якобы дей онъ мелъ дитя хрестиянское одное невесты, мещанки Росошское, окрутне замордовати, беручи себе Росошские мещане съ того прикладъ, што ся было передъ тымъ два годы въ месте нашомъ, Нарви, стало, и якую трудность о то, будучи обвинени также о зарезане детяти хрестиянского черезъ слуги того-жъ Бродавки, вси жидови мели, где господарь, за выведанемъ слушнымъ, ижъ крови детей хрестиянскихъ жидове не потребуютъ и въ законе ихъ зменки жадное о томъ нетъ, гдыжъ доводы слушными не было то на нихъ доведено съ таковаго обвиненя и помовы, в Нарви на нихъ вчиненое, привилеемъ нашимъ господарскимъ на вечные часы есмо ихъ вызволили, хиба-бы таковый злый учинокъ слушне на жида, водле ихъ права, отъ продковъ нашихъ королей и великихъ князей ихъ милости наданого, трема жиды а чотырма хрестияне, верн годными и оселыми, было переведено, тожъ злочинца жидъ и таковый мордеръ ма быти каранъ, на которомъ привилею нашомъ, жидомъ всимъ недавно даномъ, тые артикулы о резане детей и о сакраментъ суть достаточне выписаны, который передъ нами, господаремъ, покладали, где особливе на немъ и того доложено, же о таковые зъ завасненя помовы о дети и о сакраментъ, где бы ся колвекъ въ панстве нашомъ, великомъ князстве Литовскомъ, притрафило на жиды, нихто иный, одно мы сами, господарь, съ паны радами нашими ихъ милостю того дела на сойме валномъ маемъ досмотревати и судити, нижли на сей часъ, не ждучи жидове въ той речи сойму пришлого ку справедливеню своему, яко на привилю нашомъ есть описано, але хотечи невинность свою сказати, доброволне вдавшися на прислухане тое справы подканцлерого нашого великого князства Литовского, маршалка дворного, старосты Берестейского,

и Могилевского, пана Остафья Воловича, яко того, въ которого старостве, въ местечку тивуна Виленского, пана Станислава Нарушевича, Росошскомъ, тая речь теперъ на нихъ о зарезане детяти взновилася, а такь панъ подканцлерый, будучи въ Берести, жалобы врядника пана тивуна Виленского, Росошскаго, Онушка и мещанъ Росошскихъ, прислухавши того дела достаточне, а приехавши до насъ, господаря, на сеймъ Любельский, всю тую справу устне и на писме оказъ передъ нами вчинилъ, который весь нашъ листъ короткими словы выписаты росказалы. Найпервый оный жидъ Нахимъ, на которого помова о зарезане детяти учинена была, выручонъ зъ везеня Росошского черезъ поручниковъ, жидовъ тамошнихъ же Росошскихъ—наймя: Ицка Кругка, Маноса Малого, Лазаря зятя Хеминова, а Песаха и Давида Хемичовъ, Мошка Зубка, Езифа Майка—Якушевичовъ, Ицка Долгошию, Майка Абрамовича, Якуша Малого и зятя его Абрама Шмарка, а Ицка Кураковича, а потомъ, ижъ зъ боязни втекъ, про то панъ подканцлерый, за жалобою врядныка Росошского, яко въ речи крвавой, которая суду и вряду замковому належала, маючи мнимане около зарезаня того дитяти, хотечи ся певностю справыти, посылалъ до Росоша на доведане тое речи служебника своего . . . . Черниского, росказавши, доводне людей тамошнихъ опытывати и сведецства слухати, который, въ Росоше бывши, чого ся доведало и што передъ нимъ мужики и жонки светчили, яко тотъ Нахимъ, зъ Городыща едучи, дитя, которое шло за матерью въ поле, у возъ взявши, до дому своего везъ; ведже не въ одно слово и не згожалися, але розно; одны голову, другие руки дитяти видевши у возе у жида Нахима, поведили; яко тоже коня жида оного следъ, коли зъ Городища ехалъ, черезъ врядника городышскаго Онушка былъ вымеренъ, знакъ съ того беручи—ижъ дей трехъ подковъ у коня не было, одна четвертая зостала, для чого и конь тотъ былъ взятъ на врядъ, а то болшая, на чомъ всю речь, певности приводячи, садили, жебы светкове въ месте пана подканцлерого помененые Росошские мещане, мещанки и наймыти, для широкости оныхъ тутъ именъ не виисуючи, передъ Черниским, служебникомъ и посланцомъ пана его милости, сознавали и светчили, яко-бы тая ведомость вышла отъ девчины жидовское, дочки доманиное (sic) неякое Лиханки, которой можетъ быть семъ летъ, тая де, вышедши зъ дому своего за паймичкою до воды, хусты прала, а взявши у реки, шла ся греть до бровару, где пиво варили, тамъ пять светковъ мужчизнъ, а

две белыхъ головъ слышали отъ тое девчины жидовское, передъ нами поведаючи, же Нахимъ жидъ, до ихъ дому дитя привезши, три дни въ печи светличной ховалъ, кормячи пирогами, горелкою и медомъ поячи, а потомъ дей тотъ Нахимъ зъ Рабеемъ, другимъ жидомъ, въ ночи тое детя зарезали, а братъ ее, Ицка, за руки держалъ, чого ся дей девчина злякнула, мнимаючи, жебы брата ее, Зелка, режутъ, а по зарезаню лупили и, серца вынявши, лизали, а такъ пана подканцлерого посланецъ Черпский, досветчаючи правды, по одному тыхъ светковъ пыталъ, которые дей передъ нимъ въ одно слово не зговжалыся: одны поведели:—слышали отъ девчины, же, сердце вынувши, спекли и зъели, а другие—только лизали, дават того причину, же у броваре негораздъ дослышели у нее, што съ тымъ серцемъ учинено, где оный Черпский, доходечи речи певнейшое, тую девчину помененую передъ собою поставивши, яко посланца врядовый, пыталъ, которымъ обычаемъ,—а хто тое детя замордовалъ? она дей згола до жадное речи не зналася, же о томъ ничого не ведаетъ. И то все тотъ Чернъский, чого ся выведалъ, на писме до пана своего принесъ, яко ся вышей написано; за чимъ врадникъ пана гивонувъ городницский, Григорей Онушко, въ той речи кревавой, которая суду замковому звлаща зъ слугами мытными належитъ, знову постановившися на вряде на томъ въ Берести передъ его милостю паномъ подканцлерымъ поручниковъ, которые по оном Нахиме ручили, подданую пана своего мещанку, матку оного замурдованого дитяти, жалобу чинилъ и вынисъ съ книгъ врядовыхъ покладалъ, на которыхъ обвожене вижами того дитяти, яко естъ замордовано и якие раны на немъ огледено, ино панъ подканцлерый, хотячи самъ обо всемъ взяти ведомость надъ опытыване служебника своего Черноского, и гды вси тые светки на врядъ его милости были поставлены зъ Росоша, яко Черпский имены на своемъ листе выписалъ, взываючи по одному ку собе, выведане делалъ и слухалъ сведецства ихъ, ино светки вси розно светчили передъ его милостю, придаючи и уменшаючи словъ, и не потому, яко передъ Черноскимъ сознавали, также въ болшомъ сведецстве, на чомъ речъ свою садилъ Росошский врядникъ съ поддаными пана своего, слышевши светкове отъ девчины жидовское въ шести або въ семи лѣтехъ: одни поведали, же-бы серце вынявши, спекли и зъели, а другие—лизали и лупили тело, и на сведецство, передъ Черноскимъ чиненое, дни, коли ся то стало, чого передъ нимъ не сознавали, кгды-жъ на писме Черпского вызнане

кождого слова были описаны, передъ паномъ подканцлерымъ речъ свою зменили, про то жидове Берестейские зо всимъ зборомъ своимъ, а звлаща именемъ:—Абрамъ Длукгачъ, Мошей Линчинъ, Мендель Изаковичъ, Изакъ Бродавка, Рабей, Мордушъ, Лазаръ Песаховичъ, а Липманъ Шмерлевичъ оныхъ жидовъ Росошскихъ, наймя: Ицка Крутка, Маноса Малого, Лазаря зятя Хеминого, а Песаха и Давида Хемичовъ, Мошка Зубка. Езыфа Майка—Якушевичовъ, Ицка Долгошыего, Майка Абрамовича, Якуша Малого, и зятя его Абрама Шмарка, и Ицка Кураковича, которые на свое рукоемство жида Нахима обвиненого были взяли, беручи тежъ ихъ на рукоемство свое, водле привиля нашого, имъ даного, взяли собе до насъ, господаря, то хотечи, зъ выроку нашого того умерити, што быхъ-мо розсудкомъ нашимъ господарскимъ въ той речи найти и застановити мели. Которое-ж тое справы пана подканцлерого на писме и устне передъ нами вчиненое: а намовившися зъ его милостю въ томъ достаточне, не могли есмо во всихъ тыхъ сведецствахъ обачити, чимъ-бы около того дитяти замордованого мели мети зъ стороны пана тивуна Виленского подданыхъ слушный приступъ, за такими розными доводы и менением речи не въ одно слово сознаваючихъ, ку покопаню присягами або доличнымъ поступкомъ правнымъ на оныхъ жидовъ Росошскихъ, кгды-жъ еще къ тому отъ предковъ нашихъ, славное памяти королей и великихъ князей ихъ милости, а потом вже отъ насъ, господаря, по помове въ Нарви и въ Белску на жиды о такое жъ замордоване дитяти, привиля наши суть имъ выданы, въ которыхъ меновите около того есть написано, же ажбы чотырма хрестьянми а трема жиды о таковую речь детей мордованя або о сакраментъ было слушне переведено, прото, якъ суть жидове отъ всякое моцы воеводъ, старостъ, державецъ нашихъ и отъ суду ихъ въ таковыхъ двухъ речахъ привилями нашими вызволеные а нашому власному господарскому суду належатъ, тогды, водле оказаня явного тое справы, которую панъ подканцлерый нашъ, въ Берестю будучи, всякую пилность вчинивши, и сведецства, чимъ врядникъ и подданые пана тивуна Виленского, Росошские того замордованя дитяти доходили, прислухивалъ, доводы такие и сведецства голые, на сторону есмо отложивши, выpокомъ нашимъ господарскимъ оныхъ жидовъ Росошскихъ—Нахима и жидовку Арабею и иныхъ, на которыхъ помова тая была взнята и поручниковъ по нихъ, такъ жидовъ Берестейскихъ яко и Росошскихъ, которые въ листе пана подканцле-

рого имены суть описаны, волными есмо вчинили, вскладаючи еще меновите въ сей нашъ листъ такий варунокъ жидомъ панства нашого великого князства Литовского на семъ листе нашомъ водле первшого привиля нашого, перве сего имъ даного, ижъ о такую речь и помову резаня детей и о сакраментъ нихто иный, одно мы сами, господарь, съ паны радами нашими ихъ милостю, жидовъ судити маемо; где бы ся въ которыхъ поветехъ або местехъ и селехъ нашихъ господарскихъ, князскихъ, панскихъ, духовныхъ и светскихъ, въ панстве нашомъ великомъ князстве Литовскомъ помова явная и таемная зъ причинъ завасненыхъ на жиды стала, а што ся тычетъ сведецства о такую речь, ино, ведле привилевъ давныхъ и нашого привиля по Белской справѣ, въ таковой же речи и отъ насъ даного,—инакъ не маетъ быти на жида переведено, только трема жиды а чотырма хрестыяны, людми добрыми и оселыми а неподозреными, а ижъ-бы такие помовы, непотребные въ ихъ законе, на жиды уступали и гдыжъ въ панствахъ нашихъ розные народы, зъ ласки нашое господарское доброволне мешкаючи, обычите свое маютъ, тогды и жидомъ, водле привилевъ продковъ нашихъ, зъ ласки господарское вшелякого обычтья и того артикулу, въ статуте правъ земскихъ описаного, узычаемъ вживати, ижъ, хто бы на кого у суду што велъ и не довелъ, тымъ самъ маетъ быти каранъ, и на то дали есмо всимъ жидомъ въ панстве нашомъ, великомъ князстве Литовскомъ, сей нашъ листъ, до которого на твердость тое речи и печать нашу притиснути есмо казали. Писанъ въ Люблине, лета Божого нароженя тысяча пятъ сотъ шестдесятъ шестого, месяца мая двадцатого дня. Жигимонтъ Августъ, король полский. Матысъ Савицкий, писаръ и секретаръ. И просили мене жидове места господарского, Володимерского, абыхъ я тые копѣи зъ привилея и выроку господарского въ книги замковые записати казалъ и то на рынку у Володимери в торгу обволати допустилъ; я, заховываючися въ томъ ведлугъ росказаня и листу его милости господарского, тые копѣи первопомененые съ привилея его милости господарского на Белскую помову, такъ тежъ зъ выроку на Росошанъ отъ дворянина его королевское милости, подъ печатю его мне даные, слово отъ слова въ книги замковые записати казалъ и то на рынку у Володимери въ торгу обволати допустилъ.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, 1567 года, № 934, листъ 27-й.

45.

Грамота старосты Овруцкого, князя Андрея Тимоѳеевича Капусты, жалующая земянину Исааку Онуфріевичу землю Ходотовщину, подъ условіемъ отбывать земскую господарскую службу. 1565 г. августа 2.

Roku tysiąc siedmset dwudziestego czwartego, miesiąca decembra dwudziestego dnia.

Na urzędzie grodzkim, w miescie jego królewskiey mości Owruczu, przedemną, Janem Walewskim Lewkowskim, namiesnikiem na ten czas podwoiewodztwa grodzkim generału województwa Kijowskiego y xięgami ninieyszemi, grodzkiemi, Kijowskiemi, comparens personaliter urodzony jego mość pan Bazyli Rapsztynski, skarbnik Derbski, oryginał listu, od niegdy wielmożnego jego mości pana Andrzeja Tymofeiowicza Kapusty, starosty Owruckiego, niegdy urodzonemu jego mości panu Onufreju Iwanowiczu, przy pieczęci przycisnioney, na ziemie Chodotowszczyzne danego y służącego, stylem ruskim pisany, zbutwiały et vertustate temporis przy końcach poszarpany, praevia manifestatione, quam primum zginiony ad manus devenit offerentis, facta, podał per oblatam y temi iest, z ruskiego na polskie wyłożony, inserowany słowy: Ja, Andrzey Tymofijewicz Kapusta, starosta Owrucki. Dali mnie sprawe poddani hospodarscy Owruccy na ziemianina hospodarskiego, Onofreja Iwanowicza, iakoby on ziemie Chodotowszczyzne, ktora się nazywa Kochanowszczyzną, w zastawiu bez żadney daniny trzymać miał, gdzie ja, za sprawą poddanych hospodarskich, tę ziemie wziąć chiał y ku zamku hospodarskiemu Owruckiemu przywrocić, niżeli syn Onofrjow Isak list bywszego starosty Owruckiego, pana Jesyfa Michajłowicza Chaleckiego, na te ziemie mnie pokazywał, w ktorym napisano iest, że oycu jego Onufreju y dzieciom tę ziemie na służbe hospodarską dał dowoli y prosił mnie Isak Onofrejewicz, abyśmy jego przy tej ziemi wyszpomienioney zachowali, a tak ia, wejrzawszy w list pana Chaleckiego y rozumiejąc to, iż iest lepsza służba hospodarskiej ziemi, aniżeliby miała pusto leżeć, a widząc to, iż on zawżdy, nie omieszkiwając nigdy służby hospodarskiey, z tey ziemi . . . . tę ziemie Chodotowszczyzne, mianowano Kochanowszczyzne, w zastawiu według listu pana Chaleckiego, z siedliskiem, z niwami, y z sianożęciami, y z drzewem bartnym do rąk podającego y ze wszystkim, iako się ta ziema z dawna w sobie ma, Isaku Onofrejewiczu na służbę hospodarską ziemską dał, do woli a łaski hospodarskiey; ma on tę ziemie na siebie trzymać y wżywac y służbę wespuł z inszemi ziemiany

Owruckiemi zawsze z niey służyć hospodaru jego miłosti, a podatkow y powinności zamkowych żadnych niema z niey pełnić; y na to jemu dał ten móy list pod moią pieczęcią. Pisan w Możeykowie, roku Bozego tysiąc pięcset sześćdziesiąt piątego, miesiąca Augusta wtórego dnia. (Locus sigili) Ktory ze to list, za podaniem y prożbą wysz mianowanego jego mości podawaiącego, a za moim urzędowym przyięciem, słowo w słowo, iako się w sobie ma, do xiąg ninieyszych, grodzkich generału wojewodstwa Kijowskiego iest ingrossowanny.

Книга Кіевская гродская, 1724 года, листъ 163 наобор. № 38.

46.

Грамота Сигизмунда-Августа, содержащая въ себѣ распоряженіе о томъ, чтобы купцы-евреи, понесшіе убытки отъ сборщиковъ королевскихъ пошлинъ, евреевъ: Исаака Бородавки и Менделя Исааковича, требовали-бы удовлетворенія немедленно, а не ожидали окончанія срока ихъ должности, такъ какъ выжиданіемъ и угрозами они приводятъ сборщиковъ въ смятеніе и причиняютъ убытки королевской казнѣ. 1567 года, мая 27.

Лѣта Божого нароженя 1567, месяца Іюля 26.

Приходили до мене, Михайла Павловича, подстаростего Володимірского, писари мытные и поборовые коморы володимірское, жидове: Маиръ Изаляшевичъ и Майръ Докторовичъ за листомъ его королевское милости до всихъ подданныхъ его милости господарскихъ, жидов тых, которые перемешкивают в замцех, дворех, местах и селех, его милости господарскихъ и тежъ князскихъ, панскихъ, духовныхъ и свецкихъ, везде по панству его милости господарскому, великому князству Литовскому, за данем справы его королевское милости отъ справецъ мытъ и поборовъ его милости господарскихъ: Изака Бродавки а Мензеля Изаковича, писанпымъ о росправу, еслибы кто до нихъ самыхъ або писаровъ ихъ въ справе мытной и поборовой мелъ якую кривду а, по выдержаню аренды ихъ, хотели того на нихъ поискивати, абы теперь до выйтъя аренды зъ ними въ той справе передъ господаремъ

его милости росправилися, для постереження того, абы шкода въ пожиткахъ скарбу его милости господарскому не делалася, чего причина меновите на томъ листе его милости господарскомъ доложона и описана, и тотъ листъ его милости господарский они на вряде передомною показывали, который-же читанъ былъ увесь достаточне, почавши с початку ажъ до конца, итакъ] ся въ собе маетъ: »Жигимонтъ Августъ, Божою милостью король Польский, Белский, князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянтский и иныхъ, по всимъ поддапымъ нашимъ и жидамъ тымъ, которые перемешкиваютъ въ замцехъ, въ дворехъ, въ местахъ и селахъ нашихъ господарскихъ и тежъ князскихъ, панскихъ, духовныхъ и свецкихъ, везде по панству нашому, великому князству Литовскому. Дали намъ того справу справцы мытъ и поборовъ нашихъ: Изакъ Бродавка а Мендель Изаковичъ о томъ, иж дей вы слугомъ и писаромъ ихъ, на коморахъ и прикоморкахъ мытныхъ и поборовыхъ уставлечнымъ, которые на васъ отъ товаровъ вашихъ, водле уфалы и постановеня соймоваго, мытъ и поборъ звыклые берутъ и, за невыданемъ отъ васъ мыта и поборовъ, товары ваши въ промыте забираютъ, отповеди и пофалки чините, хотячи того на ихъ самыхъ и на тыхъ справцахъ нашихъ, по выдержаню аренды ихъ, поискивати и ото зъ ними право вести, меняче, якобы они неслушне и неведлугъ постановеня соймового зъ вами поступовати мели, зачимъ-дей они на васъ мыта и поборовъ отъ товаровъ вашихъ и безпечне и сполне выбирати не могутъ, а затымъ ся скарбу нашему великая шкода деетъ; а прото мы, господарь, постерегаючи того, якобы за тими споры и незгодами вашими, шкода въ пожиткахъ скарбу нашого не дѣялася для тогожъ, еслибы есте собе отъ нихъ въ той справе мытной кривду якую мели, а до выштья аренды ихъ откладали, тогды приказуемъ вамъ, ажбы есте теперъ заразъ въ томъ зъ ними передъ нами, господаремъ, яко въ речи поборовой, расправилися, а заочне никоторыхъ пофалокъ имъ самимъ и справцамъ ихъ не чинили, а кгды вы есте, теперъ зъ ними не росправившися, на иншій часъ откладали, тогды потомъ, кеды они тую справу мытную и поборовую зъ рукъ своихъ пустятъ, зъ ними в то никоторого права мети, ажа дныхъ ,презысковъ на нихъ доходити не будете мочи.—Писанъ у Петрикове, лѣта Божего нароженя тысяча пятьсотъ шесдесятъ семого, месяца Мая двадцать семого дня. Матысъ Савицкій писаръ«. И просили мене тые писари мытные и поборовые коморы Володимірское, первопомененые Маирове, абы я тотъ

листъ его королевское милости въ книги замковые вписати казалъ, и то въ месте Володимірскомъ на рынку имъ дати обволати допустилъ. Я тотъ листъ его королевское милости слово отъ слова въ книги замковые казавши вписати, и на рынку въ месте Володимірскомъ имъ то дать обволать допустилъ.

Книга Владимірская гродская, 1567 года, № 934, листъ 130.

47.

Грамота Сигизмунда-Августа къ жителямъ воеводства Волынскаго о томъ, чтобы они не препятствовали сбору пошлинъ съ рыбы, вывозимой за границу изъ прудовъ волынскихъ, подъ опасеніемъ конфискаціи рыбы въ пользу королевской казны. 1567 года, ноября 10

Лѣта Божого нароженя 1567, Месаца Декабря 9 дня.

Пришедши на врядъ замку господарского, Володимірского, передъ мене, Михайла Привередовского, подстаростего Володимирского, справца Менделя Изаковича, поборовый, коморы Володимірское, Іюда Агроновичъ, показовалъ мне листъ его кролевское милости, подъ печатю его милости господарскою а подписю руки его милости, господарское и писарское, пана Матыса Савицкого, до князей, пановъ, воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ, старостъ, державецъ, кнегинь, паней, вдовъ, наместниковъ, тивоновъ, земяновъ и дворанъ его милости господарскихъ, и всихъ тихъ, которые имена и оселости свои въ земли Волынской маютъ, писаный, ижъ дей, делаючи постановене и торгъ съ купцами заграничными, ставы въ именяхъ своихъ на Волыню спускаючи и купцомъ заграничнымъ, рыбы соленые въ бочкахъ продаючи, подводами своими до Львова, индей за границу, до коруны полское, з Волыня не даючи и не поступаючи отъ того мыта и побору, выпроваживаютъ, и таковыхъ купцовъ заграничныхъ, которые, мыта и побору заступуючи, и дорожше имъ рыбы продаючи, то, штобы мыта и побору отъ нихъ до скарбу его милости господарского прійти мело на себе берутъ, приказуючи, ижбы всихъ купцовъ, торговцовъ, съ которыми контракты таковые делаютъ, отъ мыта и побору не заступо-

вали, и не закрываючи ихъ, того собе не привлащали, але справцамъ мытнымъ и поборовымъ отъ таковыхъ рыбъ солоныхъ, бочковыхъ, въ купцовъ заграничныхъ, и, хто-бы колвекъ зъ ставовъ ихъ за границу проводити хотелъ, брати не забороняли, яко ширей на томъ листе его кролевское милости написано есть, и тотъ листъ его кролевское милости читанъ былъ увесь достаточне, почавъши съ початку ажъ до конца, который такъ ся въ собе маетъ: »Жигимонтъ-Августъ, Божою милостю король Полский, великий князъ Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянский и иныхъ, княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ, маршалкамъ, старостамъ, державцамъ, княгинямъ, панеямъ, вдовамъ, наместникомъ, тивуномъ, земяномъ и дворапомъ нашимъ, и всимъ тымъ, которые именя и оселости свои въ земли Волынской маютъ, маемъ того ведомость,—ижъдей вы, делаючи постановене и торги съ купцами заграничными, ставы въ именяхъ своихъ тамъ на Волыню спускаючи и купцомъ заграничнымъ рыбы солоные въ бочкахъ продаючи, подводами дей своими до Львова и индей за границу, да коруны полское, отъ толь зъ Волыня не даючи и поступаючи и отъ того мыта и побору выпроваживаете, и таковыхъ купцовъ заграничныхъ нѣкоторые зъ васъ, отъ мыта и побору заступуючи и дорожшей имъ рыбы продаючи, то штобы мыта и побору отъ нихъ до скарбу нашого прийти мело, на себе берете, въ чомъ ся шкода скарбу нашому немалая отъ васъ деетъ, што намъ не-помалу отъ васъ дивно есть, и зъ ласкою пашою того отъ васъ приймовати не можемъ, ижъ вы таковыми участниками скарбу нашого за впоромъ и непослушенствомъ листовъ пашихъ господарскихъ, не поедно-кротъ о томъ до васъ писаныхъ, быти хочете; якожъ, не хотечи болшей шкоды скарбу нашого терпети, посылаемъ тамъ дворенина нашого, Мартина Кобылскаго, и приказуемъ вамъ, ажъ-бы есте всихъ купцовъ и торговцовъ, съ которыми контракты таковые делаете, отъ мыта и побору не заступовали и, не закрываючи ихъ, того собе не привлащали, але справцамъ мытнымъ и поборовымъ отъ старосты Жомоитского, маршалка земского великаго князства Литовского, администратора и Гетмана въ землѣ Лифляпской, державцы Плотелского и Телшовского, пана Яна Еронимовича Ходкевича, а отъ подканцлерого великого князства Литовского, маршалка дворного, старосты Берестейского а Кобрынского, пана Остафія Воловича, тамъ уставленымъ, мыта и поборъ отъ таковыхъ рыбъ солоныхъ, бочковыхъ, въ купцовъ заграничныхъ, и хто бы колвекъ

зъ ставовъ вашихъ за границу вироваднти хотелъ, брати не забороняли, если-жъ-бы есте на сее расказанье наше, ничого не дбаючи, мыта и побору справцамъ поборовымъ волынскимъ, которые заграницу проважаны будуть, сами не давали и на купцовъ брати забороняли, мы разсказали тому дворенину нашому, абы онъ, посполъ зъ справцами поборовыми, волынскими, купцовъ и всѣхъ зъ таковыми рыбами, хто бы одно за границу кромъ побору и мыта провадити хотелъ, у промыту на насъ, господара, забирати, вы бы о томъ ведаючи, тому дворенину нашому въ томъ противни не были и никоторое небезпечности ему учинити не смели, подъ закладомъ на насъ, господаря, на кождого зъ васъ особу, петнасты копами грошей. Писанъ у Лебедеве, лѣта Божого нароженя тысяча патсотъ шесдесятъ семого, месаца ноября десятого дня. »Жикгмонтъ-Авкгустъ, рексъ е цетера, Матысъ Савицкій, писаръ«. И просилъ мене Іюда Агроповичъ, абы тотъ листъ его королевское милости въ книги замковые вписанъ былъ, я за прозбою его тотъ листъ его королевское милости слово отъ слова въ книги замковые вписати казалъ.

Книга Владимірская гродская, 1567 года, № 934, листъ 202.

Примѣчаніе.—Такая-же грамота была издана Сигизмундомъ-Августомъ и въ слѣдующемъ 1568 году, ноября 20. (См. книга гродская Луцкая, поточная, 1568 года, № 2042, стр. 397).

48.

Грамота Сигизмунда-Августа къ мѣщанамъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 100 копъ грошей, не принимать въ домы свои проѣзжихъ купцовъ до тѣхъ поръ, пока товары ихъ не будутъ освидѣтельствованы сборщиками таможенныхъ пошлинъ. 1567 года, ноября 13.

Лѣта Божого нароженя 1567, мѣсяца Декабря 9 дня.

Пришедши на врадъ замку господарского, Володимірского, перед мене, Михайла Привередовского, подстаростего Володимірского, справца Менделя Изаковича, поборовый, коморы Володимірское, Іюда Агроно-

вич, показовал мне лист его королевское милости, под печатю его милости господарскою и подписю руки писара его милости господарского, пана Матыса Савицкаго, до войтовъ, бурмистров, радец, и всихъ мѣщан мест его милости господарских и теж князских, панских, и духовных, в панстве его милости господарском, великом князстве Литовском, писаный, приказуючи: абы всих таковых купцов, хто-бы кольвек съ товары своими до мест приездил, первей на поборех справцам мытным и поборовым оповедавши, тогдыж на господах в домех своих становили, яко ширей на том листе его милости господарскомъ описано есть; и тот лист его милости господарский читан был увесь достаточне, почавши с початку аж до конца, который так ся в собе мает:

»Жикгимонт Август, Божою милостю корол Полскій, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянтский и иныхъ. Войтом, бурмистром, радцам, и всим мѣщанам местъ нашихъ господарских и теж—князским, панским и духовным, в панстве нашомъ у великом кназстве Литовском. Дал нам того справу поборца и мытник наш Мендел Изакович: иж-дей вы гостей, купцов, чужеземцов, и тубылцов, которые с товары своими до местъ приежчаютъ, не оповедавши справцамъ поборовым и мытным на поборе, кром ведомости, ихъ в домех своих на господах ставите, и за тым-дей они, товары свои розвязываючи, зъ возов выкладают и втаиваютъ,—а в том ся не малая шкода скарбу нашому в поборах деет. А так приказуем вам, ажбы есте всих таковых купцов, хтобы колвек с товары своими до мест приездил, первой на поборах справцам мытнымъ и поборовымъ оповедавши, тогды-жъ на господах в домех своихъ становили; а того абы есте чинити не смели, под закладомъ на насъ господара, на кождого з васъ особу петма сты копами грошей. Писанъ у Лебедеви, лета Божого нароженя, тысеча пятсотъ шестдесять семого, месаца Ноябра третегонадцать дня. Матысъ Савицкій писаръ». И просилъ мене Іюда Агроновичъ, абы тотъ листъ его королевское милости в книги замковые вписанъ былъ; я, за прозбою его, тотъ листъ его кролевское милости слово от слова в книги замковые вписати казалъ.

Книга Владимірская гродская, 1567 года, № 934, листъ 201 на об.

49.

Грамота Сигизмунда-Августа, къ жителямъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ судиться съ сборщиками таможенныхъ пошлинъ исключительно въ королевскомъ судѣ. 1567 г., ноября 13.

Лѣта Божого нароженя 1558 года, месяца Июня 8 дня.

Пришедчи на врядъ замку господарского, Володимерского, передъ мене, Михайла Павловича, подстаростего Володимерского, жидове Володимерские, писары поборовые и мытные коморы Володымерское, Маир Изаевичъ, а Июда Агроновичъ, отъ жида Берестейского Менделя Изаковича, справцы мытного и поборового, для выбираня мыта и побору уставленые, показали передомною листъ его кролевское милости, писаный до всихъ князей, пановъ, воеводъ, каштеляновъ, маршалковъ, старостъ, державецъ, кнегинь, паней, вдовъ, наместниковъ, тивоновъ, землянъ, дворанъ, войтовъ, бурмистровъ, радецъ и всихъ врядниковъ его милости господарскихъ и тежъ князскихъ, панскихъ и духовныхъ, въ панстве его кролевское милости, великомъ князстве Литовскомъ, и просили мене, абыхъ я тотъ листъ его милости господарский, до книгъ врядовыхъ замку его милости господарского, Володимерского, уписати велелъ; я того листу его кролевское милости оглядавши и достаточне его вычитавши за прозьбою его слово отъ слова въ книги замковые вписати велелъ, которыйжъ листъ такъ ся всобе маетъ:

»Жикгимонтъ-Августъ, Божю милостю король Польский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянтский и иныхъ. Княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, маршалкамъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, вдовамъ, наместникомъ, тивономъ, земяномъ и дворяномъ нашимъ господарскимъ и тежъ князскимъ, паскимъ и духовнымъ, въ панстве нашомъ, великомъ князстве Литовскомъ, што которые поборы въ панстве нашомъ, великомъ князстве Литовскомъ, арендовали есмо старосте Жомоитскому, маршалку земскому великого князства Литовскаго, администратору и Гетману въ земли Лифлянской, державцы Плотелскому и Телшовскому, пану Яну Яронимовичу Ходкевичу, а подканцлерому великого князства Литовского, маршалъку дворному, старосте Берестейскому и Кобрынскому, пану Остафію Воловичу, а ихъ милость тые вси поборы поручили въ моцъ и въ справу мытнику нашому, жиду Берестейскому, Менделю

Изаковичу, яко сведомому, который далъ намъ справу, ижъ дей вы сами и врадники ваши справецъ его мытъныхъ и поборовыхъ, которыхъ онъ по всихъ коморахъ и прикоморкахъ пашихъ для отбираня и перестереганя мыта и побору установилъ, и суду передъ себе притягаючи, такъ въ справахъ мытныхъ и поборовыхъ, яко и в ынших речахъ, даючи имъ леда якие причины, кгвалтомъ ихъ судите и трудности имъ, надъ обычаемъ давнымъ, и надъ постановене нашо господарское въ томъ делаете; а такъ, ижъ кождый мытникъ и поборца, албо арендаръ, хто бы одно колвекъ якимъ пожиткомъ скарбу нашого шафовалъ, водле постановеня нашого, не повиненъ ни перед кимъ инымъ, толко передъ нами, господаремъ, або паномъ подскарбимъ земскимъ, або тежъ, кому быхмо мы злецыли, становитися и отказовати; про то всимъ верхомененнымъ вобецъ приказуемъ, ажъ бы есте всихъ справецъ и слугъ его поборовыхъ и мытныхъ, везде на коморахъ и прикоморкахъ от него уставленныхъ, што бы ся дотыкало речи поборовое и мытное, и тежъ и в ыныхъ всихъ речахъ, кромъ права горячого и иного злочинства, сами не судили и врядникомъ своимъ судити не казали, и кгвалтомъ ихъ до того не примушали, трудностей ни которыхъ надъ росказанье и постановене нашо не чинечи, але если бы кому якая потреба до нихъ была, тогды нехай бы ихъ передъ нами, господаремъ, албо кому быхмо мы поручили, правомъ уживали, такъ же тежъ, естли бы они помочи отъ васъ потребовали, абы есте имъ во всемъ въ справахъ поборовыхъ и мытныхъ помочь зъ урядовъ своихъ давали и отъ всякихъ кривдъ, отколъ бы ся имъ деяти мели, боронили. Писанъ у Лебедеве, лета Божого нароженя тисеча пятсотъ шестьдесять семого, месяца ноября третегонадцать дня. Матысъ Савицкій писарь«.

Книга Владимірская гродская, 1568 года, № 935, листъ 62, на об.

50.

Грамота Сигизмунда-Августа къ жителямъ великаго княжества Литовскаго, предписывающая имъ прекратить угрозы и оскорбленія, наносимыя евреямъ, сборщикамъ таможенныхъ пошлинъ. 1567 г. ноября 13.

Лѣта Божого нароженя 1568, июня 8 дня.

Пришедчи на врядъ замку господарського володимирскаго, передъ мене, Михайла Павловича, подстаростего володимерскаго, Жидове володимерские, писары поборовые и мытные коморы володимерское, Маиръ Изаевичъ, а Июда Агроновичъ, отъ жида Берестейскаго Менделя Изаковича, справцы мытного и поборового, для выбираня мыта и побору уставленые, показали передо мною листъ его Кролевское милости, писаный до всихъ князей, пановъ, воеводъ, кашталяновъ, маршалковъ, старостъ, державецъ, кнегинѣ, паней, вдовъ, наместниковъ, тивоновъ, земянъ, дворанъ, войтовъ, бурмистровъ, радецъ и всихъ врядниковъ его милости господарськихъ, и тежъ князскихъ, панскихъ и духовныхъ, в панстве его кролевское милости, великомъ князствѣ Литовскомъ, и просили мене, абыхъ я тотъ листъ его милости господарський, до книгъ врядовыхъ замку его милости господарського володимерского вписаты велелъ; я того листу его кролевское милости огледавши и достаточне его вычитавши, за прозбою ихъ, слово отъ слова, в книги замковые вписати велелъ, который жъ листъ так ся в собе маетъ: »Жикгимонтъ Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянтский, и иныхъ, княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталяномъ, маршалкомъ, старостамъ, державцамъ, кнегинямъ, панямъ, вдовамъ, наместникомъ, тивономъ, земяномъ и двораномъ нашимъ, войтомъ, бумистромъ, радцамъ и всимъ врядникомъ нашимъ господарьскимъ, и тежъ князскимъ, панскимъ и духовнымъ, в панстве нашомъ великомъ князстве Литовскомъ. Далъ намъ справу поборца и мытникъ нашъ Менделъ Изаковичъ, ижъ дей вы, безвинне зваспившися на него и на справецъ его мытныхъ и поборовыхъ, от него на коморахъ для справъ поборовыхъ уставленыхъ, отповеди и пофалки имъ чините и на здоровье ихъ стоите, хотечи ихъ здоровья позбавить, для которыхъ они отъповедей и пофалокъ вашихъ, такъ здоровя своего, яко мыта и побору на коморахъ и прикоморкахъ звыклыхъ, и тежъ за листы нашими новоуставленыхъ перестерегати не безпечность; а втомъ ся не малая шкода скарбу нашому отъ васъ деетъ; а такъ мы, не хотечи, абы для того скарбъ нашъ шкоды отъ васъ не приймовалъ, приказуемъ вамъ под закладомъ на насъ, господаря, на кождого з васъ особу тисечма копами грошей, жебы есте вжо черезъ то никоторыхъ отповедей и пофалокъ тымъ справцамъ нашимъ поборовымъ и мытнымъ и слугамъ ихъ сами не чинили, врядникомъ, бояромъ, слугамъ и людемъ своимъ того чинити

не казали, и на здоровье ихъ ничимъ не стояли, словы неуцтивыми, а ни рукою на нихъ не сегали и во всемъ бы ся есте ку нимъ спокойне заховали, такъ яко бы они мыта и побору перестерегати отъ васъ безпечни были; ведже еслибы кому з васъ была до нихъ которая потреба, вы бы ся в томъ з ними правомъ обходили. Писанъ у Лебеделеве, Лета Божего нароженя тисяча пятсотъ шестъдесятъ семого, месяца ноября третегонадцатъ дня. Матысъ Савицкий писаръ«.

Книга Владимірская гродская, 1568 года, № 935, листъ 63.

51.

Грамота Сигизмунда-Августа, утверждающая привилегію, данную епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ, Маркомъ Журавлицкимъ, боярину Григорію Сестршану, по которой отдается ему за службу во владѣніе церковное село Точивѣки. 1568 года, января 22 дня.

Zygmónt trzeci etc.

Oznajmuiem tym Listem naszym komu to wiedzieć należy; pokładał przed nami...... Żądał od nas dworzanin nasz urodzony Mikołay Franckiewicz-Radzymińsky, starosta Wasilisky, abyśmy z metrik Cancellarii naszey W. X. L. vidimusem wydać rozkazali sprawę w tym liście niżey opisaną, którą w ten nasz list, nazwany vidimus, słowo w słowo wpisaćeśmy kazali i tak się w sobie ma:

»Zygmunt-August, Bożą miłością król Polsky, wielki xiąże Litewski, Ruski, Pruski, Żomoidsky, Mazowiecky, Inflancky, y innych. Oznaymuiem tym listem naszym ninieyszym y na potym będącym: bił nam czołem bojarzyn episkopstwa Łuckiego i Ostrogskiego, Hryhory Siestrzan, y powiedział przed nami, iż bywszy episkop Łucky i Ostrożsky Josif, za służby iego, które on w sprawach y w niemałych potrzebach cerkiewnych episkopii Łuckiey y Ostrożskiey, imieniczko nazwane *Toczywieki*, z dworcem, z ludźmi, z stawy, z młyny, z lasy i ze wszystkimi grunty, płaty, dochody y pożytki iako się to imieniczko samo w sobie ma, w granicach y obychodziech swoich niczego na sobie nie zostawując; a potem y teraźnieyszy episkop Łucky Ostrożsky, Marko Żorawnicky, widząc iego także być czło-

wieka godnego y potrzebnego w każdych sprawach cerkiewnych, wedle daniny przodka swojego, episkopa Jozefa, przy tem ymieniczku Toczywiekach iego zostawiwszy, na to iemu list swóy dali, który list przed nami pokładał, biiąc czołem, abysmo my, hospodar, zwierchności naszey hospodarskiey, iako podawca one iemu dali, na list iemu stwierdzili naszym listem na wieczność, który list ieśmo, oglądawszy, kazaliśmo słowo od słowa w ten nasz list wypisać y tak się w sobie ma:

»Miłością Bożą y przeczystey jego macierzy y Świętego apostoła ewanielista, Chrystozoma Joanna Bohosłowa, my, Marko, episkop Łucki y Ostrożsky, czynim iawno tym naszym listem niniesznim y na potem będącym, komu będzie tego wiedzieć potrzeba okazywała, iż z łaski Bożey y hospodarskiey będąc nam obdarzonym miejscem tym stolicą Episkopii Łuckiey y Ostrożskiey ieszcze narzeczonym Episkopem, pokładał przed nami list, daninę przodka naszego episkopa Łuckiego y Ostrożskiego, nieboszczyka Józefa z podpisem własney ręki iego, bojarzyn nasz cerkiewny, Hrehory Siestrzan, któremum dał y opatrznie udziałał za służby iego y nakłady, które on od niemałego czasu czynił, ieżdżąc do dworu hospodarskiego y dowodząc praw w krzywdach y doległościach cerkiewnych, przyjmując trudności y nakłady nie małe, w tem iemu nagrodę y opatrzenie czyniąc y rozumieiąc y naprzód iego być potrzebnym y godnym sługą Cerkwie Bożey, dał iemu imienie cerkiewne pod Ostrogiem, *Toczywieki*, które też izdawna bojarzc dzierżywali i służbu Cerkwi Bożey z niego służyli, i bił nam czołem, abyśmo iego przy tym imieniu Toczywiekach, wedle daniny i listu przodka naszego, nieboszczyka Józefa, zostawili y z tego jego nie ruszyli; a tak my onego listu daniny przodka naszego oglądawszy y dostatecznie z niego wyrozumiawsy, wziowszy s tego wiadomość, iż on w posługach Cerkwi Bożej do dworu hospodarskiego trudności y nakłady nie małe przyjmował, a naiwięcey też y ia rozumiejąc ego być potrzebnym y pożytecznym sługą Cerkwie Bożey, ni w czym nie naruszą ...iąc daniny przodka naszego, nieboszczyka Józefa, a wiedząc, iż też z dawnych czaso... w te imienie cerkiewne bojarze dzierżywali, na czołembicie iego tośmy ...czyni... y przy tym imieniu Toczywiekach według daniny przodka naszego zostawili; a ... tak teraz, gdy nas prosił y bił nam czołem, abychmo iemu na to imienie To...zywieki list nasz pod pieczęcią stolicy naszey episkopskiey dali y to iemu po...twierdzili, gdzie będąc nam w tym mieście episkopskim czas niemały, baczą... ochotne y pilne służby iego ku sobie y Cerkwi Bożey, y za prożbą y czoł...m biciem iego, tośmy udziełali i tym listem naszym to imienie Toczywieki iemu daiem i potwierdzamy,—ma on sam, żona, dzieci

y potomki iego, to imienie z ludźmi y ich robotami, y podaczkami, y z ziemiami naszymi, y z dąbrowami, z lesy, zaroslami, y z pasiekami, y sianożęćmi, z stawy, które w siele Toczywiekach, y ze wszystkim, a wszystkim, tak iako się to imienie Toczywieki z dawnych czasów w sobie y granicach y obchodziech y pożytkach swoich ma, potem iako y pierwsze boiarze przód te imienie Toczywieki y używali iednego młyna na rzece Lubuci, który Siestrzan dzierżał, ma na nas do imienia naszego Tuszczy dzierżan być. A on wolen będzie w tym imieniu Toczywiekach dwór sobie zbudować y wszystkie pożytki, według woli y zdania swego, iako chcąc ku swemu dobremu y pożytecznemu przywłaszczać y iego dzierżeć wiecznie y używać, a z tego służbę bojarską, iako pirsze boiarze szlachta cerkwi Bożey służą, y on ma nam y potomkom naszym ku cerkwi Bożey służyć; a my sami y potym będący Episkopi Łuckie i Ostrogskie z ludzi iego żadnych płatów y wołowszczyzn na siebie brać, y iego samego, żony, dzieci y potomki iego niektórymi przyczynami z tego imienia Toczywieków, y oni sami y niektóre krzywdy y przekazy iemu w tym imieniu czynić nie maią y natośmy dali temu boiarzynu naszemu Sestrzanu, żonie y potomkom iego, ten nasz list pod pieczęcią y s podpisem ręki mey. Pisan w Żorawnikach. Roku pańskiego 1567, miesiąca Januaria 12 dnia.—I gdyż imienia kościelne, iako własność nasza hospodarska, w podaniu i szafowaniu naszym iest; my z zwierzchności naszey łaskawey na to pozwoliwszy, przy tym imieniu Toczywiekach, wedle daniny episkopów Łuckich, iego zostawili, y tym listem naszym zostawuiem y utwierdzamy to na wieczne czasy ma Hrehory Sestrzan sam y iego żona, dzieci y potomkowie ich one imieniczko w episkopii Łuckiey i Ostrożskiey Toczywieki, z dworem, z ludźmi, stawy, z lesy i ze wszystkimi grunty, płaty, y dochody, y pożytki, y ze wszystkiem, iako się imieniczko samo w sobie w szyrokości gruntu, w granicach y obychodziech swoich ma, dzierżeć y używać wieczno y na wieki nieporuszno, będąc wolny w tym imieniu Toczywiekach przybawić, rozszyrzać y wszelakie pożytki jakickolwiek imienie nazwane abo mianowane być maią, przymnażać y przyczyniać, sprawując y zachowując się we wszystkim po temu według listu teraźnieyszego episkopa Łuckiego Marka Żorawnickiego, na to imieniczko danego, y s tego imieniczka Toczywiek będzie powinien on y potomki iego episkopii teraźnieyszey Łuckiey y Ostrożskiey y potym będącym episkopom Łuckim y Ostrożskim ku episkopii Łuckiey służyć y podarck y płata niiakiego z tego imieniczka on sam y potomki iego dawać maią. A na twierdost tego ten nasz list ręką naszą hospodarską podpisawszy y pieczęć naszą k niemu

przywiesić ieśmo kazali. Pisan w Wołożynie. Roku 1568, miesiąca Januaria 22 dnia.

Podpis ręki Hospodarskiey. Michayło Haraburda, pisarz.—Którey sprawy ten nasz li,st nazwany vidimus, pod pieczęcią naszą wielką W. X. L dworzaninu naszemu urodzonemu Michałowi Fronckiewicza Radzymińskiemu staroście Wasiliskiemu wydan iest. Pisan w Wołożynie na Sejmie Walnym. Roku panskiego 1605, miesiąca marca 2 dnia. U tego vidimusa pieczęć hospodarska W. X. L., a podpis ręki—Lew Sapieha. Cancell. W. X. L. Jan Duksza. A tak my k prozbie, jako słuszney, łaskawie się przichilaiąc, listy wysze pomienione, iako się w sobie mają, kazawszy do xiąg Cancellarii naszey przyiąć y wpisać; a na większą twardość do tego listu naszego pieczęć koronną przycisnąć ieśmy kazali. Pisan w Warszawie, roku 1619, miesiąca Marca 2 dnia. Panowania naszego polskiego 32, a świedzkiego 26 roku. Stanisław Żołkiewskius Regni poloniae Cancellarii, Sprawa Jaśnie wielmożnego J. M. pana Stanisława Żołkiewskiego kanclerza i hetmana naywyższego koronnego. Floryan Oleszko, woyski Włodzimirski, sekretarz y pisarz jego królewskiej mości.

Сообщено В. Антоновичемъ.

52.

Уступка протоіереемъ овруцкой церкви св. Василія Великаго, Григоріемъ Василевскимъ, урочища Трыстеницкого въ потомственное владѣніе крестьянамъ села Мухоѣдъ, Даниловичамъ, подъ условіемъ отдачи ежегодной дани въ пользу церкви по 10 ведеръ меду. 1568, марта 9.

Року тисеча шестьсотъ деветдесіятъ семого, месаца октобрия двадцатъ второго дня.

На уряде кгродскомъ, в замку его королевьское мылости Овъруцъкомъ, передо мною, Даныелемъ Левъковскимъ, намесником на тот час подстароства и реентом кгродским Овъруцъкимъ и книгамы нинешънимы кгродскими Овъруцъкими co oparens personaliter przewielebny w Bogu jego mość ociec Semion Komar, protopopa Owrucki, ten zapis, od Jakowa, Hrynia, Kalenika y Kondrata Daniłowiczow, poddanych Muchoiedowskich, przy pieczęciach dwoch przycisnionych, wielebnemu w Bogu jego mości oycu Hrehoremu Wasylewskiemu, protopopie Owruckiemu, ratione intro contentorum dany y służacy, dla zapisania do xiąg ninieyszych grodzkich Owruckich per oblatam podał, prosząc mnie, urzędu, aby ten zapis do xiąg ninieyszych wpisany był, a tak ja, urząd, ex munere officii mei, pomieniony zapis ad acticandum przymuiąc, z początku aż do konca czytać przed sobą kazałem, ktorego iest russkim pismem tenor takowy: »Я Яковъ весполъ з братиею моею: Грынемъ, а Каленыкомъ, а Кондратомъ Даныловичы, подданые ее милости панее Ивановое Служъчиное, Пани Богъданы, Мухоедовъские, сознавамы и явъно чынимъ тымъ листомъ нашымъ, кому буде потреба того вѣдаты, такъ теперешнымъ, яко и на потомъ будучымъ, ижъ которая земля звечыстая, никому ничымъ непенная, храму святого Велыкого Васыля Овруцского, на имя Трыстеницкая, островъ Обрубный, ино мы братя вышейреченая всѣ сполечне били есмо чоломъ отцу Грыгорю Васылевъскому, протопопе Овруцъкому, абы его мылость той островъ нам вес далъ па даныны десеты ведрехъ меду пресного мѣры Овруцское на вѣчность; ино его милост то на наше чоломбытъе вчынил и той остров вышепысаный намъ вес на даныны десеты ведрехъ меду мѣры Овруцское далъ, маем его мылосты, отцу Грыгорю, або потомком его в кождый год с того острова вышемененого дани давати десет вѣдер меду пресного, доброго, мѣры Овруцское; а если быхмо его мылости не мѣли той даны десеты вѣдеръ меду сполняти, або гранъ земли сказити, або иншее знамя в тот остров Церъковъный вносити и якую кольвекъ шкоду земли вчынити, тогды повинни будемъ за то отцу Грыгорю, або потомку его, ведле права посполитого и статуту земского, всю шкоду платити, а вины ее милости паней своей двадъцат копъ грошей маемъ заплатити, а отцу Грыгорию, або потомку его, вины десетъ копъ грошей маемъ заплатити, а потомъ отецъ Грыгорей, або потомокъ его, воленъ будет тот островъ вышереченый Святого Васыля, от нас отнявъши, кому хотя дати, а его мылост то шкодыти

не будет, а для лепшого сведомя и болшее твердосты сего нашего лысту о прыложене печатей были есмо чоломъ ихъ мылости: пану Богуфалу Мыхайловычу Павши, писару земскому, бирчому господарскому повѣту Киевъского, а пану Ивану Грыгоревичу Шысце Ставецкому; ихъ мылостей за прозбою нашею то вчинили и печати свои прыложити рачылы. Пысанъ ув Овъручомъ, под лето Божего нароженя тисеча пятъсотъ шестъдесятъ осмого, месяца марта девятого дня; у того запысу печатей две . . . . прытысненые«. Который-же то запыс за поданем и прозбою вышъмянованое особы подаваючое, а за моим урядовымъ прынятемъ, до кныгъ нынешныхъ естъ упысаный.

Книга Овручская гродская, 1697—1699 г. № 3219, листъ 61, на обор.

53.

Грамота Сигизмунда-Августа, освобождающая дворянина Ивана Борзобогатого-Красенского отъ отвѣтственности за неисполненіе военной повинности, такъ какъ онъ во время похода занятъ былъ господарскою службою. 1568, Апрѣля 25.

Року 1569, месяца ноября 23 дня.

Пришедши на врядъ его королевской милости, до мене, Яроша Паликиевскаго, воротного замкового, в тотъ часъ будучого на местцу пана Петра Хомяка, подстаростего Луцкого, панъ Иванъ Борзобогатовичъ Красенский, мостовничий Луцкий, покладалъ передо мною листъ его кролевской милости, подъ печатю и с подписью властное руки его милости господарьское, и тежъ с подписанемъ руки писара его кролевское милости, пана Матиса Савицкого, писаный до его милости пана Василя Петровича Загоровского, а до пана Кирдея Мнишинского, и просилъ панъ Иванъ Борзобогатый, абы тотъ листъ его кролевское милости вычитанъ и в книги кгродские былъ записанъ, который листъ такъ ся в собе маетъ: »Жикгимонтъ-Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянский и иныхъ, городничому володимерскому, Василю Загоровскому, дворенину нашому Ивану Кирдею Мнишинскому, што есте

отправлены до поветовъ Луцкого и Кремянецкого на увязоване в ыймення князские, панские, шляхетские и земянские, которыхъ, водле повинности своее шляхетское, уфалы сойму городенского, на сей часъ войны не служили; ино нжъ мостовничий Луцкий, дворенинъ нашъ Иванъ Борзобогатовичъ Красенский, который будучи презъ лето и зиму на послузе нашой, выправуючи розную спижу з Волыни до обозу нашого и до Борисова, не былъ спешонъ войны служити зъ именей, который онъ жоны своее Ганны и сестры ее Марьи Семашковне, тежъ сестры своее Ганны Боговитиновое в держапю и въ опеце маетъ и чотыри дей кони ку службе з нихъ ставити повиненъ; для чого приказуемъ вамъ, ижъ бы есте именямъ тымъ, которыхъ онъ войну служити и чотыри кони ставити повиненъ былъ, дали покой и увязованя жадного не чинили, бо онъ, будучи на таковой послузе нашой земской, не могъ и не повиненъ был войны служити и таковыхъ четырохъ коней, с повинности своее шляхетское, ку службе военной ставити, и будете ли ся увязали, вы бы за се ему . . . . чинили, яко бы онъ в той мери безъ вины и причины шкоды не терпелъ. Писанъ у Кнышине, лета Божого нароженя тысеча пятьсотъ шестьдесять осмого, месяца априля двадцять пятого дня. Подпись руки его кролевское милости, и тежъ писара его милости господарьского пана Матыса Савицкого«. А такъ я, за прозбою пана Ивана Борзобогатого Красенского, тотъ листъ его кролевское милости с початъку ажъ до конца в книги кгродские записати казалъ.

Книга гродская, Луцкая, поточная, 1569 года, № 2043, стр. 561.

54.

Увяжчій листъ, выданный Сигизмундомъ - Августомъ князю Богушу Федоровичу Корецкому, старостѣ Луцкому, Браславскому и Винницкому, въ имѣнія Серадскаго воеводы, Ольбрыхта Ласкаго и жены его, княжны Беаты Острожской. Король присудилъ ихъ имѣнія князю Корецкому за сумму 47,407 копъ грошей, которые Ласкіе должны были, вслѣдствіе королевскаго приговора, уплатить ему въ удовлетвореніе за 35 наѣздовъ и грабежей, произведенныхъ ими въ имѣніяхъ Корецкаго. 1568 года, іюля 10.

Лѣта Божого нароженя 1568, августа 2 дня.

Присылалъ на врядъ его кролевское милости замку Луцкого, до мене, Петра Хомяка, подстаростего Луцкого, вельможный панъ его милость, князь Богушъ Федоровичъ Корецкий, староста Луцкий, Браславский и Вѣницкий, з листомъ господарскимъ увяжчимъ, которого его милость одержалъ з двореппомъ его милости господарськимъ, паномъ Иваномъ Семеновичомъ, съ канцлереи его кролевское милости до вельможного пана его милости пана Олбрыхта Лаского, воеводы Сирадского, и до малжонки его милости панее Бияты съ Костелца, княгини Острозское, на сумму пенязей, па увязане до права во имемъя ихъ милости, черезъ выроκъ его королевское милости, князю старосте его милости, на сойме Виленскомъ, валномъ, указаную, даный, просячи, абы тотъ листъ его кролевское милости на вряде былъ вычитанъ и в книги кгродские для певнейшого хованъя уписанъ, который листъ господарский такся въ собе маетъ:

»Жикгимонтъ-Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Ифлянский и иныхъ. Воеводе Сирадскому, пану Олбрыхту Ласкому и малжонце его, паней Бияте съ Костелца княгинѣ Острозской, што первей сего, въ року минувшомъ, тисеча пятьсотъ шестдесятъ шостомъ, будучи намъ господару у Вилни, на сойме великомъ, валномъ . . . . съ панами радами нашими ихъ милостю, жаловалъ намъ староста Луцкий, Браславский и Вѣницкий, князь Богушъ Федоровичъ Корецкий, за чотырма мандаты нашими, водлугъ уфалы сойму великого, валного, Виленского, минулого, в року шестдесятъ третемъ съ канцеляреи нашое выданными, о томъ, штожъ дей, будучи ему за росказанемъ нашимъ господарскимъ въ року прошломъ шестдесятъ четвертомъ, службе нашой и земской военной часъ немалый, дошла до его тая ведомость отъ врядниковъ его з Волыня, ижъ дей вы, невѣдомо для которое причины в ономъ року, шестдесятъ четвертомъ, месяца сентебря девятого дня, наславши моцно кгвалтомъ на власные именья и кгрунты его, то есть на Криловъ и на Черницу, боярина своего Острозского, Федора Вербовецкого, зъ многими слугами, бояры и подданными своими Острозскими, Клепачовскими, и к тому дей есте росказали дать помочь отъ врядниковое Березъдовское, Сокоровое, всѣхъ Берездовцовъ, которыхъ дей было околко сотъ чоловековъ, з бронями, з гаковницами, з ручницами, з сагайдаки, з луки, з рогатинами и з ыншимъ оружемъ, и в оноже часъ тотъ Вербовецкий с тыми верху

писаными помочниками своими, по трикроть наежаючы на тые имения его верхуписаные, первый дей разъ в томъ року минуломъ, шестдесять четвертомъ, месяца сентебра девятого дня, в суботу, на властные дей кгрунты и на имения его, то есть на Криловъ и на Черницу,—збожя, въ оныхъ поляхъ стоячые, колко тысячъ копъ жита и ярины его властного и подданныхъ его . . . . одно побрали, другое попалили; а потомъ де, того месяца сентебра третего и четвертого дня, тотъ же дей бояринъ вашъ, Вербовецкій, з многими слугами, бояры и подданными вашими Острозскими и Березддовскими, наехавши моцно, кгвалтомъ — на власные кгрунты тыхъ вышепомененныхъ—Крылова и Черницы, и к тому дей иншихъ селъ его: на Киликиевское, Богдановское и на Печибодское, перешедчи чрезъ границу военную, которую дей онъ от ыменей вашихъ Клепачовъ и Снытокъ и Плоское, волости Острозское, почавши отъ границы Русивлское пановъ Чапличовъ, черезъ певный дей знакъ кграни, ажъ до руды Полское, которая впадаетъ в рѣчку Жеревъ, подданныхъ дей его тыхъ верхуписанныхъ селъ о колко тисячъ возъ сѣна одно побрали, а иное попалили,—а подданыхъ дей его познаходивши, самихъ побили и поранили; кони, з возы, з сокиры, з нихъ сермяги, шапки, кожухи, поясы с калитами и з мошнами, в которыхъ дей в тотчасъ пенязи были, побрали; а потомъ дей тогожъ року прошлого, шестдесять четвертого, месяца ноябра первогонадцать дня, наславши дей вы врядника своего Березддовскаго, Томаша Подоского, з многими слугами, бояры и подданными своими Березъдовскими и Полонскими, в зброяхъ, з бронями, яко на одного неприятеля, моцно, кгвалтомъ на властный кгрунтъ его Корецкий . . . . . . в селе Правотине, рудныковъ дей жида Ратненского, Жилмѣновыхъ, о колко десять чоловековъ побили и поранили; з самыхъ сукни, сермяги, кожухи, поясы с калитами и с пенязьми готовыми, и иншие многие речи, што при нихъ были, и сокиры . . . . а многіе речи на тотъ часъ въ них были . . . . тогожъ мѣсяца ноябра шостогонадцать дня, наславши того-ж врядника своего Березддовского, Подоского, з многими слугами, бояры и подданными своими Острозскими и Березддовскими моцно, кгвалтомъ, также на властный дей кгрунтъ— сельцо Горбиковский, Жолобовский, Правотинский, Горицкий и Бабинский, перешедчи дей через границу звечистую, почовши отъ Гаврикова ставу, на реце Царели, отъ шляху великого Киевского, ажъ до реки

Сетчи, который делит кгрунтъ его отъ именей вашихъ Брозъдовскихъ и Хлыпатскихъ, сена дей властные бояръ и подданныхъ его тыхъ вышейменененныхъ селъ, презъ колко тисечъ возовъ—одно побрали, а другое огнемъ попалили; людей, которыхъ дей на онъ часъ при тыхъ селахъ находили, позбивали и помордовали; копи, з возы, и зъ самыхъ сермяги, кожухи, поясы с калитами, и пенязьми готовыми и иншие многие речи, што колвекъ на тотъ часъ при собѣ мѣли, то все побрали; и ктому дей вы, на томъ мало маючи, наславши врядника своего Берездовского, Томаша Подоского, а боярина вашого Острозского, Ивана Сокуру, з иншими многими, слугами, бояры и подаными вашими, волости Острозское и Берездовское, которые дей вжо в року минуломъ, шестдесятъ пятомъ, месяца февраля девятого дня, наехавши моцно, кгвалтомъ, на именье его Печыбоды, подданныхъ его шести человековъ на имя: Опанаса отамана, Гурина, Устина, Ивана, Игнатца а Хурса побили и поранили и праве за вмерлыхъ полишили, а чотырохъ чоловековъ на имя: Дмитра, Тимофея, Ивана а Моисея поймали и з собою повели и всю маетность ихъ, што в нихъ в домахъ было, то все побрали; а отътоль дей едучи, на дубровѣ чотиры стоги жита, в которыхъ было по шестдесять копъ, огнемъ спалили; и въ тотъ же дей часъ в селѣ его, Киликиевскомъ, шестнадцатеры бчолы з дерева бартного подрали, а дерева попалили,—и в тотъ же дей часъ, поткавши чотырохъ подданныхъ его Киликиевскихъ, наймя: Мирона, Дениса а Олизара, которые ехали до волости Жеславское збожя куповати, а четвертый дей чоловикъ, на ймя Трохимъ, ехалъ з жоною и съ детятемъ своимъ до волости до Жеславское, посполъ с тыми-жъ людми до приятелей своихъ, тыхъ, дей они, перенемши на доброволной дорозе, якъ самыхъ, такъ и тую невѣсту, которая з ними ехала, побили и помордовали, и зо всего, што колвекъ при нихъ было, поотбирали, и праве за вмерлыхъ полишили, олижъ де ихъ другие люде, едучы по нихъ дорогою, пашли ихъ мало не померлыхъ, а тое де детя того подданого его Трохима на смерть замордовано; и к тому дей еще, на томъ мало маючи, въ тотъ жо де часъ, тотъ жо врядникъ Березъдовский, Подоский, перенемши на добброволной дорозе подданныхъ его Корецкихъ, на ймя: Марка, Андрея а Лукъяна зъ ихъ товарышми, едучихъ с Коломыи зъ солю двадцатъ чотыри возы с конъми, з возы и зо всимъ тымъ, што колвекъ при нихъ было, побрали, а самыхъ збивши, змордовавши, и зо всего, што при нихъ было, отобравши, такъ-же за мерлыхъ полишили, и многие,

а незносные кривды в тотъ часъ тымъ подданнымъ его поделали. За другимъ мандатомъ жаловалъ князь староста о томъ, што-жъ дей вы, подъ часомъ заказаня на службу нашу господарскую и земскую военную, року прошлого шестъдесятъ пятого, месяца мая десятого дня, наславши бояръ своихъ Острозскихъ: Федора Вербовецкого а Ивана Сокора, з иншими многими слугами, бояры и подданными своими моцно, кгвалтомъ на имене его Крыловъ, на властный кгрунтъ его, на поляхъ плуговъ двадцатъ семъ, з возы и железами побрали, другие плуги порубали, а подданые его, которые на тотъ часъ при тыхъ плугахъ были, о колко десять человековъ побили и поранили, кони з возы, с хомутами, з самыхъ сермяги, шапки, поясы с калитами и с пенязьми готовыми, к тому сокиры и иншие многие речы, што колвекъ на тотъ часъ при нихъ было, то дей все побрали; а потомъ дей тогожъ месяца мая семогонадцатъ дня тыхъ же бояръ своихъ острозскихъ Хведора Вербовецкого а Ивана Сокора з ыншими слугами, врядниками, бояры и подданными вашими Острозскими и Березловскими, наславши дей вы, моцно, кгвалтомъ, на властивый кгрунтъ имeня его Русивлского, на поли воловъ три плуги, одны с плугами и з железами побрали, а иншие плуги порубали, а подданыхъ дей его тамошъныхъ, Русивлскихъ, которые при тыхъ плугахъ были, иныхъ многихъ находячы на поляхъ, побили и поранили, и што дей колвекъ на тотъ часъ при ныхъ было— кони з возы, сокиры, а зъ самыхъ сермяги, шапки, поясы с калитами и с пенязми готовыми такъжо побрали. Надъ то дей того-жъ месяца мая двадцатъ девятого дня, наславши врядниковъ своихъ—Острозского Франца Круша а Березловского Томаша Подоского а Юръя Зарубу, и к тому з ыными многими врядниками, слугами, бояры и поддаными вашими Острозскими и Березловскими, обычаемъ военънымъ, а праве неприятелскимъ, маючи з собою колко сотъ человековъ, зъ сагайдаками, з ручницами, з рогатинами и з ыншими многими а розъмаитыми бронями, моцно, кгвалтомъ, на именъя его Корецкие, то есть на Зусивлю, на Осташовку, на Сапожинъ, и на Криловъ, бояръ и подданыхъ его тыхъ вышемененыхъ селъ жонъ и детей ихъ побили и поранили, а в домехъ ихъ ворота и въ клете двери повыбивали, всю маетъность ихъ, то есть: сукни, сермяги, кожухи, шапки, сорочки, полотна, пенязи готовые, мяса старые, масла, сыры и иншие многие речи з домовъ ихъ, также и на поляхъ кони, волы, коровы, овцы, козы, свиньи и всякое быдло с чередами оныхъ, впередречоныхъ селъ подданныхъ его побрали,

имъ многие а незъносные дей кривды и шкоды на тотъ часъ тымъ подданымъ его починили; а потомъ дей тогожъ месяца мая тридцать первого дня, наславши дей вы врядника своего Берездовского, Томаша Подоского, а бояръ Острозскихъ—Хведора Вербовецкого а Ивана Сокуру з многими слугами, бояры и поддаными своими ве зъброяхъ, яко на одного неприятеля, моцно, кгвалтомъ, на властивые имения его волости Корецкое, на Селичовъ, на Горицю и на Чернокалы, людей подданыхъ его тыхъ вышемененыхъ селъ его жонъ и детей ихъ побили и поранили, а в домехъ ихъ, в некоторыхъ—ворота и в клетей двери поодбивавши, маетность ихъ, то естъ: сукни, сермяги, кожухи, пенязи готовые, сорочки, полотна и иншие многие речы, а на поли кони и быдло с чередами, в Чорнокалахъ, побрали и многие дей кривды и шкоды тымъ подданымъ его на тотъ часъ, в побранью маетности, поделали; к тому дей тогожъ року прошлого шестдесятъ пятого месяца июля другого дня, такъ-же дей, наславши вы бояръ своихъ Острозскихъ,—Хведора Веръбовецкого, а Ивана Сокора з иншими бояры и поддаными своими Берездовскими, моцно, кгвалтомъ, на властный кгрунтъ его волости Корецкое—Крыловский, Киликиевский и Русивлский, людей подданыхъ его тыхъ верхумененныхъ селъ на поляхъ и на дубровахъ находячы, одныхъ людей и жонъ ихъ побили и поранили, а другихъ многихъ, поймавши и позъбивавши, зъ собою у везенье повели, а маетности ихъ: кони з возы, зъ самыхъ сермяги, шапки, сорочки, сокиры, поясы с калитами и с пенязми готовыми побрали. Еще дей тогожъ месяца июля пятого дня, наславши дей вы врядника своего Берездовского, Томаша Подоского, а бояръ Острозскихъ, тогожъ Федора Вербовецкого и Ивана Сокора, з иншими многими слугами, бояры и поддаными своими Острозскими и Берездовскими, моцно, кгвалтомъ, по другий разъ, натыежъ именья его властные Корецкие—на Селичово, на Куты и на Горицу, людей и подданыхъ его, жонъ и детей, побили и поранили, а другихъ пятнадцати чоловековъ, поймавши и позбивавши, у везенье зъ собою повели, а въ домехъ ихъ ворота и въ клете двери поотбивавши, а на поли кони и быдло с чередами, в тыхъ вышемененыхъ селехъ его Селичове а в Горицы, заняли, а особливе дей кони служебниковъ его, которые дей в тыхъ жо селехъ его—в Селичове и в Кутахъ, на властномъ кгрунъте его пасены были, всихъ сто двадцать и пять коней, тыежъ дей врядники, слуги, бояре и подъданые ваши взяли, и то все, посполъ с конми и счередами, которые в подданыхъ его в тыхъ

же селехъ побрали. И к тому жъ оными жъ дей конми служебниковъ его, также и быдломъ подданыхъ его, которые тотъ врядникъ и бояре ваши заняли, проводячи ихъ до замку вашого, Берездова, збожья о колко сотъ копъ, на поляхъ лежачого, на властномъ кгрунте его жита и яринъ потоптали. Потомъ дей тогожъ месяца июля семого дня, в суботу, врядникъ вашъ Берездовский, Томашъ Подоский, а бояре ваши Острозские: Федоръ Вербовецкий а Иванъ Сокоръ, з многими помочниками своими, перенявши мещанъ его Корецкихъ сорокъ человековъ, которые с Коломыи зъ солью ехали, на доброволной дорозе близко замку вашого Березъдовского, тыхъ всихъ людей сорока человековъ побили и поранили, возы с конъми, и з солью, и зо всема речами, што у возехъ было, а з нихъ сукни, сермяги, гроши готовые побрали, а самыхъ, повезавши, до замку вашого Берездовского приведши, у в окрутное везенъе посадили; а того жъ дей дня отаманъ вашъ Сусмецкий, на йимя Юрко, с помочниками своими, такъ жо перенявши пахоля его, на йимя Остафъя Мокренского, на доброволной дорозе в селе Сусмецкомъ, который дей ехалъ в потребахъ его самого зъ староствъ его, з Бряславля и з Веницы, безъвинъне збили и, поймавши, до врядника вашого Берездовского, до Подоского, привели, и такъ же у в окрутное везенъе осадили, и гроши, што при немъ были, до него посланые, коня зъ седломъ и иньшие многие речы въ него побрали; потомъ дей тогожъ месяца июля осмого дня, наславши дей есте врядниковъ своихъ: Острозского, Франца Круша, а Берездовского, Томаша Подоского, а бояръ Острозскихъ: Федора Вербовецкого а Ивана Сокора, з иншими многими слугами, бояры и поддаными своими Острозскими и Берездовскими, на домъ служебника его, Бориса Совы, на Селичовъ, самого дей того служебника его, Бориса Сову, збили, зранили и змордовали, слугъ и челядь его такъ жо дей побили и поранили, и шкоды дей немалые опому служебнику его в побраню маетности его поделали; затымъ дей на завтріе, в понеделокъ, тогожъ месяца июля девятого дня, наславши дей вы справцу своего, Юря Зарубу, и тыхъ же врядниковъ своихъ: Острозского, Франца Круша, а Берездовского, Томаша Подоского, и оныхъ бояръ своихъ Острозскихъ: Федора Вербовецкого а Ивана Сокура, и иныхъ многихъ слугъ, бояръ и подданыхъ своихъ Острозскихъ и Березъдовскихъ о колко сотъ коней, моцно, кгвалтомъ, на йименъе его Куты, служебниковъ его, которые дей въономъ селе его *мужали* для постерегания правъды, подданыхъ его, одныхъ тамжо побили

и поранили, а которые дей, видячи, ижъ ся не могутъ имъ в томъ селѣ оборонить, и оборонъною рукою до другого именъя его, до Печибодъ, входили, они дей, и за тыми гонячи, на тое другое именъе его, на Печибоды, также моцно, кгвалтомъ, з немалымъ войскомъ .... и якъ оныхъ слугъ, которые дей, передъ ними входячи, до того именъя его пришли, также бояръ и подданыхъ его, мешкаючихъ въ томъ селе Печибодехъ, самихъ побили и поранили, ажъ дей некоторые з нихъ ледве водою отплыли, а иншие повтекали, а маетность дей, як оныхъ служебниковъ его, которые на тотъ часъ при нихъ были, и которыхъ, в оном селе его, в Кутахъ, входечи перед ними, ... селе, такъ тежъ бояръ и подданыхъ Печибодскихъ маетности, з домовъ ихъ, а на поле быдло, побрали и многие а незъносные кривды тымъ слугамъ и подданымъ его поделали; и к тому дей тыежъ бояре ваши: Хведоръ Вербовецкий а Иванъ Сокоръ, тогожъ месяца июля двадъцать шостого дня, в понеделокъ, вночы, собравшися з многими слугами и помочниками своими, и тежъ с поддаными вашими Острозскими, подехавши, моцно, кгвалтомъ, подъ место его Корецкое, двохъ неволниковъ его Татаръ, пойманцовъ, на йимя: Ахмата а Шабана, а швачку малжонки его, татарку, на йимя Татяну, и з нею челяди Московское пятеро, которые при тойже швацце для науки оставлены были, выпроводили и на возехъ своихъ до замку Острозского отвезли, которая дей швачка Татяна, маючи ключи отъ кнегини малжонки его до всякого схованъя, не мало речей, то есть: шатъ, перел, клейнотовъ, грошей, покрала и зъ собою побрала; якожъ дей князь Корецкий до приятеля вашого, который отъ васъ тамъ у в Острозе на тотъ часъ былъ, до пана Юря Зарубы, о то жалуючы и права просячи, посылалъ, онъ дей, якъ права дать, такъ и тыхъ неволниковъ его выдать не хотелъ. За третимъ мандатомъ жаловалъ князь староста о томъ, штожъ дей, вжо выехавши ему на службу нашу господаръскую и земъскую военную з ыменей его до Ракова, в року минуломъ шестдесятъ пятомъ, и будучи ему вжо в дорозе, дошла его ведомость одъ врядниковъ его з Волыня, ижъ дей вы, неведомо для которое причины, наславши бояръ своихъ Острозскихъ: Хведора Вербовецкого а Ивана Сокора, з многими поддаными вашими Острозскими и Берездовскими, моцно, кгвалтомъ, на властный кгрунтъ именъя его Крыловского, вночѣ, сена кошеного в копахъ, подданыхъ его Крыловскихъ: Степана Тишевича, Данила Протасовича а Грица Рожка, сто двадцать два возы спалили, а потомъ дей въ томъ же року

шестдесять пятомъ, месяца августа третего дня, также в небытности его, наславши дей есте тыхъ жо бояръ вашихъ Острозскихъ: Хведора Вербовецкаго, а Ивана Сокора, с поддаными вашими Острозскими, повторе моцно, кгвалтомъ, на властный кгрунтъ того жъ именя его Крылова, сеножати его дворные на триста и на тридцать возъ покосили и сено побрати казали; ктому дей, в томъ же року и тогожъ месяца августа девятого дня, в четверъгъ, наславши дей есте тыхъ жо бояръ вашихъ Федора Вербовецкого а Ивана Сокора третий разъ моцно, кгвалтомъ, на властный кгрунтъ именья его Черницкое, на сеножати подданого его Черницкого Хведора Воробья и трехъ сыновъ его: Ивана, Дмитра а Якова, збили, изранили и четверо коней взяли, а з самыхъ сермяги, шапки, поясы с калитами и с пенязми готовыми побрали и многие кривды и шкоды ему самому и подданымъ его, в покошенью сенъ, в побраню маетностей ихъ, поделали; за четвертымъ мандатомъ жаловалъ князь староста о томъ, штожъ дей вжо по тыхъ всихъ перъшихъ кривдахъ и кгвалтехъ, боехъ, грабежахъ и наежчкахъ ему отъ васъ самыхъ, врядниковъ и слугъ, бояръ вашихъ поделаныхъ, вышей в семъ листе нашомъ описаныхъ, будучи дей ему . . . . у Вилни при насъ, господари, на сойме валномъ, всимъ землямъ нынешнего панства нашого великого князства Литовского зложономъ, в року прошломъ шестдесятъ пятомъ, месяца ноября первого дня, наславши дей есте бояръ своихъ Острозскихъ: Федора Вербовецкого а Ивана Сокора з ыншими многими слугами, бояры и поддаными вашими, а помочниками ихъ, кгвалтомъ на именье его Киликиевъ, которые дей, наехавши на тое именье его, подданыхъ Каликиевъскихъ нашедчы на гребли Киликиевской, побили и поранили и чотырохъ чоловековъ, на имя: Зенца, Ивашка, Василя, а Бориса, поймавши и позбивавши, зъ собою повели, а кони, быдла остатокъ, што вжо небожята люде, после перъшихъ кгвалтехъ были здобыли, то все побрали, а потомъ дей у тымъ дне, тогожъ месяца ноября десятого дня, наславши дей есте другого боярина своего Острозского, Федора Колоденьского, такъжо з многими слугами, бояры и поддаными вашими, моцно, кгвалтомъ на именье его Русивль, на домъ боярина его, Ивана Лозицкого,—самого того боярина Лозицкого збили, змордовали, а сына его Грицка изранили и шкоды не малые в тотъ часъ, в побраню остатку маетности, ему самому и подданнымъ его поделали; которыхъ жо дей кривдъ и шкодъ зо всими тыми кгвалтовными посылками вашими от тыхъ всихъ

верху писаныхъ бояръ, слугъ и людей вашихъ в ыйменъяхъ, селехъ и на кгрунтехъ его первопомененыхъ, ему самому, слугамъ, боярамъ и подданымъ его поделаныхъ, князь староста реестръ меновите написаный передъ нами, оказовалъ. И на онъ часъ, по вычитаню мандату, поведалъ князь Корецкий, же за тыми мандаты принялъ былъ рокъ вашъ передъ нами, ку росправе з нимъ стати за трема мандаты месяца декабря семогонадцатъ дня, в году минуломъ шестдесятъ пятомъ, а за четвертымъ тогожъ месяца декабря двадцатъ четвертого дня; на которые то обадва роки князь староста передъ нами оповеданъе и пилность ку праву чинилъ, и по рокахъ, черезъ немалый часъ будучи, онъ зде у Вилни, на соймѣ, при насъ, господари, частокротне прозъбами своими о учиненъе ему з вами в тыхъ речахъ справедливости усиловалъ; нижли передъ инъшими болшими и важнейшими справами нашими и земскими, не будучи дей намъ доспешнымъ тое речи вашн слухати и судовне отправовати, за прикладанъемъ и помынанъемъ по колко кротъ роковъ, стягнулася тая справа ваша ажъ до дня месяца генваря осмого, в году минуломъ, шестдесятъ шостомъ, гдеж, будучи намъ на суде с паны радами нашими ихъ милостю, по вчиненю жалобы черезъ князя Корецкого за оными мандатами, веръху описаными, отъ твоей милости пане Лаский служебъникъ твой, Якубъ Кресинский, менячися быть умоцованымъ твоимъ, справы противъ князя Корецкого домовялся, абы князь староста первей того довелъ, если тебе тыми мандаты позвалъ, а князь Корецкий не хотелъ того мовенъа его у права приймовати, абы первей Кресинский моцъ отъ обудвухъ васъ в той речи показалъ. Кресинский положилъ листъ вмоцованый одного твоей милости, пане воеводо, с печатю и с подписью руки твоее властное, который былъ вычитанъ передъ нами и слово отъ слова такъ ся в собе метъ: я, Лаский Олбрыхтъ, воевода Сирацкий, вызнаваю тымъ моимъ листомъ, ижъ што воевода Киевский, маршалокъ Волынское земли, староста Володимерский, князь Костентинъ Костентиновичъ Острозский, позвалъ мене и малжонку мою паню Беяту с Костелца Княжну Острозскую мандатомъ его кролевское милости о насланъе кгвалтовное подчасомъ военнымъ на имене Славенское и о шкоды в томъ имению поделаные, которое собе на мандате отъ неякого Павла Итщолды быти менилъ; особливе тежъ, што староста Луцкий, Бряславский и Вѣницкий, князь Богушъ Хведоровичъ Корецкий позвалъ мене и малжонку мою мандаты двѣма о кгвалтовные наезды, бои, грабежи и о попаленъя сѣна,

которые собѣ отъ земянъ моихъ Острозскихъ: Федора Вербовецкого, а Ивана Сокора быти менилъ; яко тая вся справа ширей и достаточней на тыхъ мандатехъ есть доложона, где ся, отъежаючи на пилные а важные потребы его кролевское милости и корунъные, имъ за тыми мандаты на року собѣ назначономъ стати и в отказе быти не могу, про то в томъ отъеханю своемъ, давши зупо.лную моцъ служебнику моему, Якубу Кресинскому, на томъ року, за тыми мандаты припаломъ, на зъбите тыхъ мандатовъ причинами слушными и у права передъ его королевскою милостю а ихъ милостю паны радами, которого тымъ мандатомъ в томъ, яко и во всихъ справахъ моихъ, передъ его королевскою милостю припалыхъ, на томъ соймѣ теперешнемъ и по розъеханью соймовомъ моцно чиню, вирючи и змоцаючи ему вси поступки правные тые зыски и страты во всихъ потребахъ моихъ справовати. И на то есмь ему далъ сей мой листъ подъ моею печатю и с подписомъ властное руки моее. Писанъ у Вилни, лета Божого нарожения тисеча пятьсотъ шестдесятъ пятого, месяца декабря пятогонадцать дня. Князь, староста Луцкій, выслухавши того листу умоцованого и заховавши впередъ всѣ причины правные к тому листу умоцованому мовити, на онъ часъ тую толко одну причину, розумеючи ее быти головнейшою, поведилъ, ижъ в томъ листе поручономъ твоемъ, пане Лаский, не дана дей была Кресинскому моцъ ку отказу и розправе з нимъ судовной о самые речи, о што онъ васъ позвалъ, але дей толко дана ему моцъ ку збиваню мандатовъ, зыскъ и страту в томъ поручаючи, к тому повѣдилъ князь староста, ижъ онъ тыми мандаты позвалъ твою милость, пане Лаский, и малжонку твою, пани Беяту с Костелца, княгиню Острозскую, а моцъ тая была дана толко от самого тебе, пане воеводо, и не до правного мовенья, одно до збиванья мандатовъ, и докладалъ того, же дей тые именья не такъ много суть твое, пане Лаский, хотяжъ в держаню ихъ есте-сь, яко твоя, пани воеводиная; и с тыхъ дей причинъ онъ Крестинского за моцного ку мовеню правному в той справѣ приймовати не могъ, и домовлялся, абы Кресинскій моцъ отъ самое твоей милости, пани Лаская, если бы мѣлъ, оказалъ. Кресинскій повѣдилъ, ижъ ему моцъ отъ тебе не есть потребно покладати, а жебы досыть мело ему быти ку праву моцы самого твоей милости, пане воеводо, тыми причинами то выводячи, ижъ ты, пане Лаский, на мандатехъ в головахъ чрезъ князя старосту описанъ и обжалованъ естесь, и к тому, будучи малжонкомъ, головою старшого, яко самую малжонку

свою, такъ и именя ее въ моцы, опеце и обороне своей маешь, и яко бысь ты мелъ быти о именья ее самъ одинъ, кромъ ее порученя чинити, и в прага мовити; князь староста поведилъ: ачьколвекъ онъ на мандатахъ в головахъ самого тебе, пане воеводо, яко старшого, а малжонка княгини Острозское описалъ, але тые именья, с которыхъ ся ему тые кгвалты, кривды в забиранью кгрунтовъ и иньшихъ шкодахъ стали, суть самое тобе, пани Лаская, и для того потребовалъ видети моцы самое твоее милости. Кресинский, попераючи першое повести своее, ижъ волно тобѣ, пане Лаский, самому, яко головѣ, именья малжонки своее правомъ чинити, докладалъ и того, же дей ты, пани Лаская, ему, малжонъку своему, вси именья свои записала и в моцъ поступила. Князь Корецкий поведилъ, ижъ онъ о тыхъ записахъ ни чого не ведаетъ; Кресинский припущалъ то памети нашой господарьской, яко бы ся то з ведомьстю нашою дѣяти мало быти, же пани Лаская, будучи въ Петриковѣ, на Соймѣ, пану Ласкому, малжонъку своему, вси именья свои записала, где жъ за тымъ пытати есьмо казали Кресинского, естлибы то на писме мелъ, ку праву оказалъ, же ты, пани Лаская, малжонку своему именья свои записала,—не показалъ и ничимъ того ведле права не довелъ; гдежъ мы, обмовившися о томъ с паны радами нашими ихъ милостю, нашли то, абы Кресинский моцъ отъ самое тебе, пани Лаская, указалъ; нижли Кресинский и моцы жадное не положилъ, а такъ мы, господаръ, па онъ часъ того мовенья ихъ з обу сторонъ достаточне выслухавши а оглядавши, ктому листовъ вызнаныхъ дворенъ нашихъ: Григоря Кацевича а Миколая Войдена, черезъ князя Корецкого передъ нами покладаныхъ, съ печатью и с подписомъ рукъ ихъ властныхъ, которые дворене наши тебе, пане Лаский, тыми мандаты нашими отъ князя Корецкого позывали, гдежъ сознане оныхъ дворянъ нашихъ на тыхъ листехъ ихъ посведчило и оказало то, же ты, пане Лаский, очевисто черезъ нихъ тыми мандаты естесь позванъ, а на листе одного з нихъ, Воденевомъ, и того доложоно, же ся твоя милость обецалъ передъ нами стати и во всемь ся князю старосте усправедливити, а около року, за тыми мандаты зложоного, зголилося сознане ихъ с повестю князя старостиною, верхучиненою, и повторе, обмовивши мы около того зъ ихъ милостю паны радами нашими, а видечи то, кгдыжъ князь староста Луцкий позвалъ былъ тыми мандаты нашими обеѣхъ васъ сполне, зъвлаща о кгвалты, утиски, и кривды поделаные з именей самое твоей милости, пани воеводиная,

в забранью кгрунтовъ его и починенью иньшихъ шкодъ, а служебникъ милости твоей, пане воеводо, передречоный Якубъ Кресинский, толко отъ одного твоей милости моцъ положилъ и то одно ку збыванѣ мандатовъ а не ку судовной справе отъ самое тебе, пани воеводиная, моцы жадной не показалъ ани тежъ того ничимъ ся з стороны твоей, пане Лаский, подпиралъ, жебы малжонка твоя мела тобѣ именя свои записати тутъ, у суду нашого, за пытаньем нашимъ не довелъ и тыхъ записовъ не показалъ, а за мандатомъ, ижъ рокъ кождый есть певный, яко завитый, кгдыжъ таковые мандаты уфалены были на сойме валномъ для прудкое справедливости людское; с тыхъ причинъ знашли есьмо то вырокомъ нашимъ, же князь староста Луцкий за тыми чотырма мандаты нашими в онъ часъ року противъ васъ обудвухъ усталъ и за таковымъ непослушенствомъ и нестанемъ вашимъ ку праву, заховываючи мы князя старосту Луцкого в томъ водлугъ обычаю права посполитого, статуту земского, сказали есмо вырокомъ нашимъ господарскимъ кгрунты тые, в мандатехъ и вышей в семъ нашимъ листе менованые, описаные, князю старосте Луцкому в держане до права, а за кгвалты головщину, навезки и шкоды, при тыхъ кгвалтовныхъ наездахъ поделаные, сказали есмо на васъ, также до права суму пенязей водле реестру, черезъ князя Корецкого положоного, который, з росказаня нашого, для певности тое речи вперелъ, запечатанъ есть печатю нашою господарскою и рукою писара нашого подписанъ, казавши тое все с канцлереи нашое ошацовати, подле статуту з навезкою, некоторые шацункомъ, в статуте описаномъ, а чого в статуте не описано, то ведле повести подданыхъ его, яко ихъ што коштовало, водлугъ которого реестру учинило таковую суму пенязей: за тридцать пять кгвалтовъ—за каждый кгвалтъ водлугъ статуту по дванадцати рублевъ грошей, чинитъ семсотъ копъ грошей, а за одну головщину чоловека тяглого . . . . а навязки слугъ, бояръ, шляхтичовъ, слугъ путныхъ, отамановъ, рикуней, будниковъ, бортниковъ, невестъ, людей тяглыхъ, кладучи каждую навязку водлугъ статута, чинитъ тисячу сто пятнадцать копъ грошей, за каждый при тыхъ кгвалтовныхъ наездахъ и боехъ, поделаные, чинитъ двадцать две тысячи семьсотъ девятдесятъ шесть копъ грошей и пенязей девять, а навязки шкодамъ, водлугъ статуту такъ же много кладучы, чинитъ шкодъ з навезкою сорокъ пять тысячъ пятъ сотъ девятдесятъ две копы и одынъ грошъ, пенязей осмъ; того всего за кгвалты, навязки, головщину, за шкоды, и навязку шкодамъ, головною

сумою—чинитъ сорокъ семъ тисячь, чотыреста семъ копъ, одинъ грошъ, и пенязей осмъ. И за тую суму сказали есмо князю старосте Луцкому увязанье до права в люди именей властныхъ самое твоее милости, пани Лаская, с которыхъ собѣ князь староста тые кгвалты, кривды и шкоды менитъ быти почыненые, водлугъ статуту, за кождую десять копъ грошей в службу людей, то есть два дыми людей Волынскихъ, а где бы в тыхъ именьяхъ твоихъ, с которыхъ ся князю Корецкому кгвалты и шкоды стали, такъ много людей не было, штобы тую суму, за шкоды ввязаную, вынесло, тогды и з иншихъ имений вашихъ, люди по тому жъ ведле статуту, штобы за тую суму, вышей описаную стояло, яко и ввязати есмо в то князя старосту послали были заразомъ з оного-жъ сойму виленского дворенина нашого; нижли борздо а по томъ выроку нашомъ з некоторыхъ певныхъ причинъ, а для лепшого вашого, росказали есмо листъ нашъ писати до князя старосты луцкого, и с подписомъ властное руки нашое к нему послали, уживаючи и ожедаючи его милости в томъ, абы онъ того увязанья позанехалъ и задержался с тымъ до сойму Берестейского прошлого в ономъ жо году, шестъдесять шостомъ, маючи волю то промежду васъ на ономъ соймѣ Берестейскомъ, постановити и померковати, гдежъ князь Корецкий, на писане нашо, а чинячи досить воли и жадливости нашой господарской, оного увязанья позанехалъ и не уживалъ его противъ васъ, подле выроку сказаня и листу нашого увяжчого, одножъ, про небытноеть нашу господарскую на ономъ соймѣ Берестейскомъ, в той речи, на которое ся застановене промежду васъ нестало, а князь Корецкий, будучи от насъ ужитъ, абы ся с тымъ увязанемъ не сквапилъ, терпѣливымъ в томъ былъ, не увязывался во именя ваши ажъ и до сихъ местъ; лечь ижъ твоя милость, пане воеводо Сирацкий, вѣдаючи о таковымъ выроку нашомъ, противъ собе вделаномъ, такъ жо и о томъ, же есмо тое увезанье, яко верху поменено, для вашого лепшого и спокойнейшого, уживши в томъ кънязя Корецкого, жаданемъ нашимъ задержали, а будучи потомъ колкокротъ у насъ, господаря, не хотечи ся въ томъ чути, и жадного застановенья въ тыхъ речахъ съ княземъ Корецкимъ вчинити, а князь Корецкий, будучи зде при насъ, господари, на теперешнемъ сойме Городенскомъ, просилъ насъ, абыхъмо ему в томъ далей того надъ право посполитое выrокъ нашъ шкоды приймовати не узычали, але вжо того увязанья водле оного выроку нашого, верху припоминаного, ему призволили и дворенина нашого увяжчимъ ему на

то придали; а такъ мы, заховываючи князя старосту гедле оного вы-року нашого, на сойме Виленскомъ вчиненого, и водлугъ листу на-шого увяжчого, на онъ же часъ ему в той речи до васъ даного, по-слали до васъ дворенина нашого Ивана Семеновича и росказали ему князя старосту, яко в кгрунты на выписе выроку нашого и в семъ нашомъ листе вышей меновите описаные, князю Корецкому до права прислужоны, и за суму пенязей, и за головщину, кгвалты, навезки и шкоды на васъ сказаную сорокъ семъ тисячъ чотыриста семъ копъ, оденъ грошъ, пенязей осмъ, в люди именей самое твоеи милости пани воеводиная, и тежъ хотя будешъ ли твоя милость, пане Лаский, которое право записы до тыхъ именей мѣти, с которыхъ онъ тые кгвалты, кривды и шкоды менитъ быти починеные, водлугъ статуту, за кождую десять копъ грошей в службу людей, то есть в два дымы людей волынскихъ, а гдебы в тыхъ именяхъ вашихъ, с которыхъ ся Князю Корецкому кгвалты и шкоды стали, такъ много людей не было, што бы тую суму за шкоды сказаную выпесло, тогды у в ыншихъ именяхъ вашихъ люди, по тому жъ ведле статуту, што бы за тую суму, вышей описаную, стояла, до права увязати и в держане ему подати; про то приказуемъ вамъ, абы есте, о томъ вѣдаючи, тому дворенину нашому в томъ противни не были, яко увязованя в кгрунты, верху описаные, князю Корецкому в держанье до права сказане, и в суме пенязей, за шкоды сказаной, перво помененой, в люди именей вашихъ сами черезъ врядниковъ, слугъ и подданыхъ своихъ не боронили, такъ и по ввязанью нычимъся у в оные кгрунты, вышей выображоные, и тежъ в люди черезъ того дворенина нашого ему поданые, до права не вступовали, и з моцы его не выймовали, подъ закладомъ нашимъ сорока тысячми копами грошей, а о безпечность здоровя того дворенина нашого абы ся ему, будучи на той справе, никоторая не безпечъность здоровъя его от васъ самыхъ, врядниковъ, слугъ, бояръ и подданныхъ вашихъ не деяла, покладаемъ па васъ особливый закладъ нашъ две тысячи копъ грошей. Писанъ у Городни, лета Божого нароженья тисяча пятсотъ шесдесять осмого, месяца июля десятого дня».

Книга Луцкая гродская поточная 1567 года, № 2042, листъ 241.

55.

Двѣ грамоты Сигизмунда-Августа, извѣщающія объ отдачѣ на откупъ, на годъ, таможенныхъ пошлинъ великаго княжества литовскаго жмудскому старостѣ Яну Еронимовичу Ходкевичу, подканцлеру литовскому Остафію Воловичу, и еврею Менделю Изаковичу. 1568 года, сентября 5 и 8.

Лѣта Божого нароження 1567, ноября 2-го дня, въ неделю.

Пришедши на врядъ замку господарского, Володимірского, передъ мене, Михайла Привередовского, подстаростего Володимірского, дворенинъ господарский, панъ Павелъ Оранский, то оповедилъ и тыми словы до книгъ вызналъ, ижъ, и что первей сего и при старосте Жомоитскомъ, маршалку земскомъ великаго князства Литовского, справцы и гетману его королевское милости земли Лифлянское, державцы Плютелскому и Телшовскому, пану Яну Еронимовичу Ходкевича, а при подканцлеромъ его королевское милости великого князства литовского, маршалку дворному, старосте Берестейскомъ и Кобрынскомъ, пану Остафъю Воловичу, Исакъ Бродавка и дети небожчика Давида Шмерлевича: Шмерль и Лазаръ, поборы у великомъ князстве литовскомъ и на Волыни отъ его королевское милости, на оранде до певного часу, до дня всихъ святыхъ, въ року теперешнемъ, шесдесятъ семомъ, которое свято дня вчорашнего въ суботу минуло, держали; а такъ его кролевская милость зпову тые вси поборы, на прийлый годъ, шестдесятъ осмый, также пану старосте Жомоитскому и пану подканцлерому, а при ихъ милостяхъ жиду берестейскому, Менделю Исаковичу и товарышом его арендовать, и мне, слузе своему господарскому, черезъ листъ свой господарский росказати рачилъ, абыхъ я печатъ, скрынки, ключи, и всю справу поборовую на коморахъ и прикоморахъ поборовыхъ, на тее свято всихъ святыхъ, отъ Изака Бродавки и детей небозчика Давыда Шмерлевича-Шмерли и Лазара, слугъ и справецъ ихъ, взявши, слугамъ и справцамъ пана старосты Жомоитского и пана подканцлерого и Менделю Изаковичу съ товариши его слугамъ и справцамъ ихъ жидовскимъ, въ моцъ и справу подалъ; ино я, водле листу и росказаня его милости господарского, на коморе тутошней Володимірской, печатъ, скрынку, ключи и всю справу поборовую у справцы

Изака Бродавки и детей небожчика Давыда Шмерлевича—Шмерли а Лазара, въ Маира Аврамовича взявши, справцы поборовому его милости пана подканцлерого, пану Михайлу Василевичу Дубницкому на имя его милости пана старосты Жомойтского и пана его, а справцамъ Менделевымъ: жиду Володимірскому, Маиру Изаевичу, а жиду Любомскому, Июде Агроновичу, въ моцъ подалъ, при которомъ оповеданю и вызнаню своемъ выпись съ книгъ врядовыхъ замку господарского Берестейского записаня въ книги листу его кролевское милости въ той справе поборовой до Изака Бродавки а детей небожчика Давыда Шмерлевича—Шмерли и Лазара писаного, и Менделю даного, и на вряде замку Берестецкого отъ оного Менделя показованого, и к тому особливе листъ его кролевское милости, съ подписанемъ руки и печатю его милости господарскою, справы писара его милости господарского, пана Матыса Савицкого до кнезей, пановъ, воеводъ, каштеляновъ, старостъ и всихъ вобецъ обывателей земли Волынское, въ той же справе поборовой писаный, передо мною на вряде показовалъ и просилъ мене, абы тое оповедане и вызнане его взятя печати, скрынки, ключовъ и всее справы поборовое коморы Володимірское отъ справцы Изака Бродавки и детей небожчика Давыда Шмерлевича—Шмерли и Лазара въ Маира Аврамовича, и подане справцы поборовому пана подканцлерого, его милости пану Михайлу Дубницкому, на имя пана старосты его милости Жомойтского и пана его, а справцамъ Менделевымъ: жиду Володимірскому, Маиру Изаевичу, а жиду Любомскому, Июде Агроновичу, и выпись с книгъ замку Берестейского, листъ его кролевское милости перво помененый, въ книги замку Володимірского записано было; я того выпису съ книгъ замку Берестецкого и листу его кролевское милости въ справе поборовой писаныхъ, оглядевши и вычитавши, яко тое оповедане и вызнане его, такъ тотъ выписъ съ книгъ замку Берестецкоого и листъ его кролевское милости слово отъ слова въ книги замковые записати казалъ, которые такъ ся въ собе маютъ:

»Выписъ съ книгъ врядовыхъ замку господарского Берестецкого. Лѣта Божого нароженя тысяча пятсотъ шестдесятъ семого, месяца октебра пятогонадцать дня, въ середу. Пришедши облычне до вряду господарского замку Берестецкого, передъ мене Дмитрего Сапеги, подстаростего Берестейского, жидъ Берестецкій, Мендель Исаковичъ, передо мною на вряде листъ его кролевское милости, съ подписанемъ власное руки его милости господарское и съ подписанемъ руки пи-

сара его милости господарского, пана Матыса Савицкого, писаный справцамъ мытъ и поборовъ господаря, короля его милости, въ великомъ князстве Литовскомъ, Изаку Бродавке а детемъ небожчика Давыда Шмерлевича—Шмерли а Лазару, о который листъ просилъ Мендель, абымъ его до книгъ врядовыхъ замку господарского Берестейского вписати велелъ, которого листу короля его милости я, подстароста, огледавши, за прозбою Менделевою, велелъ есми тотъ листъ его до книгъ врядовыхъ уписати, который слово отъ слова такъ ся въ собе маетъ:

»Жикгимонтъ-Авкгустъ, Божою милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомонтский, Мазовецкий, Инфлянский и иныхъ. Справцамъ мытъ и поборовъ нашихъ у великомъ князстве Литовскомъ: Изаку Бродавке а детемъ небожчика Давыда Шмерлевича—Шмерлу и Лазару. Ознаймуемъ вамъ, што на сей часъ маете и держите тые поборы при старосте Жомонтскомъ, маршалку земскому великого князства Литовского справцы и гетману нашому земли Инфлянское, державцы Плотелскому и Телшовскому, пану Еронимовичу Ходкевича, а при подканцлеромъ нашомъ великого князства Литовскаго, маршалку дворномъ, старосте Берестейскомъ и Кобрынскомъ, пану Остафию Воловичу, отъ насъ господара на аренде до певного часу, которой аренде вашой рокъ выйти маетъ на день свята всихъ святыхъ в року теперешнемъ, шестдесятъ семомъ, близко пришлого; а такъ мы, господарь, знову тыи вси поборы на пришлый годъ, шестдесятъ осмый, также пану старосте Жомонтскому и пану подканцлерому, а при ихъ милости подданому нашому, жиду Берестейскому, Менделю Исаковичу, яко сведомому и беглому у справахъ поборовыхъ, и товаришомъ его, которыхъ онъ къ собе приметъ, арендовали, почавши от того свята всихъ святыхъ в року теперешнемъ, шестдесятъ семомъ, пришлого, коли ваша аренда выходитъ, ажъ до другого таковаго свята всихъ святыхъ, которое в року шестдесятъ осмомъ быти маетъ, для чого до коморъ мытныхъ и поборовыхъ головныхъ, то есть, до Виленское, до Жомонтское, до Ковелское, до Волынскихъ, Подляшскихъ, Городенское, и до всихъ прикоморковъ, к тымъ коморамъ прилалежачихъ, послали есмо дворенина нашого Павла Оранского, которому росказали есмо, ажбы онъ печать, скринки, ключи и всю справу поборовую на тыхъ всихъ коморахъ и прикоморкахъ, на тое свято близко пришлое всихъ святыхъ, от васъ самыхъ, отъ слугъ и справецъ вашихъ взявши, слугамъ и справцамъ пана старосты Жомонтского, и пана подканцлерого,

и Менделю Исаковичу с товариши его, и слугамъ и справцамъ ихъ жидовскимъ в моцъ и справу подалъ, вы бы о томъ ведали, а противеня и непослушенства никоторого противъ сему росказаню нашому господарскому чинити не смеючи, на часъ помененый всихъ святыхъ, на скончeню тое аренды своее, печать, скрынки, ключи и вся справы поборовые, которые на сей часъ в заведеню своемъ маете, слугамъ пана старосты Жомоитского, и пана подканцлерого, и Менделю Исаковичу с товариши его, слугамъ и справцамъ ихъ, передъ тымъ двoрениномъ нашимъ в моцъ и справу на тыхъ коморахъ головныхъ и на всихъ прикоморкахъ, к нимъ прыналежачихъ, подали, а черезъ то, сами, в тую справу поборовую не вступуючися, имъ в ней перекaзы никоторые не чинили конечно, абы то инакъ не было. Писанъ у Кнышине, лета Божего нароженя тисеча пятсотъ шестдесятъ семого, месяца сентебря осмого дня. Которыйжъ листъ его кролевское милости Мендель, давши до книгъ врадовыхъ замку господарского Берестейского записати, и выписъ с книгъ взялъ собе под моею печатю. Писанъ у Берести. Василей Григоревичъ«.

»Жикгимонтъ-Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Инфлянтский и иныхъ. Княземъ, паномъ, воеводамъ, каштеляномъ и княгинямъ, панямъ, старостамъ, державцамъ, вдовамъ, земянамъ и дворанамъ нашимъ, войтомъ, бурмистромъ, радцамъ и всимъ мещаномъ и купцомъ, местъ и селъ нашихъ господарскихъ и князскихъ, панскихъ, духовныхъ, светскихъ, во всей земли волынской лежачихъ. Ознаймуемъ вамъ, ижъ под теперешнимъ тягненемъ особою нашею господарскою обозомъ до войскъ нашихъ, на оборону панства нашого, великого князства Литовского, противко неприятелеви нашему, великому князю Московскому, взяли есмо в скарбъ нашъ на заплату людемъ служебнымъ и на выправу двору и обозу нашего певную суму пенязей у старосты Жомоитского, маршалка земского великого князства Литовского, справцы и гетмана нашого земли Лифлянское, державцы Плотелского и Телшовского, пана Яна Еронимовича Ходкевича, а у подканцлерого нашого великого князства Литовского, маршалка дворного, старосты Берестецского и Кобрынского, пана Остафия Воловича, у подданого нашого, жида Берестейского, Менделя Изаковича, и у товаришовъ его, которого ихъ милость ку собе, яко сведомого справы поборовое, припустили; якоже ще на раты розложоные маютъ въ скарб наш немалое сумы пе-

незей дати, а иж-бы были невни заплаты своеи, панъ староста жомоитский и панъ подканцлерый, а при ихъ милости Мендель жидъ, тогды завели есмо имъ арендою поборы великого князства Литовского, якъ давные, яко и на сойме Берестейскомъ прошломъ уфаленые, отъ товаровъ всякихъ, которые съ панства нашого, великого князства Литовского, за границу, и з за граничья до панства нашого проважоны бываютъ, на цалый годъ, почавши отъ дня всихъ святыхъ, пришлого свята, въ року теперешнемъ, шестдесятъ семомъ, ажъ до того року всихъ святыхъ въ року пришломъ, шестдесятъ осмомъ, яко то на аренде нашой естъ описано, о чомъ бы есте ведали, и на коморахъ мытныхъ и поборовыхъ головныхъ и всихъ прикоморкахъ, къ нимъ прислухаючихъ, въ земли Волынской лежачихъ, у воеводствахъ, староствахъ, державахъ и тивонствахъ своихъ, где колвекъ, передъ тымъ и сего году, коморы и прикоморки, сторожа тыхъ поборовъ нашихъ бывала и знову уставлена, такъ въ местехъ нашихъ господарскихъ, яко и въ вашихъ: князскихъ, панскихъ, духовныхъ и свецкихъ, слугамъ пана старосты жомоитского, и пана подканцлерого, и Менделю Изаковичу съ товариши его, слугамъ и справцамъ ихъ и жидовскимъ, которые за симъ листомъ нашимъ до коморъ головныхъ и прикоморковъ ихъ, въ земли волынской лежачихъ, приедутъ, отъ всякого товару съ купцовъ нашихъ господарскихъ и своихъ: князскихъ, панскихъ, духовныхъ и светскихъ, изъ за гранича переежчихъ, поборовъ першихъ и на Берестейскомъ сойме прошломъ уфаленыхъ, выбирати с коморъ и прикоморковъ, где здавна мытные суть, и еще, где бы ихъ для устреженя прекрадаючихся съ товары причинити потреба, допустили и помочь зъ урядовъ нашихъ и зъ именей своихъ, на промыту, хто бы сваволне, або потаемне проехалъ, укрившися, о потребу, яко въ речи нашой господарской и земской, давали, сопротивеня жадного зъ себе не показуючи и инымъ чинити не допущаючи, конечно. Писанъ у Кнышине, лѣта Божого нароженя тысяча пятсотъ шестдесятъ семого, месяца сентебра пятого дня. Подписъ руки его милости господарское. Матысъ Савицкій писаръ.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная. 1567 года. № 934, листъ 183.

56.

Грамота Сигизмунда-Августа, князю Андрею Михайловичу Курбскому, о томъ, что назначается новый судебный срокъ, по дѣлу его съ Судомирскою каштелянше̂ю, Анною Мацеевскою, впредь до выздоровленія ея повѣреннаго, Магнушевскаго; кромѣ того, грамота предписываетъ Курбскому возвратить Мацеевской 200 овецъ, похищенныхъ въ ея имѣніи. 1568 года, сентября 17.

Лѣта Божего нароженя 1568, месяца октебра третего дня.

Пришедчи на врадъ замку господарського володимерского, до мене, Якима Василевича, будучи мне на тотъ часъ на местьцу пана Михаила Павловича, подстаростего володимерского, врадникъ кашталяновое Судомирское, паней Станиславовой Мацеевское, панее Анны зъ Стоянецъ Мацеевской, панъ янъ Некгошевский, показалъ листъ его кролевское милости, в справе панее своее, ее милости панее Мацеевское, до князя Андрея Михайловича Курпского писаный, о одложенье року для форобы пана Войтеха Макгнушевского, на зоставене зачтий и розниць межи их милостями, через пана Магнушевского, до выздоровеня его, до светого Мартына, свята рымского, близко пришлого, о двесте овець, которые дей у подданых ее милости, панее моей, взяты, абы князь Курпскій подданымъ ее милости вернути велел, яко ширей на томъ листе его кролевское милости описано есть, и просилъ мене, абы тотъ листъ его кролевской милости в книги замковые заведенъ и вписанъ былъ; я, того листу кролевское милости огледавши и достаточне его вычитавши, слово отъ слова в книги замковые вписати казалъ, который так ся в собе маетъ:

«Жыкгимонтъ-Августъ, Божю милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомонтский, Мазовецкий, Инфлянтский и иныхъ. Старосте Кревскому, князю Андрею Михайловичу Курпскому. Присылала до насъ каштеляновая Судомирская, пани Ганна з Стоянец, оповедаючи, иж што умоцованый приятель ее, Войтехъ Макгнушевскій, именемъ ее постановилъ с тобою, на томъ прошломъ сойме в Городне, передъ паномъ Виленскимъ, гетманомъ навышшимъ великого князства Литовского, старостою Городенскимъ, державцою Могилевскимъ, паномъ Грегоремъ Александровичомъ Ходкевича, а пе-

редъ секретаромъ нашимъ, войтомъ Виленскимъ, державцею Стоклишскимъ, докторомъ Августыномъ Ротундомъ, и иншыми приятелы, приехавши до тебе, до Ковля, о вси заштья и розницы, которые ся межи твоими и ее поддаными, в боехъ, грабежахъ, и в бортехъ, и иншихъ речах и шкодах дестъ, мел с тобою, водле памовы, у Городне учепеное, конечное застановене приятелским способомъ уделати на невпый рокъ, тамъ же в Городне зложоный, на который дей она кгды того приятеля своего, Макгнушевского, для хоробы его ку той справе мети не могла, тогды; чинечи досыть тому постановеню свому, служебника своего, Яна Некгошевского, до тебе присылала; нижли дей ты иного никого ку той справе припустити не хотел, одного того самого Макгнушевского, с которымъ ся тое постановене стало, на которого дей Макгнушевского бытность власным еси листомъ своимъ, до нее писанымъ, отзывалъ; а теперъ-де ее о то ку праву потегаеши; надто, безвинно у подданыхъ ее двесте овецъ взяти казалъ; и просила насъ пани Судомирская, абыхъмо о томъ до тебе листъ нашъ писати, а тую речъ тобе зъ нею, водле постановеня Макгнушевского съ тобою, кончити велели, и ку становеню, або посланю Магнушевского на тую справу по той хоробе его, для лепшого, способнейшого выздоровеня его, часу ему узычили, и тые овцы, у подданыхъ ее побраные, вернути ей велели; ино, кгды жъ она того приятеля своего, Макгнушевского, не для чего иного,—одно для хоробы его, на онъ часъ до тебе посылати не могла, также и теперь, для неспособного здоровя его, папи послати, и онъ самъ ехати не можетъ, твоя бы милость съ тою справою на застановене тыхъ заштей и розницъ межи нею и тобою, черезъ Макгнушевского, до выздоровеня его, до светого Мартина, теперь близко пришлого, римского свята, въ семъ року, шестдесятъ осмомъ, подождалъ; а подданымъ своимъ ку ее подданымъ до того часу спокойне заховати и тые двесте овецъ, если будутъ у подданыхъ ее взяты, им вернути велелъ. Писанъ у Варшаве, лѣта Божого нароженя тысяча пятсотъ шестдесятъ осмого, месяца сентебра семогонадцать дня. Базилиусъ Древинский, писаръ«.

Книга Владимірская гродская, записовая и поточная, 1568 года, № 935, листъ 137 на обор.

57.

Грамота Сигизмунда-Августа, къ сборщикамъ податей: князю Дмитрію Козекѣ и Ивану Гулевичу, предписывающая имъ принять подать изъ имѣній князя Андрея Михайловича Курбскаго, безъ взысканія штрафа за несвоевременную уплату оной. 1568 года, октября 5.

Лѣта Божого нароженя 1568, месеца ноябра двадцать второго дня.

Постановившися обличне на враде замку господарского, Володимерского, передо мною, Павломъ Григоровичомъ Ораньскимъ, на тотъ часъ будучимъ подстаростимъ володимерскимъ, а передо мною Иваномъ Петровичомъ Калусовскимъ, судіею княжскимъ володимерскимъ, князь Дмитрей Андреевичъ Козека, а панъ Иванъ Михайловичъ Гулевичъ, поборцы повету Володимерского, на року за позвы кгродскими припаломъ, жаловали, водле позваня своего, на князя Андрея Михайловича Курпского, старосту Кревского, тыми словы: што-жъ который платъ подымный его кролевская милость съ паны радами ихъ милости князи, паны, врадовниками земскими и дворными, и послами поветовыми, и всими станы, сойму належачими, на сойме великомъ валномъ Городенскомъ, въ року теперь-идучомъ, шестьдесятъ осмомъ, съ подданыхъ своихъ господарскихъ, и тежъ князскихъ, панскихъ и земянскихъ, духовныхъ и светскихъ, уфалити и постановити, и роки отданю того податку зложити рачилъ, на которые еслибы хто не отдалъ, тогды совито заплатити повиненъ,—яко ширей и достаточней меновите на рецесе и листе его кролевское милости описано есть, почому хто отъ чого и на которые роки до бирчихъ поветовыхъ отдавати маетъ, и въ неотданю яко ся бирчие заховати и поступовати въ томъ маютъ, то такъ рокъ первый, на который половину того податку кождый отдати былъ повиненъ, вже давно минулъ, а князь-де Курпский, не ведети для которое причины, половицы того податку, на сойме уфаленого, першое и на рокъ первшый намъ, яко бирчимъ поветовымъ, зъ ыменей своихъ, въ повете володимерскомъ лежачихъ, не отдалъ. Мы, заховываючися въ томъ, ведле поставенья и рецесу сойму городенского, позвомъ кгродскимъ о неотданье того податку половицы першое, на рокъ

зложоный, его позвали и тотъ позовъ на праве передъ нами положили, который имъ читанъ былъ. По вычитаню позву, служебникъ князя Андрея Михайловича Курского, Миколай Богушевский, тутъ же стоячи, очевисто за листомъ моцованымъ князя его милости пана своего, который передъ нами показалъ, на то поведилъ: панъ мой, князь Андрей его милость Михайловичъ Курский, не без причины, але зъ причиною, то есть за небытностю его милости самого у Ковлѣ, и ктому иж-дей вредникъ его милость Ковелский, пригодне естъ постре-ленъ, для того-дей на рокъ назначоный отданю тыхъ пенезей, отдати поомешкано, а ведже-дей после того року, по два кроть, тые пенензи плату подымную до васъ, панове поборцы, князь его милость панъ мой посылалъ, ваша-дей милость пенензей без совитости брати не хотели, и показалъ вынисъ съ книгъ замку Володимірского оповеданя на враде слугъ его милости князя Курского пана своего: Грынки Клечковского а Шимона Меженского, иж-дей князь Козека тыхъ пенензей без совитости брати не хотелъ и вызнаня возного повету Володимерского, Хацка Чувата, ижъ-дей при немъ тые слуги князя Курского зъ ымеией князя своего его милости пана своего Ковелскихъ гроши подымные князю Козеце отдавали, а онъ дей тыхъ грошей подымныхъ въ нихъ взяти не хотелъ и не взялъ, поведаючи, ижъ вже роки отданю того податку проминули, прото дей безъ совитости брати не буду, але-дей нехай князь вашъ пришле зъ совитостью, тогды-дей я озму, а въ посланца пана Михайла Малинского на завтрее-дей после того въ середу, таковый же платъ подымный при мне, возномъ, взялъ; потомъ служебникъ князя Курского, Миколай Богушевский, поведилъ, кгдыжъ дей, ваша милость, панове поборцы, того податку отъ князя его милости пана моего безъ совитости взяти не хотели, князь, его милость панъ мой, о то посылалъ до его кролевское милости, а такъ его кролевская милость листъ свой господарский до вашей милости писати казати рачилъ, росказуючи, абы ваша милость тотъ податокъ съ причинъ перво-помененыхъ, и въ листе его милости господарскомъ описаныхъ, звлаща, ижъ имене Ковелское естъ властность его милости господарская, безъ совитости взяли и тотъ листъ его кролевское милости отвороный, съ подписомъ руки его милости господарское, до поборцовъ повету Володимірского, — князя Дмитрия Козеки, до пана Ивана Гулевича, передъ нами показалъ, писаный тыми словы:

»Жикгимонтъ-Августъ, Божою милостю король Полский, великий

князь Литовский, Руский, Пруский, Жомонтский, Мазовецкий, Лифлянский и иныхъ. Поборцамъ повету Володимерского па выбиране податку земского, на сойме недавно минуломъ Городенскомъ уставленнымъ, князю Дмитру Козеце а Ивану Гулевичу. Писалъ и присылалъ до насъ староста Кревский, князь Андрей Михайловичъ Курпский, о томъ, ижъ-дей, за небытностю его самого у Ковлѣ, и къ тому-жъ, ижъ врадникъ его Ковелский пригодне есть пострелепъ, для того-дей пенези серебщизные зъ ыменей Ковелскихъ, водле уфалы сойму Городенского выбраные, на рокъ, отданю тыхъ пенезей назначоный, до васъ отдати поомешкано, а вы-дей теперъ безъ совитости тыхъ пенезей приняти отъ него не хочете, и просилъ насъ, абыхъмо листъ нашъ о томъ ему до васъ дати велели; а такъ, кгдыжъ тые пенези серебщизные не за недбалостю его, але за тыми причинами поменеными на рокъ назначоный не отданы, звлаща, ижъ имене Ковелское есть власность наша господарская, для того приказуемъ вамъ, ажъбы есте тые пенези серебщизные, зъ ыменей Ковелскихъ выбраные, у князя Курпского безъ совитости взяли и трудности никоторые въ томъ ему не чинили конечно. Писанъ у Варшаве, лета Божого нароженя тысяча пятсотъ шестдесятъ осмого, месеца октобра пятого дня. Тутъ подписъ руки господарское, а потомъ писарское, пана Михайла Гарабурды. Панове поборцы: князь Дмитрей Козека а панъ Иванъ Гулевичъ мовили, што ты, Богушевский, поведаешъ, жебы панъ твой, князь Курпский, тые пенези, плату подымную, двакротъ до васъ посылалъ, ино,—съ пенезми оденъ разъ, а не два, а другий первый разъ безъ пенезей, толко доведываючися, где бы до насъ съ тыми пенезми послати мелъ, присылалъ; и то не передъ рокомъ, а ни на рокъ назначоный, але после року, што на властныхъ листехъ князя, его милости, пана твоего, до насъ писаныхъ, покажемо; якже и тые листы князя Курпского, до нихъ писаные, два передъ нами показали, поведаючи, ижъ за неотдане на рокъ назначоный безъ совитости брати не хотели, и мовили, же-дей то и самъ признаваешъ и на выписе врадовомъ, такъ тежъ и на листе его кролевское милости поменено; а што-дей на выписе врадовомъ вызнане возного написано, яко быхъ я, Дмитръ Козека, на завтрее, после того, яко князя Курпского слуги съ тыми пенезми подымными до мене приежчали, въ посланца пана Михайла Малинского таковый-же платъ подымный взяти мелъ, ино-дей того не было, и ачъколвекъ-дей тотъ податокъ не на што иншого, одно на оборону речи посполитое, на людъ служебный

уфаленъ, и на таковыхъ, хто бы на рокъ, отданю того податку назначоный, не отдалъ, тотъ обовязокъ учиненъ, абы совито заплатилъ, яко и князь Курский за неотдане того податку на рокъ назначоный, водле уфалы соймовое въ совитость упалъ; але ижъ его кролевская милость листъ свой господарский до насъ писати казати рачилъ, росказуючи, абыхъмо, съ причинъ, въ листе его милости господарскомъ помененыхъ, у князя Курского тые пенези безъ совитости взяли. Мы, чинечи досыть воли и росказаню его милости господарскому, тые пенези, плату подымного, если же еси ихъ принесъ отъ пана твоего, князя Курского, безъ совитости озмемъ. А такъ тотъ листъ его кролевское милости при собе зоставимъ и часу чиненя личбы имъ ся въ томъ боронити будемъ. Служебникъ князя Курского, Миколай Богушевский, противо тому поведилъ: же тыхъ пенезей, плату подымного, отъ пана своего до васъ, панове поборцы, не принесъ, бо якже есте перво безъ совитости брати не хотели, тогды князь его милость, панъ мой, писалъ до его кролевское милости и до пана гетмана его милости, даючи о томъ ведати, и за тымъ его кролевская милость тотъ листъ свой господарский до васъ писати казати рачилъ, абы тые пенези безъ совитости взяли, а панъ гетманъ его милость до князя его милости, пана моего, листъ свой писати рачилъ, абы князь его милость, панъ мой, тые пенези и реестры выбираня того податку до его милости послалъ, хотечи казать личбы прослухати и тые пенези взять, а его милость своимъ квитомъ съ того квитовал и за писаньемъ листу его милости пана гетмана, яко тые пенези подымные первое раты, такъ тежъ и другое раты, зо всихъ именей Ковелскихъ, казавши выбрать, до его милости пана гетмана послалъ, и показалъ цедулу подъ печатю князя Курского, пана своего, по полски писаную, поведаючи, ижъ-дей тую цедулу панъ мой, князь Курский, зъ листу его милости пана гетмана, до его милости писаного, тотъ оденъ артикулъ, абы тые пенези и реестра до его милости послалъ, выписати казалъ, и для ведомости до васъ послалъ, которая цедула написана есть тыми словы: въ томъ же листе своемъ, ускаржатисе передо мною ваша милость на поборцовъ поветовыхъ рачишъ, которые, розгневавшися на вашу милость, пенезей, на оборону постановленыхъ зъ ыменей прилеглыхъ, ани приймують, ани личбы вашей милости слухать хотять, и просишъ мене ваша милость о науку, штобы зъ тымъ ваша милость чинити мелъ, а такъ, милостивый пане, поневажъ ихъ милость, тамътые панове, противко

вашей милости такъ зубато поступують, теды ваша милость за обе рате съ тамътыхъ именей своихъ пенези казавши выбрать и реестра справить, рачилъ тые пенези всполокъ и реестра до мене прислати, а оказавши, личбы прослухать, а водлугъ ней пенези одбирать буду, зъ того вашу милость квитовать, што ваша милость стане за квитъ поборцовъ тамътыхъ. Данъ зъ Брестовецъ первогонадцать октебра. Панове поборцы поведели: мы того не ведаемъ, если же князь Курпский тые пенези до пана гетмана его милости послалъ, або не послалъ, кгды-жъ листу его милости о то до себе не маемъ и квиту не видимъ, прото мусимъ ся зъ братею своею, зъ шляхтою того повету Володимерского въ томъ намовить, звлаща ку ведомости князя воеводы его милости Волынского и иншихъ ихъ милости пановъ, передъ которыми есмо личбу чинить повинни, и паномъ посломъ, на сеймъ до его кролевское милости отправенымъ, донести, и до его кролевское милости послать, даючи о томъ ведать и просечи о науку, што съ тымъ чинить; а што ся дотычеть листу его кролевское милости, до пановъ поборцовъ писаного, ино нижъ промежку обудву сторонъ, то есть пановъ поборцовъ и служебника князя Андрея Курпского, Миколая Богушевского, споръ сталъ; панове поборцы хотели тотъ листъ его кролевское милости при собе зоставить, а служебникъ его милости князя Курпского, Миколай Богушевский, хотелъ, абы ему зася былъ верненъ, и для того обедве стороне, на то зволивши, тотъ листъ его милости господарский до справы скутечное тих речи при враде зоставили, и просили зъ обудву сторонъ, абы тая справа въ книги замковые была записана. Мы то все достаточне для памети въ книги замковые записати казали.

Книга Владимірская гродская, 1568 года, № 935; листъ 151.

58.

Грамота Сигизмунда-Августа, извѣщающая объ отдачѣ на годъ въ откупъ таможенныхъ пошлинъ еврсямъ: Менделю Изаковичу и Липману Шмерлевичу, и приглашающая всѣхъ жителей великого княжества литовскаго оказывать откупщикамъ возможную помощь при сборѣ пошлинъ и не способствовать тайному провозу товаровъ. 1568 года, октября 20.

Року 1568, декабря 5 дня.

Пришедчи на врядъ его королевское милости, въ замокъ Луцкій, до мене Ярошa Палишевского, воротного замку Луцкого, въ тотъ часъ будучого на месцу Петра Хомека, подстаростего Луцкого, писаря коморы Луцкое побору и мыта его королевское милости, Давыдъ-Марковичъ а Мойзышъ Юсковичъ, показовали мни листъ его кролевское милости подъ печатю и съ подписомъ власное руки его милости господарское, просечи, абы былъ вычитанъ и въ книги гродскіе уписанъ, который листъ такъ ся въ собе маетъ:

«Жикгимонтъ-Августъ, Божею милостю король Полский, великий князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянский и иныхъ. Княземъ, паномъ, духовнымъ и светскимъ, воеводамъ, каштеляномъ, княгинямъ, панеямъ, маршалкамъ, врядникамъ нашымъ земскимъ, и дворнымъ старостамъ, державцамъ, тивуномъ ихъ, и наместникомъ земяномъ и дворяномъ, нашимъ, и тежъ войтомъ, бурмистромъ, райцамъ, мещаномъ местъ нашихъ: Луцкого, Кремянецкого, и Володимирского и иныхъ местъ и селъ нашихъ господарскихъ, князьскихъ, панскихъ, духовныхъ и светскихъ, въ земли Волынской лежачихъ, а особливе людемъ купецкимъ такъ хрестияномъ яко и жидомъ, и иного стану людемъ, и всимъ тымъ, которые колвекъ именья и оселости свои земские и местские мають въ земли Волынской, што которые поборы отъ всякихъ товаровъ по всему панству нашому, великому князству Литовскому, такъ давней и повторе другий поборъ на соймехъ валныхъ на потребу речи посполитой, а меновите на оборону земли Флянское, уфаленые, арендованые суть отъ насъ господаря, старосте Жомоитскому, маршалку земскому великого князства Литовского, державци Плотелскому и Телшовскому, пану Яну Ерониму Ходкевичу и подканъцлерому нашому великого князьства Литовского; маршалку дворному, старосте Берестейскому и Кобринскому, пану Остафью Воловичу, якобы за дозренемъ ихъ милости пилнымъ нихто, не отдавши побору на коморахъ пограничныхъ, потаемъне съ товары не могъ проезжати за границы панствъ нашихъ . . . . водле позволенья староствъ на сойме кождый зъ гасъ, пановъ вышейпомененыхъ въ замцехъ, дворехъ, местехъ и селехъ, въ нашихъ господарскихъ и въ своихъ коморъ сторожу державы допустили; нижли панъ староста Жомоитский и панъ подканцлерый, будучи быти забавны справами нашими господаръскими и земъскими, а ведаючи на то людей беглыхъ и сведомыхъ справъ поборовыхъ подданыхъ нашихъ, жидовъ Берестейскихъ: Менъ-

деля Изаковича а Липмана Шмерлевича за ведомостю и позволенемъ нашимъ господаръскимъ, поручали имъ тыми поборами отъ себе справоваты, которыми ажъ по сей часъ . . . . и платечи въ скарбъ нашъ все сполна на раты, за плате розложеные, а въ ар нде нашой описаные, которые въ томъ укривжоные справе поборовой намъ ознаймуютъ, же многие зъ васъ въ замцехъ, въ местехъ, и въ селехъ нашихъ господарскихъ, такъже и во всихъ коморахъ при границахъ на озбиранье побору отъ товаровъ и сторожи промыты стеречи не допустили, за чимъ великая шкода потребе земской дѣетъся такъ, ижъ зъ скарбу нашого на тое местьцо великая сума выдана на людъ служебный, а зособна вытрученье за тое не допущене, коморъ места хочуть водле аренды нашой; а ижъ вжо въ аренде пана старосты Жомоитского и пана подканцлерого на тые поборы день всихъ святыхъ, въ року нынешнемъ, шестьдесятъ осмомъ, выходить, про то мы, хотечи пожитковъ и шкоды земъское постеречи, абы нихто укрыватися не смелъ занеханьемъ неякимъ тогожъ по колко годовъ, коморъ и прикоморковъ на выбране поборовъ и сторожи на то при границахъ панства нашого, великого князства Литовского, не поступлено, за чимъ собе такий пожитокъ отъ людей купецкихъ потаемне проежчаючихъ съ товары за границу множила . . . . и скарбови нашому, который . . . . . себе великий . . . . поноситъ шкоду . . . . ободва давнешний и на сойме Берестецкомъ прошломy ухваленый, отъ товаровъ всякихъ купецкихъ, которые сухимъ и воднымъ путемъ за границу и з за граничья провадыть ку вернымъ рукамъ поручили есмо отъ насъ тымъжо подданымъ нашимъ, жидомъ Берестейскимъ, Менделю Исаковичу а Липману Шмерлевичу, по выштью пана старосты Жомоитского и пана подканцлерого аренды, на той рокъ пришлый, тысяча пятсотъ шедесятъ девятый, и, маючи тежъ отъ нихъ упевнене, то есмо а передъ-же на тотъ рокъ, шедесятъ девятый, колконадцать тысячей копъ грошей, да въ скарбъ нашъ на отправу посла татарского и на заплату людемъ служебнымъ на замки наши украйные и на иные земскіе потребы и тому и, тыхъ причинъ, абыхмо ведали отъ нихъ и правне дозысковати могли шкоды земьские скарбу нашого, по которыхъ месцахъ коморъ на сторожу купцовъ, потаемьне проежчаючихъ, а то поступили, гдыжъ они причиненю личбы за то немалую суму за рокъ теперешній, шедесятъ осмый, вытрученемъ чинити хочутъ, чого они и теперъ правомъ

нашимъ господарскимъ, яко въ речи земской, попирати будутъ повинни, маючи на то доводы слушные; а такъ мы тые поборы вышепомененые на коморахъ и прикоморахъ во всемъ панстве нашемъ, великомъ князьстве Литовскомъ, подати имъ, послали дворенина нашого . . . . вы бы о томъ ведали о тые поборы помененые або старые и новыи, на потребу речи посполитой, на соймахъ уфаленые, отъ всихъ купцовъ на коморахъ и прикоморахъ звыклыхъ, где передъ . . . . . . за аренды пана старосты Жомоитского и пана подканцлерого сторожа бывала, поборъ выбырати допустили съ коморъ и прикоморковъ всюды въ местехъ и селехъ нашихъ господарскихъ и тежъ у своихъ, подле уфалъ соймовыхъ, на выбиране и перестерегане тыхъ поборовъ, поступовали и нисчимъ есте не заборонями, и кождый отъ себе помочъ вшелякую . . . .
у промыте купцовъ своеволныхъ, которые, не хотечи поборовъ . . . . своихъ коморы и прикоморки поборовые потаемъне або упорне, сухимъ и воденымъ путемъ проежчачи, Менделю и Липману и справцамъ ихъ давали помочь, и за вжды, яко въ речи нашой и земской, отъ всихъ крывдъ боронили, а сами въ справы ихъ поборовые уступоватыся, и имъ въ нихъ шкоды и перешкоды никоторые чинити, и ихъ кривдити и угыскати ничымъ не смели, але-ся ку тымъ поборцамъ нашимъ и справцамъ ихъ во всемъ спокойне а пристойне заховали конечно. Писанъ у Варшаве, лета Божого нароженя, тысеча пятсотъ шестдесятъ осмого, месяца октобря двадцатого дня. Подпись руки господарское — Жикгимонтъ-Августъ, кроль; Подписъ руки писарское — Матысъ Савицкий, писаръ«. А такъ я тотъ листъ его кролевское милости слово отъ слова, з конца ажъ до конца, до книгъ кгродскихъ записати казалъ.

Книга гродская Луцкая, 1568 года, № 2042; листъ 398 на об.

59.

Грамота Сигизмунда-Августа, старостѣ луцкому, браславскому и винницкому, князю Богушу Федоровичу Корецкому, предписывающая ему выдать бѣглыхъ крестьянъ и вознаградить убытки, причиненные Владимірскому подкоморію, Александру Семашку. 1569 года, февраля 1.

Жикгимонтъ-Августъ, Божою милостю король Полский, великий

князь Литовский, Руский, Пруский, Жомоитский, Мазовецкий, Лифлянский и иныхъ. Старосте Луцкому, Браславскому и Вѣницкому, князю Богушу Федоровичу Корецкому. Жаловалъ намъ подкоморий Володимерский, панъ Александро Семашко, о томъ, штожъ дей людей его не мало, отчичовъ именія его Голышевского, зъ жонами, зъ дѣтми и зо всими статками и маетностями своими от него втекши, до именья твоего . . . . зашли; а ты дей, не толко за напоминаніемъ его тыхъ подданыхъ его ему не выдаешъ и справедливости зъ нихъ не чинишъ, але дей ще тымъ людемъ его, которые за тебе зашли, земли и грунты того именія, Голышевского, черезъ границы забирати и в иныхъ поточныхъ речахъ многіе кривды, звлаща въ бои и грабежахъ, ему и людемъ его, Голышевскимъ, чинити кажешъ; въ чомъ онъ кривду и шкоду собе менуючи быти, а тыхъ людей своихъ позыскати хотечи, билъ намъ чоломъ, абыхмо листъ и дворанина нашого о томъ ему до тебе дали, и кгрунтовъ его властныхъ забирати и никоторыхъ кривдъ делати не допустили. А такъ мы придаемъ ему на то дворанина нашого . . . . жебы зъ тымъ листомъ и дворениномъ нашимъ людей своихъ въ именяхъ твоихъ знашолъ; а будуть ли ся знати властными поддаными ихъ,—приказуемъ тобе, ажъ бы жесь тыхъ людей его, зо всѣми статками и маетностями ихъ, съ чимъ буде до тебе зашли, передъ тымъ дворениномъ нашимъ, ничимъ не чикуючи (sic.), выдалъ. А пакъ ли бы ся людьми его быти не знали, ты бы ему зъ ними справедливость не отволочную, водле обычаю права посполитого и статуту земского, при томъ же дворанине нашомъ вчинилъ, а особливе жебы сесь грунтовъ и землю его властныхъ забирати и никоторыхъ кривдъ людемъ его делати не велелъ, же бы онъ въ томъ собе нешкодовалъ и намъ нежаловалъ. Писанъ у Люблине, лета Божого нароженя 1569 года, месеца февраля 1 дня. (L.S.) Михайло Гарабурда.

Сообщено В. Антоновичемъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ *).

1.

Грамота Сигизмунда I, подтверждающая дарственную запись на мызу въ пользу церкви Св. Николая въ Вильнѣ, выданную подскарбіемъ земскимъ Богуславомъ Пилькевичемъ. 1523 года, іюля 7.

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt czwartego, miesiąca septembra trzeciego dnia.

Przed urzędem i aktami niniejszemi Kijowskiemi i przedemną, Grzegorzem Kaleńskim, archywistą przysięgłym ziemskim, stawając osobiście urodzony jegomość pan Michał Pilkiewicz, ten extrakt z ksiąg urzędowych Słuckich autentycznie wydany, z wpisaniem w nim prawa wraz z zatwierdzeniem od najjaśniejszego Zygmunta, króla polskiego, na folwark pana Bohusława Pilkiewicza, pod Wilnem sytuowany, cerkwi S-go Mikołaja, ratione intra-contentorum łaskawie danego i służącego, podpisem ręki wielmożnych podstarosty i pisarza, urzędników tamejszych przy pieczęci zatwierdzony, na papierze ordynaryjnym, w roku tysiącznym sześćsetnym trzydziestym pierwszym wydany, z przyszytym arkuszem papieru steplowanego ceny grosza srebrnego jednego, do akt ziemskich Kijowskich w oblatę podał, w te słowa:

Widymus z xiąg spraw urzędowych zamku xięztwa Słuckiego, roku tysiąc sześćset trzydziestego pierwszego, miesiąca Iunii dwónastego dnia. Na urzędzie zamkowym, od jaśnie oświeconego xięcia jegomości pana miłościwego ustanowionemi, przed nami: Mikołajem Witrolinem, podstarościm Słuckim, Andrzejem Pużakiewiczem, pisarzem, na miejscu sądowem będą-

*) Настоящіе акты открыты въ актовыхъ книгахъ центральнаго архива уже во время печатанія грамотъ великихъ князей Литовскихъ, и потому они помѣщаются въ приложеніи. Всего этихъ актовъ оказалось пять и по содержанію своему—одинъ, подъ № 1, относится къ исторіи церкви, подъ № 2—къ исторіи дворянства, а три, подъ №№ 3, 4 и 5, къ поземельному владѣнію въ южной Руси.

cemi, stanąwszy oczewisto, pan Jan Kasperowicz Pilkiewicz opowiadał, pokładał i dowiódł, podał list swój na rzecz, w nim niżéj wyrażoną, prosząc, aby ten list ze wszystką rzeczą był do xiąg przyjęty i wpisany; który, w księgi wpisując słowo do słowa, tak się w sobie ma:

»Zygmut, z Bożoje miłosty korol Polski, wełykyj kniaź Łytowski, Ruski, kniaża Pruskoje, Żmudzkoje i inych. Pryszedszy pered nas podskarbyj zemskyj, marszałok i pysar nasz, derżawca Kamianeckyj, pan Bohusław Pilkiewicz, i powedył pered namy: sztoż dał na cerkow Bożiju Swiatoho Mykoły Perenesenja, w Wylni, folwark swoj pod Wylnom, kotoryj kupył u namisnyka Mohylewskoho, kniazia Wasyla Iwanowycza Sołomiréckoho, kuplu jeho, szto on kupył w kupca naszoho, Charytona Chadczucza, zo wsim, kak sia w sobie majet, i był nam czołom, iż byśmo tot folwarok potwerdyły cerkwi Bożoi naszym łystom na wieczność', yno my, na ustnoje zeznanyje jeho, z łaski naszoje hospodarskoje, na czołombytyje jeho to uczynyły, tot folwark potwerżajem cerkwy Bożoj tym naszym łystom wecznie i neporusznie; majut swiaszczenyky, kotoryi w toj cerkwi Bożoje budut służyt', tot folwark derżaty ku cerkwi Bożoje zo wsim, kak sia w sobie majet, według ustnoho jeho zoznanija, a na twerdost' toho i i peczat' naszu kazały jeśmo pryłożyt' k semu naszemu łystu. Pysan w Wylni, w lito semoje, tysiacza trydćiatoho perwszoho hodu, miesiacia julia dnia siomoho, indykta... U tego listu królewskiéj mości, pana miłościwego, przy pieczęci wielkiego xięztwa Litewskiego, podpis ręki temi słowy: Ropot Waszkowycz, marszałok i pisar (L. S). Któren to ten list jego królewskiéj mości, pana naszego miłościwego, za podpisem oczewistem pana Jana Kasperowicza Pilkiewicza, do akt, do xiąg urzędowych zamku księztwa Słuckiego jest przyjęty i wpisany. Z których i ten widimus, w roku tysiąc siedemset pietnastym, miesiąca decembra dwudziestego dnia, za podstarostwa jegomości pana Andrzeja Sierzputowskiego, miecznego Mozyrskiego, a pisarza, mnie, Maximiliana Achemtowskiego, jegomościóm panom Szymonowi i Theodorowi Pilkiewiczóm, ziemianom, pod pieczęcią urzędowną, wydan. Pisan w Słucku, ut supra. U tego extraktu z xiąg urzędowych xięztwa Słuckiego, w oblatę wniesionego, korekta i lekta przy pieczęci urzędowéj w te słowa: Andrzéj Sierzputowski, mieczny Mozyrski, podstarości xięztwa Słuckiego (L. S.). Zgodny z xięgami«. Któren to extrakt, woblatę wniesiony, słowo w słowo, ak się w sobie ma, do xiąg niniéjszych ziemskich, Kijowskich, jest zapisany.

Книга Кіевская, земская, записовая, № 141, 1777—1784 г., листъ 1117.

2.

Грамота, пожалованная Сигизмундомъ I Николаю Буркату на дворянское званіе, съ присоединеніемъ его къ гербу »Лебедь«. 1531 года, февраля 10.

Roku tysiąc siedmset ośmdziesiąt piątego, miesiąca octobris pierwszego dnia.

Przed aktami ninieyszemi ziemskiemi Kijowskiemi y przedemną, Aloizym-Kaietanem Borowickim, namiesnikiem przysięgłym ziemskim Kijowskim, osobiscie stawający urodzony jego mość pan Jan Łukawiecki, ten przywiley od nayiaśnieyszego króla polskiego Żygmonta na szlachectwo urodzonemu jego mości panu Mikołajowi Burkatowi konferowany, podpisami rąk nayjaśnieyszego króla polskiego y jaśnie wielmożnych senatorow, przy pieczęci koronnej, na wosku z lakiem czerwonym wycisnionej, przy tymże na sznurku iedwabnym zawieszonej, zatwierdzony, na pargaminie napisany, z przyszytym arkuszem papieru stęplowanego ceny grosza srebnego, do akt ziemskich Kijowskich w oblate pòdał, w te słowa:

Sigismundus, Dei gratia rex Poloniae, magnus dux Litvaniae, nec non terrarum Cracoviae, Sandomiriae, Siradiae, Łanciciae, Cujaviae, Russiae totiusque Prusiae ac Masoviae, Culmensis, Elbingensis, Pomeraniae et caetera dominus et haeres. Memoriae commendamus sempiternae, universis et singulis tenore praesentium significantes, quod cum nemo est, qui nesciat, ut homines, quae meliora honestioraque sunt, mirifice appetunt et sequuntur, et sicut in coelo alii aliis sunt praestantiores superioresque, ita et in hoc mundo, hi, qui virtute, innocentia, fide, integritate et humanitate praestant, maioris ponderis et aestimationis apud omnes habentur; cum autem reges et principes post Deum in orbe terrarum primum et praecipuum locum inter mortales obtinent, data est eis omnium consensu potestas, ut rerum humanarum sint moderatores et, pro singulorum hominum virtutibus, alios prae aliis proemiis condecorent et augeant; sane cum accepimus fideli narratione magnifici Nicolai de Schydłowicz, castellani Sandomiriensis, regni nostri Thesaurarii, Radomiensis, Osvecimiensis, Zatoriensis, Crepicensis, Olstinensis et Grodecensis capitanei, ex linea materna de familia Cignorum oriundi, et generosorum Joannis Łabucz, dapiferi curiae nostrae, Pauli de Volia, tribuni Radomicensis et subdapiferi Sandomiriensis, nec non Joannis Krajowski, dapiferi

Sermiensis, et Dominae Bonae, reginae Poloniae, conjugis nostrae charissimae, et Petri Krzczonowski, fratrum et patruorum de familia et gente Cignorum, ut egregius Nicolaus Burkath de Brzezynka, factor in Czerniachow, est homo ejus modi morum, virtutis, prudentiae, fortidudinis, constantiae, facultatum et in rebus gerendis dexteritatis, ut meritum illum, et ipsius liberos masculos et femellas, ex lumbis ipsius legitime descendentes, pro fratribus clenodialibus domus, gentis et familiae Cignorum habere cuperent; prout jam ex nunc eundem Nicolaum, cum ipsius legitima posteritate, in domum et familiam gentemque Cignorum coram nobis adoptarunt, asciverunt et susceperunt; suplicarunt igitur nobis dicti magnificus et generosi Nicolaus de Schydłowicz, Joannes Łabucz, Paulus de Volia, Joannes Krajowski et Petrus Krzczonowski, fratres clenodiales, ut hujus modi adoptionem et adscriptionem dicti Nicolai et ejus legitimae posteritatis in familia, domum et gentem Cignorum admittere approbare et confirmare, eundemque Nicolaum, cum ipsius legitima posteritate, nobilem creare dignaremur; nos, scientes adoptiones hujusmodi, ex vetustioribus moribus et sacris legibus constitutas, et regiae autoritati, a qua omnis pendet proceditque nobilitas, pertinere et proprium esse; eos scilicet, qui vel rebus strenue gestis, vel more, fidei ac virtutum ornamento pollent, honore debito prosequi et ad nobilitatis ordinem evehere et attollere . . . . . supra nominatum Nicolaum, ipsiusque posteritatem sexus utriusque, juxta adoptionem superius factam, ex certa scientia et speciali gratia, autoritate nostra regia, quae ad hoc maxima est, nobilem creamus, facimus eumque cum sua posteritate legitima familiae Cignorum adnuamus et connectimus perpetueque conglutinamus, ac eundem liberosque, et nascendos ipsius omnibus et singulis, ubicunque gentium et terrarum extiterint, nobilibus status utriusque spiritualibus . . . . et secularibus de nobili stirpe et claro genere ab eorum avis, proavis, atavis, per lineam rectam ex utroque parente procreatis, assimilamus et adaequamus; quorum insigne et commune proclamamus: est cignus alba in campo rubro cum plantis pedum nigris et rostro etiam nigro; supra galeam torneatilem cignus ipsa alba cum fasciis rubris et albis coloribus depictis, inferius demisse (sic.), prout id manu et arte pictoris lucidius est depictum; decernentes et praesenti edicto statuentes, ut praedictus Nicolaus cum legitima posteritate praesenti et futura hoc insigni, tanquam proprio et naturali, in sigilis, anulis, catenis, signis, tentoriis, sentis, vexilis, velis, clipeis, ornamentis, ludis et actibus solennibus, seriis et reliquis ornamentis uti, potiri, et gaudere, depictaque et exculpta publice

ac privatim portare et ferre possit et debeat, perpetuo et in aevum admittamus; praeterea et dignum esse censemus praefatum Nicolaum et ipsius liberos ac liberorum posteros ad omnes et singulos magistratus, dignitates, honores et officia spiritualia et secularia, deponens ex nunc omnem plebei generis humilitatem, quocumque nomine per eos contractam, quo juri communi nobilium contrariae esse solet. Si quis aut praemissis omnibus ausu quovis contraire et hanc paginam nostram infringere voluerit, noverit, se gravissimam redignationem regiam et paenam, in statutis et legibus regni contentam, incursurum. Volumus enim et decernimus hoc privilegium ad omnem probationem nobilitatis ipsi Nicolao et suis legitimis successoribus omnino sufficere. In ejus rei testimonium sigillum nostrum est apensum. Actum et datum Cracoviae, in conventu generali, feria secunda post dominicam septuagesimae proxima, anno domini millesimo quingentesimo, trigesimo secundo, regni vero nostri—vigesimo sexto; praesentibus Reverendissimo et reverendis in Christo patribus, dominis: Mathia de Drzewicza, archiepiscopo Gnesnensi, ac regni nostri primate; Petro de Themicze, Kracoviensi, regni nostri vicecancellario; Joanne Carnkowski, Władisławiensi; Joanne de Latalicze, Poznaniensi; Andrea Cricio, Plocensi; Joanne Chojemski, Premisliensi; Petro de Gamratis, Camenecensi,—episcopis; nec non magnificis, generosis et venerabilibus: Christophoro de Schydłowicz, castellano et capitaneo Cracoviensi, ac regni Poloniae cancellario, Stanislao de Cosczelecz, Poznaniensi et capitaneo Marienburgiensi; Otto de Chodecz, Sandomiriensi; Nicolao de Cosczielecz, Calisiensi; Joanne comite de Tharnow, Russiae et exercituum regni nostri, ac Sandomiriensi capitaneo; Georgio de Bayzen, Marienburgiensi,—palatinis; Lucae de Gorka, Poznaniensi; praefato Nicolao de Schydłowicz, Sandomiriensi; Petro Cmita de Visnicze, Voycensi; Laurencio Myskowski, Bitomiensi; Joanne de Vieczynca, Plocensi,—castellanis; Nicolao Zamoszczki, praeposito Tarnowiensi, cantore Sandomiriensi et canonico Cracoviae; Stanislao de Olesniki, praeposito Skarbimiriensi et canonico Cracoviensi; Paulo Czuszowski, praeposito omnium Sanctorum et canonico Cracoviae, secretariis nostris—et aliisque plurimis dignitariis, officialibus ac aulicis nostris ad praemissa testibus, fide dignis, sincere et fideliter dilectis. Datum per manus praefati magnifici Christophori de Szydłowicz, castellani et capitanei Cracoviensis, ac regni nostri cancellarii etc. sincere nobis dilecti. U tego przywileju, w oblate wniesionego, podpisy rąk tak nayiasnieyszego Zygmonta, króla polskiego, jako y jaśnie wielmożnych senatorow, przy pieczęci, w te słowa: Sigismundus rex. Cristoforus de S., castelan

etc. Cracoviensis W. R. P. com. Ejusdem magnifici Christophori de Schydłowicz castellani et capitanci Cracoviensis ac regni Poloniae supremi cancellarii locus sigili«. Ktory to przywiley, słowo w słowo, jak się w sobie ma, do xiąg ninieyszych, ziemskich, Kijowskich, iest zapisany.

Книга Кіевская, земская, записовая, 1785—1789 г., № 142, листъ 247 на оборотъ.

3.

Декретъ Сигизмунда I, состоявшійся вслѣдствіе жалобы житомирскихъ мѣщанъ на дворянина Луку Лозовицкаго о томъ, что онъ присвоилъ принадлежащія имъ земли, находящіяся возлѣ рѣчки Гуйвы. Сигизмундъ, на основаніи грамоты Александра, данной дѣду Лозовицкаго, утверждаетъ право владѣнія Луки Лозовицкаго на эти земли. 1537 года, февраля 11 дня.

Roku tysiąc siedmset siedmdziesiąt siódmego miesiąca septembris siedmnastego dnia.

W roki sądowe ziemskie Kijowskie, od dnia dwudziestego trzeciego augusti, roku wyż na akcie wyrażonego, w Żytomierzu przypadłe i sądownie odprawować się zaczęte, przede mną Michałem Trypolskim, sędzią ziemskim, kommissarzem sądów pogranicznych województwa Kijowskiego, i księgami niniéjszemi Kijowskiemi. Comparens personaliter urodzony jegomość pan Piotr Mianowski ten dekret najjaśniéjszego Zygmunta króla polskiego, między Semenem Minczukiem, wojtem Żytomierskim i innemi z jednej, a Łukaszem Łozowickim z drugiéj strony, ratione intro contentorum ferowany, na pargaminie ruskim charakterem pisany, podpisem tegoż najjaśniejszego pana, przy pieczęci jaśnie wielmożnego marszałka, stwierdzony, ad acta praesentia terrestria Kijowiensia per oblatam podał, tenoris sequentis: Zygmont, Bożoju myłostyju korol Polski, wełykyj kniaź Łytowski, Ruski, kniaża Pruskoje, Żomojdzki i inych. Smotryły jeśmo toho diła, szto żałowały nam poddany naszy, Semen Menczuk, wójt Żytomerski, sam od sebe i od usich meszczan naszych Żytomerskych, na dworanyna naszoho Łukasza Łozowyćkoho, szto zabrał on rudy i sełyszcza naszy Żytomerskyj, hde ony uchody swoi me-

wały, około reczki Hujwy, poczawszy od meży sełyszcza Halczynskoho, od rudki Neteczy, zaniał rudku Molawku i rudku Rujnuju, k tomu wełykyj i małyj Żerdełew i tyi rudy, zemli i sełyszcza do swoich sełyszcz Zwyniaczych pryworoczajet, a meszczan Żytomerskych odtol wyhaniajet; a Łozowyćki stał pered namy oczewysto i mowył z meszczany, cztoż tyi rudy, zemły i sełyszcza, to uże pytomnaja jeho dedyzna i otczyzna, i pokładał pered namy przywyłéj brata naszoho szczasnoje pamety korola jeho myłosty Alexandra, sztoż szest sełyszcz jeho dedyznych i otczyznych: dwi Zwyniaczy, wełykij i małyj Żerdełew, dwi rudy Rujnuju i Molawku, aż po rudku Neteczu othranyczył; potwerdył dedu jeho wecznostiu; yno my wsi tyi szest sełyszcz z rudamy i z zemlamy, szczo k nym prysłuszajet, podłuh toho prywylu szczasnoj pamety korola jeho myłosty Alexandra, kak w nem napysano i ohranyczeno, potola Łozowyćkomu, potomkom i szczadkom jeho, prysudyły jeśmo na wiecznost, kak pytomnu ju dedyznu i otczyznu jeho, a meszczanie Żytomierskyi samy, i strelcy, i kunycznyki naszy nemajut tam nykoły nikakoho diła mity; i na to dały jeśmo Łukaszu sej nasz łyst z naszeju peczatju. Pysan w Wyłni, pod lito Bożoho narożenia tysiacza piatsot trydciat semoho, miesiacia fewrala odynadciatoho dnia, indykta semoho. U tego dekretu russkim pismem na pargaminie pisanego, per oblatam podanego, podpisy rąk tak najjaśniéjszego króla, jak też jasnie wielmożnego marszałka przy pieczęci w te słowa. Sigismundus rex NB. Prej. był wojewoda Wileński Au. Olbrycht Martyn nasz, a marszałek nasz dworny pan Hryn. Stan. Nam. Merci: (L. S.)«. Który że to dekret, per oblatam podany, słowo w słowo, jak się w sobie ma, do ksiąg niniéjszych kijowskich jest zapisany.

Книга Кіевская, записовая, 1777—1784 г., № 141, листъ 147.

4.

Грамоты Сигизмунда-Августа, дворянину Лукѣ Богдановичу Лозовицкому, потверждающія привиллегіи, данныя Александромъ его дѣду Нелюбу Гринкевичу Лозовицкому въ 1494 году и ему самому Сигизмундомъ въ 1537 г. на селища въ Житомирскомъ повѣтѣ: Звинячка, Звинячее, великій и малый Жерделы, руда Руйная и рудка Малявка. 1547 года, ноября 11.

Roku tysiąc siedmset siedemdziesiąt siódmego, miesiąca septembris siedmnastego dnia.

W roki sądowe ziemskie Kijowskie, od dnia dwudziestego trzeciego augusti, roku wyż na akcie wyrażonego, w Żytomierzu przypadłe i sądownie odprawować się zaczęte, przede mną Michałem Trypolskim, sędzią ziemskim, kommisarzem sądów pogranicznych województwa Kijowskiego, i księgami Kijowskiemi, comparens personaliter urodzony jegomość pan Piotr Mianowski ten przywiléj od najjaśniéjszego Zygmunta Augusta króla polskiego, ruskim pismem pisany, na dobra wsie Żerdele i inne, na pargaminie poprzeciranym i nadwątlonym, a przez to w niektórych miéjscach i słów dostarczających niemający, z okoliczności, w manifeście, na dniu niniejszym do akt niniejszych wniesionym, wyrażonéj, bojarynowi Nelubowi Hrynkiewiczowi Łozowickiemu, ratione intro contentorum łaskawie dany, podpisem ręki tegoż najjaśniéjszego króla i jasnie wielmożnego marszałka dwornego stwierdzony, ad acta praesentia terrestriae Kijowiiensiae per oblatam podał, w wyrazach takowych:

»Zygmónt-Auhust Bożeju myłostyju korol Polski, wełyki kniaź Łytowski, Ruski, Pruski, Żomojdski, Mazowecki i innych. Czynym znamenyto sym naszym łystom, chto na neho posmotryt, był nam czołom dworanyn nasz, Łukasz Bohdanowycz Łozowycky, i powedył pered namy, cztož kak posyłały eśmo jeho po potrebach naszych na różnyje mestca, tohdy bez bytnosty jeho, gdy kniaź Fałczewski, byskup Łucki i Berestensky, a dyak nasz, pan Łew Patey, były od nas na rewyzyju do Żytomera posłany wsich zemlan, kotoryi na on czas około Żytomera w domach swoich były, kak kotoroho z nych zowut, i im'nya, i sełyszcza ich otczyznyje, i wysłużonye, menowyte popysały, a tyje sełyszcza, kotorych otczycy ne otozwałysia, rozumiejuczy, czto ich tatare pobyły, abo pomerły; i jeho Łozowyckoho szest sełyszcz dedycznyje i otczyznyje, około ryczki Hujwy u powite Żytomerskom łeżaczyje, nazywajemyje Zwyniaczku i Zwyniaczuju, wełykij i małyj Żerdełew, rudu Rujnuju i rudku Malawku w odnom obrube, to wse bez bytnosty jeho do zamku Żytomerskoho za pustyi w rehestr wpysały, na kotoryje tyje sełyszcza swoje prywyłey prodka naszeho swetobływoj pamety korola jeho myłosty Ałexandra z peczatju didu jeho, neboszczyku Nelubu Hrynkiewiczu Łozowyckomu, dany, i łyst sudowy swetobływój pamety pana otca naszeho, korola jeho myłosty Zygmonta, prysużenie czotyroch sełyszcz, pered namy pokładał i był nam czołom, aby jeśmo toje prawo jeho do wedomosty naszoj pryniawszy, w sei łyst nasz upysaty kazały, tyje sełyszcza jeho dedycznyi i otczyznyi tym naszym łystom potwerdyły jemu na wecznost; i my, wydeczy proźbu Łozowyckoho w tom słusznuju, tych łystów jeho ohledawszy, kazały

jeśmo w sei łyst nasz wpysały i tak se w sobi majet«: »Alexander Bożeju myłostyju korol Polskyi, wełyki kniaź Łytowskyj, Ruski, kniaża Pruskoje, Żomojdzki i innych. Czynym znamenyto sym naszym łystom, kto na neho posmotryt, był nam czołom bojaryn nasz Żytomierskoho powitu, Nelub Hrynkiewicz Łozowycki, i powedył pered namy: sztóż kak pohanstwo Tatare około Żytomera były, tak statky jeho pobrały, dom i w tom domu łysty wsi pożehły na szest sełyszcz dedizny i otczyzny jeho w żytomyrskom powite około reky Hujwy, meży zemlamy naszymy w odnom obrube łeżaczyje, narycajemyje Zwyniaczka i Zwyniaczaja, wełykyi i małyj Żerdełew, ruda Rujnaja i ruda Malawka, i prosył aby jeśmo ohranyczyły i na to dały łyst nasz, i tyje szest sełyszcz, dedyznu i otczyznu jeho, potwerdyły jemu łystom naszym na wiecznost', i my na czołombytyje, i też dla upadu jeho, kotory jemu stałsia od pohanstwa, od tatar, w tom jeho pożałowały, tot obrub zemli i w nem usiu tuju, szest sełyszcz, dedyznu i otczyznu jeho, poczawszy od ryczki Hujwy rudkoju Neteczeju, mymo Łebedyny ozera, do dorohi staroj Kijewskoj z probytoj mohyły, a od toj mohyły tojejuż dorohoju Kijewskoju, mynajuczy werchy Łebedynych ozer i werchom rudy Rujnoje, a odtol dorohoju Kyjewskojuż ob meżu Żerdełewa i Zwyniaczych do Borsuk, (hoc loco wytarto) kotoraja podle tojż dorohi Kijewskoj jest, a od toj mohyły czerez pole i czerez dubrowu do reczki Hujwy, hde Hujewka w Hujwu uwoszła, a od toho miescia dubrowoju czerez rudku Bernawku do werchu rndki Kobyłéj, i Kobyłeju na nyz do rudki Cheroszczy, a od Cheroszczy czerez dubrowu prosto do Hujwy, hde rudka Netecza w Hujwu upała, odkola poczałysia meży opysowały, potola obrub tych szesty sełyszcz ohranyczyły i potwerdyły jeśmo jemu sym łystom naszym na wiecznost', i majet Nelub (hoc loco wytarto) i jeho żona i dety ich i napotom buduczyj ich szczadki tyi wsi sełyszcza po tym meżam, kak w sem łyste naszom opysano derżaty i wżywaty, kak swoju potomniu dydiznu i otczyznu, obet (sic) wieczno i neporuszno, a na twerdost toho, peczat' naszu (hoc loco wytarto) prywesyty k semu naszomu łystu. Pysan w Wylni, w lito sim tysiacz dwe, miesiaca julia czotyrnadcatyi deń, indykt dwanadciatyj. Pry tom był W. Wl. P. Min. Rad, a pan. Hryn. Stan. Marszałek dworny nasz. Merez (sic.). . . . . U toho łystu peczat' zawesistaja ciłaja. Druhy łyst sudowy tak se w sobe majet«:

»Zygmont (hoc loco wytarto) korol Polski, wełyki kniaź Łytowski, Ruski, kniazia Pruskoje, Żomoidzkoie i inych; smotryły jeśmo toho diła, sztoż żałowały nam poddany naszy Semen Myneczuk wójt Żytomerskyj nam

od sebe i od wsich meszczan Żytomerskych na dworanyna naszoho (hoc loco wytarto) Łozowyckoho, sztož zabrał on rudy i sełyszcza naszy Żytomerskyje, hde wony uchody swoi mewały, około ryczki Hujwy, poczawszy od meży sełyszcza Halczynskoho, ot rudki Neteczy, zaniał rudku Maławku i rudkú Rujnuju, i k tomu wełyky i mał (hoc loco wytarto) tyi rudy, zemli i sełyszcza do swoich sełyszcz Zwyniaczych pryworoczajet, a meszczan Żytomerskich odtol wyhoniajet, a Łozowycki stał pered namy oczewysto, i mowył z meszczany: sztož tyi rudy, zemli i sełyszcza to wse pytomaja (hoc loco wytarto) dydyżna i otczyzna, i pokładał pered namy prywyléj brata naszoho szczasnoje pamety korola jeho myłosti Alexandra, sztož szest sełyszcz jeho didyzny i otczyzny, dwi Zwiniaczyje, wełykyj i małyj Żerdełew, dwi rudy Ruinuju i (hoc loco wytarto) až po rudku Neteczu ohranyczył i utwerdył didu jeho wiecznostiju; ino my usi tyi szest' sełyszcz z rudamy i z zemlamy, szto k nym prysłuszajet, pod'uh toho prywiliu szczasnoje pamety korola jeho myłośty Alexandra, kak w nem napysano i ohranyczeno, potola Łozowyckomu, potomkom i szczadkam jeho prysudyły jeśmo na wiecznost, kak pytomuju didyznu i otczyznu jeho, a meszczane Żytomerskyi samy, i strelcy, i kunycznyki naszy ne majut tam nikoły nikakoho diła mity, i na to dały jeśmo Łukaszu sej nasz łyst z naszeju peczatiu. Pysan w Wylni, pod lito Bożoho narożenia tysiacza piatsot trydciat' semoho, miesiać fewrala odynadcatyj deń, indykt semy. Pry tom był W. Wt. pan Olbrycht Martyn, kasztelan a marszałek nasz dworny, pan Hryń Stan. nasz Merecki . . . . U toho łystu podpyś pana otca naszoho, swetobływoje pamety, i peczat' ciła prytysnena. Ino chotiaż na tot czas Łozowycki, na służbe naszój buduczy, sebe i sełyszcz swoich otczyznych pered rewyzormy ne opowidał, a ony bez bytnosty jeho w Żytomeru sełyszcza jeho za pustyje w regestr do zamku wpysały, na kotoryi on prawo swoje teper pred namy pokładał i był nam czełom, aby jeśmo na to dały łyst nasz, i tyi wsi sełyszcza jeho, łystom naszym potwerdyły na weczno st. My na czołombytyje jeho dały jeśmo jemu sej łyst nasz i potwerżajem łystom naszym na wiecznost, majet Łukasz Łozowyckyi sam i jeho żona i ich dity i na potom buduczyi ich szczadki tyi wsi sełyszcza, Zwyniaczku i Zwyniaczuju, wełykij i małyi Żerdełew, rudu Rujnuju i rudku Malawku w tych meżach i w hranycach, kak w pomenenom szczasnoje pamety korola jeho myłosty Alexandra łysti napysano, derżaty i używaty weczno i neporuszno, i wolno im budet tyi sełyszcza komu choteczy prodaty, oddaty i darowaty i zapysaty, kak swoju własnuju didyznu (hoc loco wytarto) naszu kazałyśmo zawisyty k

tomu naszomu łystu. Pysan w Wyłny, pod lit Bożoho narożenia tysiacza piatsot sorok semoho, miesiacia nojabria odynadciatyj den, indykt szostyj. U tego przywileju, ruskiem charakterem pisanego, per oblatam podanego, podpisy, tak najjaśniejszego króla polskiego, jako też jaśniewielmożnego marszałka dwornego w następujących wyrazach: Sigismundus-Augustus, rex Poloniae. Iwan Hornostaj, marszałek dworny, podskarbi ziemski i pisarz. Który to przywilej, per oblatam podany, słowo w słowo, jak się w sobie ma, do xiąg niniejszych ziemskich, Kijowskich, jest wpisany

Книга Кіевская, земская, записовая, 1778—1784 г., № 141, листъ 141.

5.

Подтвердительная грамота Сигизмунда, слугѣ старосты Луцкаго, Брацлавскаго и Винницкаго, князя Богуша Өедоровича Корецкаго, Ермолѣ Мелешку, на селище Залисце, лежащее въ Винницкомъ повѣтѣ. 1564 года, іюля 5 дня.

Roku tysiąc siedmset dziewiędziesiąt s'udmego, miesiąca iunii pierwszego dnia.

Na otwarcie xiąg ziemskich powiatu Winnickiego, kadencij Juzefa Troieckiej, prawem przypisanej zwykłym, stawiąc się osobiście, urodzony Michał Bibik Korczyński, V. R. Z. B. i komendant proviantcki magazynu powiatu Winnickiego, ten extrakt przywieliu na polane z stawkiem Czerniszowskim, alias vroczysko Zaliście, niegdy urodzonemu Jarmole Meleszkowi, prawem lennym za czasów panowania nayiaśniejszego króla jegomości Polskiego i wielkiego xięcia Litewskiego, Zygmunta-Augusta, roku tysiąc pięcset sześćdziesiąt czwartego, mies'ąca julii piątego dnia nadanego, z akt kancellaryj metryk wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego wydany, z przyłączeniem papiru steplowanego dwudziesto kopijkowego, dla zapisania do xiąg niniejszych w sposób oblaty podał w tej istocie. »Stanisław-August z Bożej łaski król Polski, wielkiego xięstwa Litewskiego, Ruski, Pruski, Mazowiecki, Żmudzki, Kijowski, Wołyński, Podolski, Podlaski, Inflanski, Smolenski, Bracławski, Siewierski i Czernihowski. Oznajmuiemy tym listem extraktem naszym, komu to wiedzieć należy, iż w xięgach metryki kancellaryj naszej

wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego znajduie się przywilej Jermole Meleszku, na s liszcze w powiatu Winnickom, nazwanoie Zaliście, z polanoiu, z stawem Czornyszowskim na rzecze Czapli, z lesy, dubrowami i z pasiekamy, prawem lennym, za najjasniejszego predecessora naszego króla jegomości Polskiego i wielkiego xięcia Litewskiego Zygmunda-Augusta, w roku tysiąc pięcset sześćdziesiąt czwartym, miesiąca julii piątego dnia dany, i supplikowano nam iest przez panów rady urzędników, przy boku naszym rezyduiących, abyśmy ten przywilej z tych że xiąg metryki kancellaryi naszej wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego per extractum authentyce wydać pozwolili, który słowo do słowa, z ruskiego wypisuiąc, tak się w sobie ma:

»Жикгмундъ-Августъ, Божою мылостію король Полскiй, великий князь Литовскiй, Рускiй, Прускiй, Жомонтский, Мазовецкий, Инфлянскiй и иныхъ. Билъ намъ чоломъ служебникъ старосты Луцкого, Браславского и Винницкого, князя Богуша Өедоровича Корецкого, Ермола Мелешко, и поведилъ передъ нами, ижъ князь староста, панъ его, далъ ему зъ воли и ласки нашое господарское селище въ повети Винницкомъ, на име Залисце, съ поляною, съ ставкомъ Чорнышовскимъ, который есть на реце Чапли, съ лесы, дубровами, лежачими за лесомъ великимъ Винницкимъ, съ пасеками, и зо всемъ, якъ ся тое селище Залисце само въ собе и въ своихъ пожиткахъ маетъ, и при томъ ставку Чорнышовскимъ дозволилъ ему дворъ будовати, лесы, дубровы розробливати и всякiе пожитки ку его доброму а пожиточному розширяти, на што ему князь Корецкiй и листъ свой, подъ печатью своею и съ подписю руки своеи далъ, который листъ Мелешко передъ нами покладалъ, биючи намъ челомъ, абыхмо ласку нашу господарскую учинили и его при томъ селищу съ пожитки, къ тому належащими, водлугъ листу князя Корецкого зоставили и потвердили то ему нашимъ листомъ, якожъ и князь староста Луцкий, князь Корецкий, панъ его, листъ свой до насъ писалъ, просечи насъ въ томъ за нимъ и залицаючи его быть годнымъ и потребнымъ ку службамъ нашимъ господарскимъ и земскимъ тамъ на той украини; а такъ мы того листу князя Корецкого огледавши, казали его слово одъ слова до книгъ нашихъ и въ сей нашъ листъ вписати, который такъ ся въ собе маетъ: Я Богушъ Өедоровичъ Корецкiй, староста Браславскiй и Винницкiй, ознаймую и явно чиню тымъ моимъ листомъ, кому того потреба ведати будетъ, билъ мне чоломъ служебникъ мой, Ермола Мелешко, абы ему далъ на хлебокормленie его селище пустовское, лежачое въ повети

Винницкомъ, то есть, съ полями, ставкомъ Чорнышовскимъ, за лесомъ велыкимъ Винницкимъ на реце Чапли, которое прозываютъ врочишчомъ Залисцѐ, на дорози велыкой, которая дорога идетъ съ Винницы до Брацлавла, на чомъ бы онъ будучи, собе поживеніе мети, а господару королю его милости служити мелъ; а такъ я, видечи, ижъ тое селище Залисце не есть на жадной перекази замку и месту его милости господарскому, Винницкому, а ни тежъ тымъ што пожиткомъ его милости господарскимъ уменшилъ, даломъ ему и тымъ листомъ моимъ даю, до ласки его милости господарское, тое селищо, на име Залисце, съ ставкомъ Чорнышовскимъ, который есть на реце Чапли, съ лесы, дубровами, лежачими за тимъ же лесомъ великимъ Винницкимъ, съ насеками и со всимъ на все якъ ся тое селище Залисце само въ собе и въ своихъ пожиткахъ маетъ, и при томъ же ставку Чорнышовскимъ дозволилъ есми ему дворъ будовати, люди садити, млынъ на томъ же ставку више помененномъ збудовати, леси, дуброви розробливати и всякие пожитки ку своему доброму пожитечному розширати, яко найлепей розумети будетъ, а господару королю его милости повиненъ будетъ съ того службу земскую служити, и на то есми Ермоле Мелешку далъ сей мой листъ подъ моею печатею. Писанъ въ Винници, лета Божого нароженя тисяча пятсотъ шестьдесятого, месаца іюня двадцатъ четвертого дня; подписъ руки власное князя Корецкого. И съ ласки нашое господарское, за прозьбою и залеценемъ таковимъ князя Корецкого, же тотъ Мелешко есть годнымъ до службъ нашихъ земскихъ тамъ на той украине, на чоломъбитіе его, то есмо вделали, и при томъ селище вишеймененомъ Залесце, со всими пожитками къ нему належащими, и въ листе князя Корецкого выписаними, того Ермолу Мелешка зоставуемъ и то ему симъ нашимъ листомъ потвержаемъ, маетъ онъ самъ, жона, дети и власние потомки его мущизкого стану тое селище, со всими грунты и пожитки перворечономи, держати и вживати во всемъ, потому яко на томъ листи князя, старостиномъ, есть описано, а намъ господару будетъ повиненъ съ того службу земскую, шляхетскую, служити, потому яко и иншие бояре, шляхта тамошная, Винницкая, служитъ. Писанъ въ Белску, лета Божего нароженя тисеча пятсотъ шестдесятъ четвертого, месяца іюля пятого дня, подписъ руки господарское«.—My tedy król, do pomienionej suppliki łaskawie się skłoniwszy, zwyż wyrażony przywilej z xiąg przerzeczonych metryki kancellaryj naszej wielkiej wielkiego xięztwa Litewskiego extraktem stronie potrze-

buiącej wydać i dla lepszej wagi pieczęć wielkiego xięstwa Litewskiego przycisnąć rozkazaliśmy. Dan w kancellaryi naszej wielkiego xięztwa Litewskiego, dnia siedmnastego miesiąca iunii, roku pańskiego tysiąc siedmset siedmdziesiąt siódmego, panowania naszego trzynastego roku.—U tego extraktu swiadectwa kancellaryi wielkiego xięstwa Litewskiego, do oblaty podanego, przy pieczęci wielkiej wielkiego xięstwa Litewskiego, na masie czerwonej wycisnionéj, podpisy takowe: Alexander xiąże Sapieha, kanclerz W. W. X. L. mp. (L. S.). Dalszy ciąg swiadectwa takowy: za sprawę JW. X. iego mość[i] hrabi na Bychowach, Dombrownie, Drui, Szkudach, Dereczynie, Prożanej, A. Sapieha, kanclerz W. W. X. Lit. Felix Szubert, metrykant Litewski, mp. Nadpis zaś na tym extrakcie takowy:

Екстрактъ привилею Ермоле Мелешку на селище въ повети Винницкомъ, названое Залесье, съ поляною, съ ставомъ Чорнышовскимъ на реце Чапли, съ леси, дубровами и съ пасеками, правомъ леппимъ въ roku tysiąc pięcset sześćdziesiąt czwartym danego«.—Który to extrakt co do słowa w xięgi niniejsze iest zapisany.

Книга Винницкая, земская, записовая, 1797 г., № 4797, листъ 83.